ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Сидоренко Татьяна Евгеньевна

С.А. Плетнёва и проблемы археологии Хазарского каганата в отечественной науке второй половины XX века (салтово-маяцкая культура)

07.00.06 – Археология

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор Винников А.З.

Воронеж – 2015

Оглавление

Введение 4

Глава 1: Научная, административная и педагогическая деятельность С. А. Плетневой (1 апреля 1926 – 20 ноября 2008) 23

Глава 2: Проблемы формирования, выделения вариантов и хронологии салтово-маяцкой культуры в отечественной археологии второй половины XX века. 64

2.1. Проблема формирования салтово-маяцкой культуры. 64

2.2. Проблема выделения вариантов салтово-маяцкой культуры. 87

2.3. Вопрос о выделении археологических памятников этнических хазар. 101

2.4. Хронология памятников салтово-маяцкой культуры. 111

Глава 3: Вопросы материальной культуры населения салтово-маяцкого общества в освещении отечественной археологии во второй половине XX века. 132

3.1. Типология поселений. 132

3.2. Жилые постройки и вопрос об их эволюции у населения салтово-маяцкой культуры. 152

3.3. Хозяйственная деятельность населения салтово-маяцкой культуры в оценке отечественной историографии второй половины XX века. 163

3.4. Роль торговли и внешнеэкономических связей. 190

Глава 4: Погребальный обряд и проблема социальной дифференциации салтово-маяцкого общества в отечественной археологии второй половины XX века. 199

Заключение 239

Список использованных источников и литературы 248

Список сокращений 276

ИЛЛЮСТРАЦИИ..... 277

Введение

Актуальность темы. Хазарский каганат — одно из крупнейших государственных образований в раннесредневековой Восточной Европе второй половины I тысячелетия нашей эры. На протяжении почти трех веков Хазарский каганат играл доминирующую роль в данном регионе, являлся мощным политическим объединением.

История Хазарского каганата известна в той или иной степени по ряду письменных источников. Среди них можно выделить: еврейско-хазарские (переписка Хасдая ибн Шафрута и царя Иосифа (краткая и пространная редакции), арабо-персидские, византийские, закавказские, также некоторые упоминания о хазарах содержатся в русских летописях.[1]

Мы не будем в данной работе рассматривать развитие хазароведческого направления в России с момента его зарождения до рубежа XIX-XX веков, ибо эта проблема достаточно подробно представлена в специальных работах и в отдельных разделах ряда исследований по истории Хазарского каганата.[2]

Отметим только, что в русской историографии того периода хазарский вопрос освещался исключительно в контексте русско-хазарских отношений на основе русских летописей, а также хазаро-русско-византийских взаимоотношений. В целом, в это время, историками положительно рассматривалась роль хазар в формировании славянского государства — под защитой Хазарского каганата славяне в VII–IX смогли колонизировать значительные территории Восточной Европы. Также была затронута

[1] Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 7-26; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – 262 с.
Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). – М. – 2015 – 288 с.

[2] Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. – Воронеж, 2006. – С. 14-26; Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII-XX веков. – СПб, 2006. – 195 с.

проблема влияния хазарской политической структуры на государственный строй Древней Руси.

Начиная с 1900 года, рядом исследователей проводятся археологические исследования Верхне-Салтовского могильника (В.А. Бабенко, А.М. Покровский, Н.Е. Макаренко, А.А. Спицын, А.С. Федоровский). Примерно в это же время А.И. Милютиным[3] и Н.Е. Макаренко[4] исследуется Маяцкое городище. В 1901 году В.А. Городцовым был раскопан Зливкинский могильник, также отнесенный исследователями к салтовскому типу. С открытием и началом изучения Верхне-Салтовского могильника и Маяцкого городища впоследствии была выделена салтово-маяцкая археологическая культура, материалы которой стали важным источником для освещения истории и культуры Хазарского каганата[5].

Период 20-30-ых годов XX века ознаменован переходом на качественно другой уровень изучения истории и археологии Хазарского каганата. Это связано с появлением ряда ценных изданий источников. Прежде всего, речь идет о публикации П. К. Коковцовым еврейско-хазарской переписки, в которой дан анализ переписки кагана Иосифа с Хасдаем ибн Шафрутом и помещены отрывки из других памятников средневековой еврейской литературы о хазарах.[6]

Как одну из наиболее значимых работ этого периода необходимо упомянуть исследование Ю. В. Готье, где автор указал на необходимость

[3] Милютин А.И. Раскопки 1906 года на Маяцком городище //Известия ИАК. – СПб., 1909. – Вып. 29. – С. 153-163.

[4] Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 годов // Известия ИАК. – СПб., 1911. – Вып. 43. – С. 1-47.

[5] Афанасьев Г.Е. Эволюция теоретико-методологического подхода к изучению Маяцкого городища //Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника “Дивногорье”. – Воронеж, 2012. – Вып. 3. – С.93-122; Он же. Об авторстве и первоначальном значении термина “Салтовская археологическая культура” // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк, 2014. – Вып. 6. – С. 407.

[6] Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – 134 с.

проведения систематических археологических исследований на территории Хазарского каганата для решения вопроса о материальной культуре хазар[7].

Первым исследователем, соединившим данные письменных и археологических источников, а также систематизировавшим весь накопленный на тот момент материал, стал М. И. Артамонов. Уже в 1929 году он подготовил монографию «Средневековые поселения на Нижнем Дону»[8] (но издана она была в 1935 году)[9], где обобщены все известные на тот момент археологические материалы и музейные коллекции, а также данные разведок на Левобережном и Правобережном Цимлянских городищах, поселениях у хутора Среднего, Карнауховском и Потайновском, Семикарокорском городище и других. В этой работе автор убедительно отождествляет Левобережное Цимлянское городище с хазарским городом-крепостью Саркелом, упоминаемом в ряде письменных источников.

В 1934-1936 М.И. Артамонов проводит археологические исследования Левобережного Цимлянского городища, что было важным этапом в изучении археологических памятников Хазарского каганата.[10]

В 1937 году выходят “Очерки древнейшей истории хазар”, где М.И. Артамонов вновь сопоставляет археологические материалы с данными письменных источников. В этой работе М.И. Артамоновым был рассмотрен ранний период истории хазар — от гуннского нашествия до возникновения Хазарского каганата. На основе еврейских, византийских, армянских, арабских письменных источников были освещены вопросы исторической

[7] Готье Ю. В. Кто были обитатели древнего Салтова? // Известия ГАИМК. – Л., 1927. – Вып. 5. – С. 65-84.
[8] Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. – С. 28.
[9] Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции) // Известия ГАИМК. – Л., 1935. – Вып. 131. – С. 1-118.
[10] Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. – С. 35-47.

географии Хазарского каганата, внешнеполитической истории, а также происхождения самих хазар[11].

В работах 30-50-х годов М. И. Артамонов неоднократно поднимал проблему этнической принадлежности носителей салтово-маяцкой культуры. В отличие от преобладающей на тот момент точки зрения, что салтово-маяцкая культура могла быть только результатом расселения земледельческих аланских племен, М. И. Артамонов считал, что степная культура Хазарского каганата являлась культурой болгаро-хазарской. Сходство салтово-маяцкой культуры с культурой северокавказских алан М. А. Артамонов объяснял происхождением болгаро-хазарских племен на основе “смешивания и скрещивания” тюркских и финно-угорских племен в результате гуннского завоевания[12]. Решающее значение в проблеме этнической идентификации салтово-маяцкой культуры, по мнению ученого, имела расшифровка тюркских надписей на стенах Маяцкого городища, которая по алфавиту совпадала с надписями на кирпичах и сосудах Саркела.

Точку зрения М.И. Артамонова позже оспорил И. И. Ляпушкин, который отмечал схожесть многих элементов салтово-маяцкой культуры с культурой северокавказских алан. И.И. Ляпушкин обратил внимание на тот факт, что салтово-маяцкая культура появляется в Подонье уже сформировавшейся культурой оседлых земледельцев,[13] вне ее ареала. В качестве подтверждения своей гипотезы автор приводит факт отсутствия родственных салтовским памятников в Подонье V–VII вв, в то время как весьма схожие древности эволюционируют в центральной части Северного Кавказа[14]. Это обстоятельство, а также сходство материальной культуры и

[11] Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1937. – 136 с.
[12] Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления Северо-западной Хазарии. – М., 1940. – С. 161.
[13] Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I/ МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 144.
[14] Там же. – С. 145.

антропологических характеристик части салтово-маяцких могильников с некрополями Северного Кавказа позволило И. И. Ляпушкину настаивать на том, что в конце VII — начале VIII вв. часть кавказских алан переселилась на Дон[15].

В 1949–1951 годы под руководством М. И. Артамонова в зоне будущего Цимлянского водохранилища проводятся масштабные археологические работы Волго-Донской экспедиции, в ходе которой было получено огромное количество археологического материала, ставшего важнейшей источниковой базой для изучения раннесредневековой истории Нижнего Подонья и, прежде всего, Хазарского каганата. После окончания работы Волго-Донской экспедиции были опубликованы III тома Трудов Волго-Донской экспедиции.[16]

В 1949 году появляется кандидатская диссертация Н. Я. Мерперта: «Верхнее Салтово (Салтовская культура)»,[17] в которой содержится анализ погребальных и вещевых комплексов. Н.Я. Мерперт поднимает проблему этнической принадлежности населения, оставившего памятник. Анализ монетного материала позволил автору определить хронологические рамки могильника.

В 1962 году выходит фундаментальная работа М.И. Артамонова — «История хазар», основанная в основном на письменных источниках с незначительным привлечением археологического материала.[18]

Изучению наследия М.И. Артамонова, становлению и развитию хазарской археологии в 20-50 годах XX века посвящена кандидатская диссертация Н.А. Медведенко и упомянутая выше ее монография.[19]

---

[15] Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 146.

[16] Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I // МИА СССР. – М., 1958. - Вып. 62. – 427 с.; Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II // МИА СССР. – М., 1959. – Вып. 75. – 390 с.; Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III // МИА СССР. – М., 1963. – Вып. 109. – 530 с.

[17] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (Салтовская культура). Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук // НА ИА РАН. Р 2. № 884. 416 с.

[18] Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – 524 с.

Начиная с 1960-х годов, в отечественном археологическом хазароведении начинается новый этап, который, прежде всего, связан с деятельностью С.А. Плетневой, ученицей М.И. Артамонова в хазароведении, во многом воспринявшей его взгляды, концепции, но не слепо их копируя, а продолжая их развивать на абсолютно новом археологическом материале, а в ряде случаев разрабатывая собственный, принципиально новый подход к историческому процессу, протекавшему в южнорусских степях в эпоху раннего средневековья. Это отнюдь не означает, что С.А. Плетнева работала в каком-то научном вакууме. Но нужно признать, что на протяжении ряда десятилетий, почти до 90-х годов XX века С.А. Плетнева была негласным законодателем идей, взглядов, концепций в археологическом хазароведении. В конце 80-х годов круг исследователей салтово-маяцкой культуры расширился. Появились работы Г.Е. Афанасьева, В.С. Флерова, К.И. Красильникова, В.К. Михеева и ряда других археологов-хазароведов. В ряде работ этих авторов взгляды С.А. Плетневой на отдельные проблемы хазарской археологии подверглись определенной критике. Но и в этой ситуации разработанный С.А. Плетневой теоретический фонд археологических исследований Хазарии оставался в основном незыблемым, и сама С.А. Плетнева как специалист в области хазароведческой археологии сохранила весьма высокий авторитет среди историков и археологов-хазароведов. Но если «артамоновский» период в хазароведении получил достаточно подробное освещение в литературе, диссертационных исследованиях, то следующий этап – вторая половина XX века, связанный в основном, как отмечалось выше, с деятельностью С.А. Плетневой, её учеников, последователей и оппонентов в хазароведении, не получил какого-либо освещения в литературе. Задача данной диссертации восполнить этот пробел в археологическом хазароведении.

---

[19] Медведенко Н.А. Проблемы археологии и истории Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Автореф. дисс. … к. и. н. – Воронеж, 2004. – 22 с.

Степень изученности проблемы. В отличии от предыдущих периодов археологического хазароведения, получивших определенную оценку и анализ в упомянутых выше работах И.И. Ляпушкина, Н.А. Медведенко, Э.Д. Ващенко, интересующий нас этап не получил еще в литературе какой-либо оценки и анализа.

К настоящему времени о деятельности С.А. Плетнёвой написаны лишь отдельные статьи, которые в малой степени отражают направления её исследовательских изысканий, а также педагогическую и организаторскую работу. Так, в 2001 году в сборнике «Средневековые древности евразийских степей» выходит совместная статья А.З. Винникова и А.Д. Пряхина «Светлана Александровна Плетнёва и развитие археологии в Воронежском государственном университете».[20] Ряд статей о деятельности исследователя, личных и совместных с другими исследователями, написаны учеником С.А. Плетнёвой – И. Л. Кызласовым, совместно с Т.И. Макаровой[21]. В 2006 году И.Л. Кызласовым, в соавторстве с Т.И. Макаровой и В.Н. Чхаидзе публикуется список работ С.А. Плетнёвой, а в 2010 году в Уфе выходит совместная статья И.Л. Кызласова и Н.А. Мажитова «Творческое наследие выдающегося историка-археолога Светланы Александровны Плетнёвой».[22] Кроме того, необходимо упомянуть, что в 2009 году в «Дивногорском сборнике» выходит статья А.З. Винникова «Археологические уроки С.А. Плетнёвой»[23], что очень символично, так как именно на территории

[20] Винников А.З., Пряхин А.Д. Светлана Александровна Плетнёва и развитие археологии в Воронежском государственном университете // Средневековые древности евразийских степей /Археология восточноевропейской степи. – Воронеж, 2001. – Вып.15. – С. 14-17.

[21] Кызласов И.Л., Макарова Т.И. О творческом пути Светланы Александровны Плетнёвой. Список работ С.А.Плетнёвой // Средневековые древности евразийских степей /Археология восточноевропейской степи. Воронеж, 2001. – Вып. 15. – С. 3-13; Кызласов И.Л. Предисловие //Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой. – М., Йошкар-Ола, 2006. – С. 5-6.

[22] Мажитов Н.А., Кызласов И.Л. Творческое наследие выдающегося историка-археолога Светланы Александровны Плетнёвой // Вопросы востоковедения. - Уфа, 2010. – №2. – С. 50-54.

[23] Винников А.З. Археологические уроки С.А.Плетнёвой //Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж, 2009. – Вып.1. – С. 14.

Дивногорского музея-заповедника под руководством С.А. Плетнёвой в своё время велись исследования международной Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Также имя С.А. Плетнёвой вошло в сборник научных биографий Института археологии РАН[24], в Энциклопедический словарь Московского университета[25] и историческую энциклопедию[26].

Специальных работ, анализирующих научное творчество С.А. Плетнёвой и её концепций нет, кроме рецензий на некоторые ее работы,[27] хотя в исследованиях, посвященных салтово-маяцкой культуре в последние годы, имеются отдельные сюжеты в которых содержится разбор её взглядов. На анализе этих работ мы остановимся ниже в соответствующих разделах диссертации. В 2006 году вышла книга Э.Д. Ващенко ““Хазарская проблема” в отечественной историографии XVIII-XX веков”.[28] В этой книге по существу автор рассматривает лишь одну проблему в историографическом плане: Русь и Хазария. Археологический источник даже с точки зрения взаимоотношений двух государственных образований им практически не привлекается и не рассматривается.

Объектом исследования является процесс накопления и изучения археологических источников и формирование на их основе взглядов и концепций в отечественной науке на проблемы истории населения салтово-маяцкой культуры – культуры Хазарского каганата.

---

[24] Плетнева Светлана Александровна //Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий. – М., 2000. – С. 221-222.

[25] Плетнева Светлана Александровна //Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. – М., 2004. – С. 365-366.

[26] Плетнева Светлана Александровна //Большая российская энциклопедия. – М., 2014. – Том 26. – С. 410-411.

[27] Кузнецов В.А. [Рец.] С.А. Плетнева «От кочевий к городам», 1967 //СА. – 1969. – №2. – С. 296-300.

Даркевич В.П., Макарова Т.И. [Рец.] Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981 // СА. – 1983. – №4. – С. 258-264.

[28] Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII-XX веков. – СПб., 2006. – 195 с.

Предмет исследования — основные взгляды и концепции, сложившиеся в хазарской археологии во второй половине XX века и нашедшие отражение в научном творчестве С.А. Плетневой.

Целью данной работы является: комплексный анализ научных концепций археологии Хазарского каганата, базирующихся на исследовании памятников салтово-маяцкой культуры, сложившихся в отечественной науке во второй половине XX века.

Данная цель предполагает решение ряда конкретных **задач:**

- Наметить основные этапы научной деятельности С.А. Плетневой, которые связаны с формированием концепций в области изучения салтово-маяцкой культуры в конце 50-90 годах XX века.

- Проследить эволюцию взглядов в отечественном археологическом хазароведении на проблему формирования салтово-маяцкой культуры, ее вариантов и хронологии, взяв за основу исследования С.А. Плетневой.

- Проанализировать и осветить разработанные на базе археологических источников С.А. Плетневой и рядом других исследователей представлений о материальной культуре и ее эволюции (поселения, жилые постройки, хозяйственная деятельность, торговые отношения) у населения салтово-маяцкой культуры.

- Проследить процесс формирования на основе археологического материала в хазароведении второй половины XX века взглядов на проблему социальной дифференциации населения салтово-маяцкой культуры и общественного строя Хазарского каганата.

- Осветить взгляды и представления, сложившиеся в науке, на этнический состав населения салтово-маяцкой культуры и проблему алано-болгарского взаимодействия.

- Дать характеристику сложившихся в отечественном хазароведении взглядов на проблему поиска собственно хазарских древностей.

Источники. Основные источники исследования - изданные работы С.А. Плетневой по хазарской проблематике и некоторые архивные материалы.

Прежде всего, источником послужили публикации результатов археологических исследований, которые легли в основу построения основных гипотез и концепций исследователей, прежде всего, С.А. Плетневой, а также публикации с теоретическими построениями касательно общих тенденций развития кочевнических обществ.

Кроме публикаций в качестве источника для исследования использовались отчеты о полевых исследованиях, отчеты о научно-исследовательской деятельности отдела славяно-русской археологии ИА РАН СССР,[29] а также личный фонд С.А. Плетневой[30].

Как уже было сказано выше, помимо обширной теоретической деятельности С.А. Плетнева вела активные полевые исследования. Не все эти исследования нашли отражения в публикациях. Сама С.А. Плетнева также отмечала, что: «К сожалению, не удалось включить все материалы полевой археологической работы. Ежегодные, сдаваемые в Архив ИА Отчеты о сезонных полевых работах, дополняют изданное, но и они не всегда полно отражают полученные в раскопках данные, т.к. масштабы чертежей и найденных вещей, как правило, очень мелкие, а описания памятников излишне сжатые»[31]. В связи с такой спецификой подачи информации, С.А. Плетневой был оставлен обширный личный Фонд, который на данный момент хранится в Архиве ИА РАН.

Данный Фонд состоит из нескольких частей, где приводятся наиболее развернутые описания памятников, или же наиболее точные и подробные

[29] Отчет о научно-исследовательской работе в 1974 году // НА РАН. Ф – 457. Оп – 4. № 40. 256 л.; Отчет о работе Отдела славяно-русской археологии ИА РАН СССР за 1974 год // НА РАН. Ф – 1909. Оп – 1. № 1126. 120 л.; Отчет о работе Отдела славяно-русской археологии ИА РАН СССР за 1975 год //НА РАН. Ф – 1909. Оп – 1. № 1150. 135 л.
[30] Плетнева С.А. Личный фонд С.А. Плетневой // НА ИА РАН. Р – 6. № 25. 1605 л.
[31] Там же. - Л. 5.

рисунки, что является огромным подспорьем для современных ученых и изучения проблем кочевников Восточной Европы.

В первую группу материалов входит картотека каменных половецких изваяний, собранных С.А. Плетневой в музеях Украины, Ростовской области, Краснодара, Ставрополя, Пятигорска, Саратова, Воронежа, Белгорода, крымских музеев, а также в селах, а иногда даже на полях данных областей. Если в книге, посвященной данной проблематике («Половецкие каменные изваяния» (1974))[32] помещены рисунки лишь 300 статуй и их «информативных» обломков, то в Фонде представлено уже 700 описаний статуй и их обломков[33].

Второй группой материалов Фонда являются материалы Дмитриевского могильника (Шебекенский район Белгородской области). Группа представлена таблицами вещевых комплексов из погребений и тризн могильников, составленных из рисунков всех вещей, за исключением сосудов; чертежами погребений; а также приложенные к таблицам и чертежам описи, которые могут быть дополнительным источником для специалистов[34].

Третья часть Фонда представлена материалами раскопок Правобережного Цимлянского городища, на котором С.А.Плетнева проводила исследования в 1958-1959 годах[35].

Ею было раскопано около 1500 кв.м., на которых были вскрыты остатки стационарных юртообразных жилищ (19 – полностью, 21 – частично), а также найдено множество сельскохозяйственных орудий, орудий кузнечного, слесарного, столярного ремесел, небольшое количество предметов вооружения.

[32] Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. – М. – 1974. – 200 с.
[33] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. – Л. 5.
[34] Там же. – Л. 6.
[35] Там же. – Л. 7.

Материалы по исследованию Правобережного Цимлянского городища состоят из полевых чертежей планов раскопов, оснований жилищ, сырцовых погребов, фрагментов кладок белокаменных стен городища, а также многочисленных чертежей профилей культурного слоя. Кроме того в Фонд сданы полевые Описи находок с зарисовками части вещей и обломков керамики и полевые дневники сотрудников экспедиции К.В. Каспаровой, Т.И. Макаровой, и, конечно же, С.А. Плетневой.[36] Данная часть Фонда очень ценна для исследователей. Несмотря на то, что материалы этого памятника много раз публиковались как в специальных, так и обобщающих трудах М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, С.А. Плетневой и других исследователей, по утверждению самой С.А. Плетневой, ни одно из этих исследований не отражает всех особенностей памятника[37]. Поэтому расширенные версии Отчетов С.А. Плетневой послужат неоценимым подспорьем для современных исследователей Правобережного Цимлянского городища.

Четвертой частью Фонда являются материалы раскопок С.А. Плетневой древней болгарской столицы – Плиски в 1977-1980 годах. Материалы данного памятника также неоднократно публиковались, тем не менее, включенные в Фонд чертежи имеют самостоятельную ценность как подлинные полевые документы. Также представляют интерес и рисунки вещей, сделанные С.А. Плетневой в поле, так как вещи ежегодно сразу же сдавались в музей Плиски.

Таким образом, в Фонд входят рисунки почти всех обнаруженных во время раскопок вещей (всего более 120 предметов и 9 разных знаков на камнях, кирпичах, плитках), а также чертежи общих планов раскопов, общих и отдельных профилей раскопа, 5 планов жилищ, планы 6 погребений за 1979-1980 годы.

[36] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. – Л. 7.
[37] Там же. – Л. 8.

Ценность данной части Фонда неоспорима, так как Плиска является одним из уникальных памятников Восточной Европы IX – начала XIвв. Отдельное самостоятельное значение для всех археологов, работающих на многослойных средневековых памятниках, имеют стратиграфические исследования культурного слоя, проводимые С.А. Плетневой.

Пятой группой материалов Фонда являются копии граффити, снятые С.А. Плетневой в поле с блоков Маяцкого городища, раскопки на котором велись в 1975, 1977-1982 годах Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией под руководством С.А. Плетневой[38]. Копии снимались на полиэтиленовую плёнку обычной ручкой путем накладывания на поверхность камня прозрачной пленки. Таким образом, зафиксировано более 200 граффити. По содержанию, граффити представляли собой знаки различных начертаний и значений, тамги, отдельные буквы, простейшие орнаменты, рисунки людей, всадников, лошадей, а также, надписи, выполненные руническим письмом.

Практически все эти граффити изданы в двух сборниках Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции: «Маяцкое городище»[39] и «Маяцкий археологический комплекс»[40], но, тем не менее, полевые фиксации этих уникальных материалов имеют первостепенное значение, поскольку снятые копии, естественно, наиболее близки к оригиналу.

Дополнительно к полиэтиленовым копиям в Фонд включены и перебеленные лично С.А. Плетневой кальки наиболее информативной части изображений – рисунки, надписи, некоторые постоянно повторяющиеся сложные знаки.

Последняя, ценнейшая часть фонда, представляет собой материалы раскопок знаменитого Левобережного Цимлянского городища, которое на

[38] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. – Л. 9.
[39] Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – 279 с.
[40]Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – 235 с.

данный момент затоплено водами Цимлянского водохранилища[41]. Отчет о работах на нём и даже просто полевая документация практически не были сданы М.И. Артамоновым в Архив ИИМК по разным, независящим от него причинам. Материалы городища двадцать с лишним лет хранились в личном архиве М.И. Артамонова. После смерти его жены – О.А. Артамоновой, которая в последние годы жизни, несмотря на тяжелую болезнь, пыталась привести в порядок документацию, часть архива М.И. Артамонова по исследованиям за 1949-1951 годы была отдана на доработку С.А. Плетневой.

По воспоминаниям самой С.А. Плетневой «Материалы находились в очень большом беспорядке. Многие чертежи выполнены карандашом на полуватмане, хотя и были выполнены художественно и точно, прекрасными молодыми архитекторами, были сильно стерты, многие растрескались и порвались. …Полевые дневники вели, в основном, студенты ЛГУ и в лучшем случае – аспиранты»[42].

Работа над архивом заняла около 20 лет, так как, по словам С.А. Плетневой «проводилась “в свободное от работы время”».[43]

Отчет за 1949 год был закончен только в 1990 году. По словам самой С.А. Плетневой, этот отчет был самой легкой частью работы, так как был написан А.Л. Якобсоном и сдан в архив. С.А. Плетнева дополнила его лишь некоторыми упущенными подробностями и составила альбом сохранившихся чертежей[44].

Отчёт за 1950 год был сдан в Архив в виде «Краткого отчёта». С.А. Плетневой практически пришлось писать его заново и делать к нему альбом из уцелевших и реставрированных чертежей.

[41] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. – Л. 10.
[42] Там же. – Л. 11.
[43] Там же.
[44] Там же. – Л. 12.

По воспоминаниям С.А. Плетневой отчет за 1951 год оказался самим трудоемким – он полностью был написан С.А. Плетневой – более 300 страниц текста и более 150 чертежей, и был закончен в 1993 году[45].

Таким образом, в последнюю часть Фонда, включены:

А. Отчет за 1949 год и альбом к нему;

Б. Отчет за 1950 год и альбом, помещенный в большую папку размером 35х45;

В. Отчет за 1951 год. Два альбома текста;

Г. Полевые дневники за 1949-1951 годы (всего 66);

Д. Полевые описи за 1949-1951 годы (перепечатанные и переплетенные в семь книг).

То, что все вышеперечисленные материалы не были переданы в Архив ИИМК, С.А. Плетнева объясняет огромным трудом, проделанным при реставрации документации: «Поскольку С.А. Плетнева сохранила и реставрировала все материалы по Саркелу-Белой Веже, а главное, написала подробнейшие Отчеты о раскопках на нем, этот Архив, по существу, стал частью ее работы, характеризующий ее направление интересов и деятельности. Поэтому материалы о раскопках на данном памятнике по справедливости относятся к ее личному архиву в той же мере, как к архиву ее учителя».[46]

Хронологические рамки данного исследования – вторая половина XX века (конец 50-90 годы). Основные концепции и взгляды С.А. Плетневой и ряда других исследователей на историю Хазарского каганата, нашедшие отражение в археологическом материале, оформились и нашли воплощение в работах 2-ой половины XX века. Поэтому хронологические рамки диссертации определены именно этим периодом. Но, при этом, надо иметь в виду, что ряд статей, в которых подводится своеобразный итог работы в

[45] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. – Л. 12.
[46] Там же.

предшествующие десятилетия, опубликованные в первые годы XXI века также учтены в данной работе.

Географические рамки исследования определяются территорией салтово-маяцкой культуры в интерпретации С.А. Плетневой, взгляды которой на эту проблему изменялись в процессе ее научной деятельности, что учитывалось и стало предметом исследования в диссертации.

Методы исследования. В диссертации использованы традиционные методы источниковедческого и конкретно-исторического анализа. Взгляды исследователей, и прежде всего С.А. Плетневой, на проблемы салтово-маяцкой культуры анализируются в их временном, пространственном и социокультурном контекстах. Такой подход определил применение сравнительно-исторического метода, который позволил проследить не только эволюцию взглядов С. А. Плетневой, но и сопоставить друг с другом различные этапы в археологических исследованиях автора. Таким образом, для получения наиболее полного результата были использованы методы научного анализа, синтеза и описания.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

- Это, по существу, первая работа, в которой обобщены основные достижения в археологическом изучении Хазарского каганата отечественной науки второй половины XX века.

- В работе намечены и раскрыты основные этапы становления, развития и эволюции в научной деятельности С.А. Плетневой в области изучения салтово-маяцкой культуры, ее формирования и этнических составляющих.

- В диссертации обобщены археологические материалы, содержащиеся в работах С.А. Плетневой и других исследователей, раскрывающие достижения в области изучения материальной культуры, социальной дифференциации и общественного строя населения салтово-маяцкой культуры, характерной для Хазарского каганата.

- В работе показано, что разработанная С.А. Плетневой хронологическая шкала салтово-маяцкой культуры на основе материалов Дмитриевского могильника, с учетом уточнений, внесенными некоторыми исследователями, и по сей день является единственной и аргументированной системой датировки аналогичных памятников.

- Анализ работ в области археологического хазароведения и, прежде всего, исследования С.А. Плетневой, убедительно доказывает, что на северной и северо-западной окраине Хазарского каганата в ареале салтово-маяцкой культуры шел активный процесс этнического смешения двух этносов (алан и болгар) в рамках единой культуры.

- Определена роль и значимость творческого наследия С.А. Плетневой в развитии археологического направления в отечественном хазароведении и степень ее влияния на развитие знаний о истории Хазарского каганата в настоящее время.

Основные положения, выносимые на защиту.

- Анализ развития хазароведческого направления в отечественной археологии во второй половине XX века позволил сделать вывод, что теоретические разработки исследователей и, прежде всего, С.А. Плетневой, не представляли собой раз и навсегда выработанные взгляды на исторические процессы, протекавшие в Восточноевропейских степях и прилегающих районах лесостепи во второй половине I тысячелетия нашей эры, а постоянно эволюционировали, корректировались, исходя из полученных материалов при открытии и исследовании новых памятников и накопления источников.

- Выделенные С.А. Плетневой отдельные варианты салтово-маяцкой культуры с характерными признаками, специфическими чертами в области материальной культуры, погребальной обрядности и других элементов, прослеженных на археологическом материале, связаны с отдельными этническими и этнографическими группами населения Хазарского каганата.

- Убедительно доказано, особенно исследованиями С.А. Плетневой, что в отдельных регионах Хазарского каганата в ареале салтово-маяцкой культуры (прежде всего, лесостепного ее варианта) шел активный процесс смешения культурных разноэтничных групп, традиций и формирование нового этноса, который не был завершен по причинам сложившихся исторических обстоятельств.

- Предложенная С.А. Плетневой система внутренней хронологии салтово-маяцкой культуры на материалах Дмитриевского могильника с учетом некоторых корректив вполне может быть применима к другим аналогичным памятникам Хазарского каганата.

- Многие гипотезы и концепции в хазароведении, разработанные в те годы на археологическом материале с учетом возможностей письменных источников, актуальны и по сей день и являются своеобразной программой для исследователей, в том числе работающих на новом, современном методическом уровне.

Апробация результатов исследования. Отдельные аспекты диссертационного исследования изложены в ряде научных публикаций в “Вестнике ВГУ”, КСИА, материалах “Дивногорского сборника” и других изданиях. А также докладывались на конференции “Археология Восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы” (Липецк, 2013), в выступлении в Группе кочевников раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, 2013), конференциях, проводимых историческим факультетом Воронежского государственного университета (Воронеж, 2013, 2014), Институтом археологии РАН (Москва, 2015), Природным, архитектурно-археологическим музеем-заповедником «Дивногорье» (2015).

Практическое значение работы определяется возможностью использования основных положений диссертации в общих и специальных курсах по археологии и истории Хазарского каганата. Результаты исследования могут применяться для написания обобщающих трудов, а

также быть использованы в разработке лекционных курсов по археологии, и спецкурсов по археологии кочевников раннего средневековья, по истории археологической науки для бакалавров и магистров – историков и археологов.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, иллюстраций.

Так как работы С.А. Плетневой во многом предопределили развитие хазароведческого археологического направления во второй половине XX века, ее взгляды и концепции на протяжении практически всего обозначенного периода были и остаются в центре внимания археологов-хазароведов, мы сочли необходимым в специальной главе рассмотреть её научную, административную и педагогическую деятельность.

Три другие главы посвящены конкретным проблемам, разрабатывавшихся в отечественном археологическом хазароведении во второй половине XX века, прежде всего в работах С.А. Плетневой.

Глава 1: Научная, административная и педагогическая деятельность С. А. Плетневой (1 апреля 1926 – 20 ноября 2008)

Светлана Александровна Плетнева родилась 1 апреля 1926 года в городе Вятке.

В 1949 С.А. Плетнева заканчивает исторический факультет МГУ, и в этом же году поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), где под руководством Б.А. Рыбакова пишет и успешно защищает в 1952 кандидатскую диссертацию «Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. (по археологическим материалам и письменным источникам)», которая впоследствии была опубликована[1].

Параллельно с этим, С.А. Плетнева начинает свои первые шаги в полевой археологии - принимает активное участие в экспедициях на Тамани, в Новгороде, Чернигове, Любиче. В Волго-Донскую экспедицию М.И. Артамонова впервые она попадает в 1950 году. Это была экспедиция по исследованию Саркела. Именно в Волго-Донской экспедиции, не без участия М.И. Артамонова и его жены О.А. Артамоновой, окончательно формируются научные интересы и сфера деятельности С.А. Плетневой. Позже она вспоминает: «В Москве на кафедре А.В. Арциховский заявлял во всеуслышание, что археология не женская наука и ни разу не удосужился поговорить со мной (его дипломницей). Б.А. Рыбаков за весь первый год аспирантуры не нашел времени поинтересоваться, чем же я занимаюсь и как живу. Надо сказать, что это пренебрежение почти убедило меня в моей научной несостоятельности или, во всяком случае, ущербности. Здесь, в

[1] Плетнева С.А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях //Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 151-226.

экспедиции Артамоновы всегда выслушивали мнение самого молоденького студента и относились к нему с серьезным вниманием»[2].

Первые самостоятельные исследования С.А. Плетнева начинает уже в 1954 году во главе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР. Целью экспедиции была не разведка памятников, а раскопки. Предполагались исследования Мохначевского городища Змиевского района Харьковской области, обнаруженного в ходе разведки Б.А. Рыбакова в 1950 году в верховьях Северского Донца и исследованного частично Харьковским университетом под руководством Б.А. Шрамко[3]. Ею были заложены два раскопа – один на городище (10х16 м.), второй на селище (30х30 м.)[4]. Был обнаружен материал как салтовского, так и скифского времени, также 7 погребений позднего времени.

В 1955 году раскопки Мохначевского городища предполагалось продолжить, но из-за недостаточного финансирования, исследования свелись к разведочным работам. Было обследовано около 60 км в районе р. Уды (правый приток Северского Донца) и берег Северского Донца ниже села Мохнач. В результате было обнаружено 11 селищ, одно городище и одна курганная группа.[5]

В 1956 году С.А. Плетневой вместе с Т.И. Макаровой проводилось обследование знаменитого Зливкинского комплекса. На памятнике было заложено три раскопа размерами: 250 кв.м. на селище и два по 100 кв.м (один на селище, второй на могильнике). На первом раскопе (250 кв.м.) было обнаружено 7 ям, которые, исходя из заполнения, были датированы С.А. Плетневой VIII-IX вв. – салтовским временем. Интерпретации характера ям и

[2] С.А. Плетнева Вспоминая Артамонова //МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. – С. 22.
[3] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1954 года // НА ИА РАН Ф – 1. Р – 1. № 1025. Л. 2.
[4] Там же. Л. 22
[5] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда близ с. Мохнач Змиевского района Харьковской области в 1955 году // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 1132. Л. 2

их назначения С.А. Плетнева не дает[6]. Второй раскоп, разбитый на селище оказался менее удачным, объектов на нем обнаружено не было. А вот на раскопе, расположенном на могильнике в ходе исследований было вскрыто два погребения характерного «зливкинского типа».[7]

Кроме того, в этом же году отрядом был обследован участок между селами Диброво и Закатное по берегу р. Донца и озера Чернецкого, в результате чего было обнаружено 8 селищ[8].

В 1957 году исследования продолжились. В отчете 1957 года сказано, что С.А. Плетневой и Т.Н. Макаровой за месяц было пройдено 400 км по берегу реки Северского Донца. В ходе разведки было выявлено 18 селищ разных эпох (от бронзы до XVII-XVIII веков) и обследовано 11 ранее известных городищ и 8 селищ (среди них, был заново обследован эталонный Верхне-Салтовский комплекс).

В этом же 1957 году начинаются раскопочные работы Дмитриевского комплекса. На селище было заложено две траншеи размерами 20х1,5 и 42х1,5м[9], в результате, были открыты остатки трёх жилищ и 4 хозяйственные ямы. На могильнике было вскрыто 16 катакомб и 2 кенотафа[10].

В 1958 году С.А. Плетнева продолжает исследования на Дмитриевском комплексе, помимо работ на селище и могильнике, начинаются исследования Дмитриевского городища[11]. Через все городище, вал и ров по линии север-юг была заложена 98-метровая траншея, которая дала полный разрез укреплений западного склона городища. В результате, С.А. Плетневой было выявлено, что нижняя и верхняя части вала были сооружены в разное время. Низ – в

---

[6] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда летом 1956 года // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1230. Л. 12

[7] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда летом 1956 года. Л. 16

[8] Там же. Л. 17

[9] Плетнева С.А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1957 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1446. Л. 25

[10] Там же. Л. 46

[11] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1958 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 1742. Л. 18

скифское, верх – в VIII-IXвв..[12] Культурный слой оказался незначительным. На селище к уже существующему раскопу было прирезано 200 кв. м. к югу, 60 кв.м. к западу. В ходе раскопок было вскрыто 5 жилищ и 11 хозяйственных ям.[13] На могильнике в 1958 году было вскрыто 220 кв.м., обнаружены и расчищены 14 катакомб, 16 тризн.[14]

Кроме раскопок, в этом же году продолжались разведывательные исследования по реке Оскол (притоку Северского Донца) в ходе которых было открыто и обследовано 47 памятников, 22 из которых имели средневековый слой, 21 – салтово-маяцкий и 1 – древнерусский. Примечательно, что из 47 памятников, только два (Ютановское городище и Подгоровский могильник) были известны ранее[15]. Материалы Подгоровского могильника, исследованные С.Н. Замятиным в 1926 году, позже были опубликованы С.А. Плетневой[16].

В 1959 году в трудах Волго-Донской экспедиции выходит, по существу ее первая статья, посвященная археологии Хазарского каганата, в которой даётся анализ керамики Саркела-Белой Вежи. С.А. Плетнева даёт подробную типологию и выстраивает хронологическую колонку этого памятника[17].

В 1958-1959 годах по поручению М.И. Артамонова, С.А. Плетневой проводились раскопки на Правобережном Цимлянском городище, исследования на котором ещё в 1939 году проводил И.И. Ляпушкин[18]. Результаты этих работ нашли отражение в одном из сборников

[12] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1958 году. Л. 22.
[13]Там же. Л. 25-36.
[14] Там же. Л. 37.
[15] Там же. Л. 18
[16] Плетнева С.А. Подгоровский могильник //СА. – 1962. – №3. – С. 241-251.
[17] Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи //Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II / МИА СССР. – М.- Л., 1959. – Вып. 75. – С. 212-272.
[18] Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX-XII веков на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МАИ СССР. – М., 1941. – № 6. – С. 191-246.

Государственного Эрмитажа[19], а также в статье, посвящённой исследованию традиции планировки поселений у кочевников. В этой статье С.А. Плетнева широко использовала накопленный материал, а также этнографические параллели[20].

В 1960 году в статье "Средневековые поселения верховьев Северского Донца" С.А. Плетнева подводит предварительные итоги разведок в данном регионе и публикует материалы раскопок Мохначевского городища. В этой же статье автор даёт типологию поселений салтово-маяцкой культуры и по существу впервые высказывает мысль о взаимном смешении в данном регионе керамических традиций славян и населения салтово-маяцкой культуры.[21]

В 1961 году С.А. Плетнева продолжает разведки в районе Северского Донца и обследует территории двух притоков нижнего течения реки – речек Кундрючей и Быстрой. На берегах р. Кундрючей было выявлено 20 памятников (все – селища), 13 из которых относились к VIII-IXвв., еще 3 к эпохе бронзы, датировку остальных 4-х памятников установить не удалось из-за разрушенного многолетней распашкой слоя[22]. В ходе разведок по реке Быстрой обнаружено 5 селищ[23].

Кроме разведок, С.А. Плетнева продолжает исследования Дмитриевского комплекса. В 1961 году на городище закладывается траншея шириной 4 метра, длиной с севера на юг – 130 метров. В ходе раскопок были подтверждены первоначальные выводы об отсутствии средневекового слоя

[19] Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище //Сообщения Гос. Эрмитажа. – Л., 1964. – Вып. 25. – С. 55-59.
[20] Плетнева С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи //СА. – 1964. – № 3. – С. 133-140.
[21] Плетнева С.А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца //КСИИМК. – М., 1960. – Вып. 79. – С. 3-20.
[22] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда на территории Ростовской области и раскопках городища у с. Дмитриевское Шебекенского района Белгородской области в 1961 году // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 2242. Л. 11.
[23] Там же. Л. 12-14.

на мысовой части городища и большом количестве материала на северной части городища[24].

В 1962 С.А. Плетнева продолжила раскопки могильника и селища Дмитриевского комплекса. На селище уже к существующему раскопу было прирезано 200 кв. м. на которых было обнаружено пять хозяйственных ям, а также прямоугольное сооружение. Жилых построек обнаружено не было[25]. На могильнике было открыто и исследовано 5 катакомб и 2 тризны[26].

Кроме того, в этом же году были проведены разведки в Воронежской области вдоль левого берега Дона, а также по двум левым притокам Дона – Икорцу и Битюгу в ходе которых было обнаружено 22 селища, обследовано 5 городищ, в том числе, Маяцкое.[27] В Ростовской области по берегам Миусского и Таганрогского лиманов, отряд также провел разведки и выявил шесть поселений VIII-IX вв..

В 1962 году С.А. Плетнева публикует статью «О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IXвв.», очень важную для понимания роли и места алано-болгарского населения в восточноевропейской истории.[28] В статье достаточно аргументировано поднимается вопрос о формах связей, взаимодействия населения северо-западных регионов Хазарского каганата и соседних восточнославянских племен.

---

[24] Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда на территории Ростовской области и раскопках городища у с. Дмитриевское Шебекенского района Белгородской области в 1961 году. Л. 18.

[25] Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища и могильника у с. Дмитриевское Щебекинского района Белгородской области в 1962 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 2471. Л. 3.

[26] Там же. Л. 19.

[27] Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища и могильника у с. Дмитриевское Щебекинского района Белгородской области в 1962 году. Л. 31.

[28] Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IX вв. //СА. – 1962. – № 1. – С. 83-94.

В 1966-1967 годах С.А. Плетневой продолжались раскопки на Дмитриевском комплексе – на селище и могильнике. В 1966 году на селище была обнаружена гончарная мастерская, найдены заготовки глины разных сортов, в 1967 году гончарный комплекс был дообследован.[29] На могильнике за два года раскопаны 53 катакомбы, одна грунтовая могила, 6 трупосожжений, 32 тризны[30].

Проведённая более чем за десятилетие серия разведок (рис. 1) на огромном пространстве от Приазовья до верховьев Северского Донца, открытие более 120 новых памятников, раскопки Дмитриевского археологического комплекса (селище, городище, могильник), исследования Правобережного Цимлянского городища, работа под руководством Б.А. Рыбакова на Таманском городище – всё это дало возможность С.А. Плетневой на более высоком уровне решать «…задачи исследования культуры и создавших её народов».[31]

В 1967 году на Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в Кишинёве, С.А. Плетнева выступила с докладом на пленарном заседании, в котором изложила основные итоги своих исследований в области изучения салтово-маяцкой культуры, остановившись на проблемах, которые, по её мнению, требовали большего внимания. В докладе по существу были затронуты почти все вопросы, нашедшие отражение в книге от «Кочевий к городам», которая к тому времени уже находилась в издательстве и вышла в этом же году[32].

---

[29] Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда о раскопках городища, селища и могильника у с. Дмитриевского Шебекинского района Белгородской области в 1967 году // НА ИА РАН СССР. Ф – 1. Р – 1. № 3633. Л. 5.

[30] Там же. Л. 93.

[31] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА СССР. – М., 1967. – № 142. – С.8.

[32] Плетнева С.А. Народы Юго-Восточной Европы в VIII-IX веках // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. – Кишинев, 1967. – С. 26-28.

Итак, в 1967 году вышло итоговое на тот период исследование по археологии Хазарского каганата.[33] Во введении С.А. Плетнева, рассматривая работы своих предшественников по изучению салтово-маяцкой культуры (М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, Н.Я. Мерперта и других), отмечает, с одной стороны, что они внесли огромный вклад в изучение проблем, связанных с этой культурой, но, с другой – многократно возросший археологический источник даёт возможность не только существенно расширить круг вопросов изучаемой культуры, но и найти ответы, которые содержатся только в археологическом материале. Кроме того, она отмечает, что значительно пополнившийся археологический источник важен для изучения и освещения проблем, которые до этого были уже в центре внимания исследователей. С точки зрения методики исследования археологического материала, С.А. Плетнева довольно высоко оценила работу И.И. Ляпушкина, она писала: «Я пользуюсь методикой И.И. Ляпушкина, то есть прежде всего классифицирую памятники на основе изучения археологических источников, а затем уже делаю выводы, следующие из материала».[34] В своем исследовании С.А. Плетнева широко использовала этнографические материалы и отдельные сведения письменных источников, которые в той, или иной степени коррелировались с археологическими материалами.

В работе автором в определённой последовательности рассматриваются: типы поселений; жилые и хозяйственные постройки; планировка поселений; погребальные обычаи и культовые обряды; керамический материал, которому и до этой работы, и в этой С.А. Плетнева придавала большое значение как историческому источнику; хронология памятников; орудия труда и оружия. Такой порядок рассмотрения позволяет, по мнению С.А. Плетневой, наметить определённую эволюцию культуры

[33] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – 198 с.
[34]Там же. – С. 10.

населения, оставившего салтово-маяцкие памятники и проследить единство её вариантов на значительной территории[35].

Более подробно на отдельных сюжетах, касающихся конкретных проблем, мы остановимся ниже в соответствующих главах.

Прошло уже около полувека со времени выхода книги С.А. Плетневой «От кочевий к городам», но и по сей день это исследование является единственной монографией (если не считать «Очерки хазарской археологии» в двух изданиях, автором которых также является С.А. Плетнева) по комплексному исследованию салтово-маяцкой культуры. Появился ряд замечательных работ по отдельным регионам салтово-маяцкой культуры, а также по отдельным проблемам[36]. Но нового комплексного исследования, охватывающего все проблемы, пока нет.

В 1968 году книга «От кочевий к городам» была защищена в качестве докторской диссертации на заседании диссертационного совета Института археологии АН СССР.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX века, уже после выхода книги «От кочевий к городам», С.А. Плетнева продолжила разведки в верховьях Северского Донца и раскопки Дмитриевского комплекса памятников.[37]

В эти же годы она знакомится с замечательным краеведом, большим энтузиастом в изучении древней истории края, учителем истории Волоконовской средней школы Белгородской области – А.Г. Николаенко,

---

[35] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 12

[36] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-Хвв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) //Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. – Вып. 2. – 200 с.; Он же. Донские аланы. Социальные структура алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М., 1993. – 184 с.; Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. – 100 с.; Он же. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – Волгоград, 1993. – 144 с. И другие работы.

[37] Плетнева С.А. Работа Северодонецкого отряда //АО 1966 года. – 1967. – С. 54-55; Она же. Работа Северодонецкого отряда //АО 1967 года. – 1968. – С. 62-63; Она же. Работа Левобережного днепровского отряда //АО 1970 года. – 1971. – С. 72-74; Она же. Работа Северодонецкой экспедиции //АО 1973 года. – 1974. – С. 69-70.

сотрудничество с которым продолжалось многие годы.[38] Ими было открыто и обследовано значительное число памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Оскол. Среди них Волоконовский грунтовый могильник, материалы которого позже опубликованы в совместной статье,[39] где достаточно убедительно доказывается мысль о возможности присутствия в глубине аланского мира (салтово-маяцкой культуры) праболгарского этноса.

В 1971 году в сборнике, посвященном 70-тию А.В. Арциховского, выходит небольшая, но очень интересная статья С.А. Плетневой, посвященная погребениям по обряду трупосожжения на Дмитриевском могильнике, в которой ею впервые была высказана мысль в качестве научной гипотезы о возможности контактов аланского населения, осваивавшего лесостепной район Северского Донца, со славянским населением пеньковской культуры, остававшемся в этом регионе после отхода основного населения в более северные районы[40].

Помимо активной исследовательской деятельности С.А. Плетнева выполняла ряд научно-организационных обязанностей. В 1974 году С. А. Плетнева была назначена заведующей отделом славяно-русской археологии, которым руководила вплоть до 1991 года. Семнадцать лет — это целая эпоха не только в развитии Института археологии тогда еще АН СССР.

Ведущее место в планах работы занимала разработка важных теоретических проблем в области первобытного, рабовладельческого и феодального обществ. Особое внимание уделялось борьбе со всякого рода идеализмом и религией. В этой борьбе важное значение принадлежит

---

[38] Винников А.З., Степовой А.В. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). – Воронеж, 2010. – С. 6-11.

[39] Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. – 1967. – №3. – С. 279-298.

[40] Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья //Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-тию А.В. Арциховского. – М., 1972. – С. 108-118.

популяризации и распространению научных знаний и достижений археологии среди широких народных масс»[41].

Если рассмотреть материалы сборника «Краткие сообщения Института археологии» (далее — КСИА) о работе сектора славяно-русской археологии за тот же 1974 год, то выделяется несколько главных направлений в исследовательской деятельности отдела. Здесь речь идет, прежде всего, о проблемах генезиса славян, возникновения и истории древнерусских городов, вопросов древнерусской материальной культуры, а также искусства и духовной культуры Древней Руси, материальной и духовной культуры соседей славян[42]. По сути, все эти вопросы изучались на протяжении всего рассматриваемого периода. Кроме того, в конце семидесятых годов выделяется еще несколько направлений в исследованиях. Здесь речь идет, прежде всего, об этнической истории славян и их соседей, генезисе феодализма на Руси и у соседей Руси, возникновении и развития славянской и древнерусской культур, а также типологии и хронологии средневековых древностей Восточной Европы.[43]

В этот период началась работа по написанию фундаментального обобщающего труда «Археология СССР» в двадцати томах. Сектор славяно-русской археологии принимал активное участие в создании данного свода исследований, в результате чего сотрудниками сектора было подготовлено четыре тома: «Степи Евразии в эпоху средневековья» (1981)[44], «Восточные славяне в VI-XIII веках» (1982)[45], «Древняя Русь. Город, замок, село» (1985)[46], «Финно-угры и балты в средневековье» (1987)[47].

---

[41] Отчет о работе Отдела славяно-русской археологии ИА РАН СССР за 1974 год // НА РАН. Ф – 1909. Оп – 1. № 1126. Л. 78.

[42] Полубояринова М. Д. Сектор славяно-русской археологии в 1974 году /КСИА. – 1976. – Вып. 146. – С. 128.

[43] Афанасьев Г. Е. Работа сектора славяно-русской археологии в 1977-1978 годах /КСИА. – 1980. – Вып. 164. – С. 120.

[44] Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР в 20 тт. – М., 1981. – 303 с.

[45] Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР в 20 тт. – М., 1982. – 326 с.

С. А. Плетнева была ответственным редактором и автором многих статей, таблиц и карт первого тома - «Степи Евразии в эпоху Средневековья». Ею написаны введение, разделы, посвященные балкано-дунайской культуре, ранним болгарам на Волге и салтово-маяцкой культуре.[48]

Издание «Археология СССР» в 20 томах было призвано подвести итоги, осветить основные результаты археологической науки в изучении различных исторических периодов. В томе «Степи Евразии в эпоху Средневековья», в разделах, написанных С.А. Плетневой прежде всего, нашли отражение достижения в области изучения археологического хазароведения на конец 70-ых годов XX века.

Кроме того, С.А. Плетнева была членом Редколлегии и автором двух глав в томе по истории Европы в эпоху средневековья, а также редактором, совместно с Т. И. Макаровой тома «Археология» «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века)», который вышел в 2003 году.[49]

Следует отметить, что с середины 1970-ых годов, не без влияния С.А. Плетневой, круг вопросов, рассматриваемых сектором славяно-русской археологии, расширяется. Помимо изучения славянской и древнерусской материальной и духовной культур, в круг интересов сотрудников сектора входят проблемы истории и археологии кочевников[50]. Выходит ряд исследований как самой С.А. Плетневой («Кочевники средневековья. Поиски

---

[46] Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР в 20 тт. – М., 1985. – 431 с.
[47] Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 тт. – М., 1987. – 509 с.
[48] Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР в 20 тт. – М., 1981. – С. 5-8, 62-80.
[49] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века) //Археология. – М., 2003. – 533 с.
[50] Афанасьев Г. Е. Работа сектора славяно-русской археологии в 1977-1978 годах /КСИА. – 1980. – Вып. 164. – С. 121.

исторических закономерностей»[51], «На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс»[52] и др.), так и других (И.Л. Кызласова; М.Д. Полубояриновой и др.). К середине 80-ых годов в Отделе образовалось уже ядро исследователей, специализировавшихся на неславянской археологии, и в частности на изучении финно-угорских (А.Е. Леоньтьев, Л.А. Голубева и пр.), тюркских и иранских народов (С.А. Плетнева, В.С. Флеров, И.Л. Кызласов, А.Г. Атавин, Г.Е. Афанасьев).

Некоторые труды, выполненные в секторе славяно-русской археологии, как по вопросам славянской и древнерусской истории и археологии, так и по проблемам изучения кочевников, отмечены Государственными премиями СССР. В 1983 году государственная премия была присуждена Г.К. Вагнеру за цикл работ по древнерусскому искусству и архитектуре. В 1984 году государственная премия присуждена В.В. Седову за книгу «Восточные славяне в VI-XIII веках»[53]. А в 1986 году, по рекомендации Воронежского государственного университета, за цикл работ по средневековой истории кочевых народов Евразии Государственная премия СССР присуждена С.А. Плетневой[54].

Рассматриваемый период характеризуется широкими международными связями – активным участием сотрудников отдела в международных конференциях и экспедициях. В 1974 году С.А. Плетнева председательствовала на советско-венгерском симпозиуме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» в Москве,

[51] Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 188 с.
[52] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М, 1989. – 285 с.
[53] Макаров Н. А. Сектор славяно-русской археологии Института археологии АН СССР в 1983-1984 годах // КСИА. – 1986. – Вып. 187. – С. 92.
[54] Он же. Отдел славяно-русской и средневековой археологии в 1985-1986 годах // КСИА. – 1987. – Вып. 195. – С. 101.

И.П. Русанова участвовала в симпозиуме по пражской керамике в Польше[55]. Большое количество конференций проводилось по изучению связей славян и кочевников. Так, в 1977 году сотрудники сектора принимали участие в международном симпозиуме «Славяне и номады» в Болгарии[56]. В том же году под руководством С.А. Плетнёвой проведен очередной международный Советско-Венгерский симпозиум[57]. Начиная с 1980-ых годов, участники сектора принимали участие в конференциях, проводимых в Бельгии, Болгарии, Македонии[58], Грузии, Армении, Казахстане[59].

Необходимо упомянуть о семинаре «Марксизм о социально-экономических отношениях и археологические источники» 1977 года, организованном С.А. Плетневой на базе Отдела. Семинар являлся достаточно сильной теоретической базой того времени. На семинаре рассматривались вопросы правомерности привлечения археологических данных для исторических реконструкций, а также социально-экономические отношения и мировоззрения в эпоху средневековья. Материалы семинара частично были опубликованы в 1988 году[60].

Таким образом, период руководства С.А. Плетневой отделом славяно-русской археологии можно охарактеризовать как очень эффективный. При этом, если рассмотреть внутренние протоколы заседаний отдела, то раскрывается постоянная забота С.А. Плетневой по организации работы сотрудников: напоминания о сдаче отчетов вовремя, постоянный контроль над созданием и публикацией сборников тезисов и статей.

---

[55] Полубояринова М. Д. Сектор славяно-русской археологии в 1974 году // КСИА. – 1976. – Вып. 146. – С. 106.
[56] Афанасьев Г. Е. Работа сектора славяно-русской археологии в 1977-1978 годах //КСИА. – 1980. – Вып. 164. – С. 121.
[57] Афанасьев Г. Е. Работа сектора славяно-русской археологии в 1977-1978 годах. – С. 122.
[58] Афанасьев Г. Е., Макаров Н. А. Работа сектора славяно-русской археологии в 1979-1980 годах // КСИА. – 1981. – Вып. 171. – С. 108.
[59] Макаров Н. А. Сектор славяно-русской археологии в 1981-1982 годах // КСИА. – 1983. – Вып. 179. – С. 100.
[60] Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. – М., 1988. – 195 с.

Кроме того, сотрудниками отдела проводились масштабные полевые исследования в Новгороде, Старой Рязани, Вологодской области, Суздале, Поволжье и многих других регионах СССР. Ежегодно начальниками экспедиций и отрядов печаталась краткая информация о полевых исследованиях в сборниках «Археологические открытия».

Кроме огромной административной и организационной работы как руководитель одного из крупнейших отделов Института Археологии в то время, С.А. Плетнева вела большую научную работу. В эти годы у исследователя проявляется значительный интерес к проблеме средневекового кочевничества и его теоретическим разработкам. В одной из своих статей С.А Плетнева обобщила сведения русских летописей о кочевниках эпохи раннего средневековья[61]. На IV международном конгрессе славянской археологии в Софии С.А. Плетнева выступила с докладом «Земледельцы и кочевники», в котором она обстоятельно проанализировала развитие форм взаимодействия оседлых народов, прежде всего славянских с кочевническими этносами в различных исторических ситуациях[62]. В 1982 году этот доклад был опубликован в Болгарии[63].

В 1981 году С.А. Плетнева в журнале «Вопросы истории» публикует довольно обстоятельную статью, в которой рассматривает закономерности развития кочевнических обществ в период средневековья.[64] В данной статье прослежена эволюция хозяйственного уклада, социальной структуры кочевнического общества, обращено внимание на определенные

[61] Плетнева С.А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках средневековья //Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1979. – С. 24-36.
[62] Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники //Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980. – М., 1980. – С. 19-20.
[63] Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники //Славяни и прабългари. – София, 1982. – С. 31-43.
[64] Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья //ВИ. – 1981. – №6. – С. 50-63.

закономерности в историческом пути кочевых народов в эпоху средневековья.

В контексте проблем истории кочевнических народов, культуры и закономерностей их развития, С.А. Плетнева в ряде статей останавливается на рассмотрении ранней истории болгар (праболгар или протоболгар). В этих работах объектом ее исследования являлась география расселения болгар, проблема их миграции в Восточной Европе, а также эволюция болгарских племен от кочевого к полуоседлому, а затем и оседлому типу хозяйства[65]. Эти работы в известной степени явились развитием идей, изложенных в книге «От кочевий к городам».

Итогом разработок С.А. Плетневой теоретических проблем кочевниковедения явилась книга «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей».[66]

Это первая и по существу единственная работа в отечественной исторической науке, в которой сделана попытка проследить эволюцию экономических, социально-политических структур, общественного устройства, религиозных воззрений кочевых обществ и показать этот процесс на примерах конкретных этносов с широким использованием археологических источников, подкрепленными этнографическими материалами. В качестве базового региона С.А. Плетнева взяла Евразию, хронологические рамок – эпоху средневековья. Автором были выделены три стадии кочевания: 1. «самый кочевой» - таборный; 2. Ограничение территории кочевания для каждой орды или рода и «соответственно появление постоянных мест для сезонных стойбищ – зимовок и летовок». Эта

---

[65] Плетнева С.А. Древните българи в Източна Европа //Известия на българското историческо дружество. XXXIII. – София, 1980. – С. 29-40.
Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья //Плиска-Преслав. Прабългарската културa: Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. – София, 1981. – Т. 2. – С. 9-19.

[66] Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 188 с.

стадия была разделена на две разновидности – полукочевая и полуоседлая. С.А. Плетнева отмечает, что «своеобразие Хазарского каганата заключалось в том, что сами хазары, несмотря на активное оседание других входивших в каганат этнических групп, постоянно оставались на второй, а некоторые орды даже возможно на первой стадии кочевания».[67]

И далее она довольно подробно на примере болгар, остановившихся кочевать в Приазовских степях, а позже, перекочевавших частично на север в Донские степи, показала переход от одной стадии кочевания к другой. Этот процесс прослежен ею на эволюции поселений, типов жилищ и развитии ремесленного производства, в частности, керамического.[68]

3. Третья стадия кочевания, как отмечает С.А. Плетнева «по существу не является «кочеванием» в широком смысле этого слова». Основная масса населения занимается земледелием и осваивает многочисленные ремесла, «тенденция оседлости» превалирует. Именно на этой стадии, как считает С.А. Плетнева, возникают «степные города»[69].

В заключении автор подчеркивает, что в данной работе она ограничилась только выделением общих тенденций формирования культурных общностей, «развернутому их изучению, выявлению закономерностей культурного развития должна быть посвящена отдельная монография».[70]

В 1974 году в Москве состоялось Советско-Венгерское совещание, посвященное «Истории раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы». В нем приняли участие сотрудники Института археологии АН СССР и Института археологии АН Венгрии. Обсуждался вопрос о поисках территории расселения древних венгров. На этом

[67]Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – С.51.
[68] Там же. – С. 52-55.
[69] Там же. – С. 77-78.
[70] Там же. – С. 153.

совещании С.А. Плетнева предложила в качестве объекта для совместного исследования вместе с венгерскими археологами Маяцкое городище, ориентируясь на высокую значимость данного памятника[71].

Созданная на базе этих предложений С.А. Плетневой экспедиция на данный момент безусловно является вершиной полевой работы в области изучения памятников салтово-маяцкой культуры (после Волго-Донской экспедиции (руководитель М.И. Артамонов) и исследования Дмитриевского комплекса). Организованная в 1975 году Советско-Венгерская, а с 1978 года Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция по исследованию Маяцкого комплекса памятников (городище-крепость, селище и могильник) работала до 1982 года (кроме 1976 года). Как отмечала С.А. Плетнева, экспедиция объединила исследователей, работающих по близкой проблематике – «Истории и культуре Юго-Восточной и Южной Европы эпохи раннего средневековья».[72] Все эти годы С.А. Плетнева осуществляла общее руководство всеми объектами, на которых велись работы, но большее внимание уделяла Маяцкой крепости, особенно, в первый год работы экспедиции. В последующие годы раскопками крепости руководил Г.Е. Афанасьев, а С.А. Плетневу в большей степени интересовали рисунки, знаки, надписи на меловых блоках крепости.

Работами на могильнике руководил В.С. Флёров, на селище – А.З. Винников. Активно участвовали в работе экспедиции В.К. Михеев (1975 год), К.И. Красильников, В.Е. Флерова (Нахапетян), Ф.Х. Арсланова, А. Г. Атавин, Т.С. Кондукторова и ряд других специалистов. Со стороны венгерской АН в экспедиции принимали участие Иштван Эрдели, Ласло Ковач, Балаш Эрдели, Я. Матольчи и другие. С болгарской стороны – Станчо

---

[71] Юшко А.А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы //СА. – 1976. – №2. – С. 287.

[72] Плетнева С.А. Маяцкое городище / Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 15.

Станчев (Ваклинов), Стефан Баяджиев, Дафина Василева, Рашо Рашев, Оля Миланова.[73]

После первых трёх полевых сезонов С.А. Плетнева предложила опубликовать материал, полученный в ходе раскопок. И хотя сборник вышел после окончания работы экспедиции в 1984 году, материалы, опубликованные в нем, дали возможность авторам изложить своё понимание археологического источника, полученного на данном памятнике.[74]

Сама С.А. Плетнева опубликовала в данном сборнике статью, посвященную выявленным рисункам на стенах Маяцкого городища, включая рисунки, обнаруженные на крепости еще при раскопках в начале XX века А.И. Милютиным и Н.Е. Макаренко[75]. По содержанию, она классифицировала рисунки на 9 типов: кони; всадники; сложные композиции со всадниками; люди или их части; композиции с людьми; разные животные; сюжетные композиции с животными; непонятные фигуры; орнаментальные мотивы.[76]Каждый тип описан достаточно подробно. На основании анализа рисунков С.А. Плетнева сделала ряд принципиально важных выводов. Во-первых, они имеют широкую географию распространения в степях Евразии (наиболее крепкие связи прослеживаются с Дунайской Болгарией). Во-вторых, все настенные рисунки – «произведения дилетантов», этот вид художественной деятельности нельзя назвать даже отраслью изобразительного искусства. В-третьих, создателями рисунков были воины, несшие службу вдоль внешней стены. В-четвертых, настенные композиции «дают нам наибольшее количество сведений о жизни населения».[77]

---

[73] Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения). – Воронеж, 2011. – С. 148-150.
[74] Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – 277 с.
[75] Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища / Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 57-94.
[76] Там же. – С. 60
[77] Там же.

В целом, оценивая результаты, полученные в результате работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, нужно отметить, что они имеют огромное значение для понимания многих процессов в истории населения, представленного памятниками салтово-маяцкой культуры.[78]

Роль С.А. Плетневой в работе данной экспедиции не сводилась только к научному руководству исследованиями конкретных археологических объектов. Достаточно большой коллектив экспедиции (иногда он достигал до 140 человек) работал слажено, творчески, практически без конфликтов.

Маяцкая экспедиция оказалась для многих участников своеобразной школой профессионального мастерства, в которой мастер-классы длиной в несколько полевых сезонов и для студентов-практикантов, и аспирантов, и для сложившихся археологов давала С.А. Плетнева[79].

В течении последующих десятилетий уже после окончания работы на Маяцком городище Г.Е. Афанасьевым был опубликован ряд работ по интерпретации материалов исследованного памятника.[80]

Проведенные раскопки селища (вскрыто около 6000 кв.м. площади) дали хороший материал для изучения жилых и хозяйственных построек. Кроме того, впервые в археологии салтово-маяцкой культуры выявлены культовые комплексы-святилища с прилегающими к ним погребальными сооружениями и жертвенниками.[81]

---

[78]Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. – С. 91-92.

[79] Винников А.З. Археологические уроки С.А. Плетневой //Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж, 2009. – Вып.1. – С. 7.

[80] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона. – 200 с.
Он же. Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977-1979 годах// Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 26-56; Он же. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости //Верхне-донской археологический сборник. – Липецк, 2010. – Вып.5. – С. 123-148; Он же. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища //Дивногорский сборник. – Воронеж, 2012. – Вып.3. – С. 93-122.

[81] Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – Воронеж, 1984. – С. 192.

Полная публикация материалов раскопок селища содержится в совместной монографии С.А. Плетневой и А.З. Винникова, в которой С.А. Плетневой написано ряд ключевых глав. Среди них, посвященная общей характеристике салтово-маяцкой культуры и её лесостепного варианта, в главе определены основные признаки каждого из вариантов культуры. Очень важной представляется глава, в которой рассматривается Маяцкое поселение как историко-культурный источник, его хронология и место в кругу салтово-маяцких древностей.[82]

Интересные результаты были получены В.С. Флеровым при раскопках Маяцкого могильника. Им исследовано более 130 разнохарактерных погребальных комплексов, 23 тризны. В опубликованной им монографии на большом материале сделана попытка обосновать наличие у алан обряда обезвреживания погребенных как элемента похоронного ритуала,[83] прослеженного ранее С.А. Плетневой на Дмитриевском могильнике.

Кроме того, материалы, полученные в ходе раскопок Маяцкого городища, стали предметом исследования более частных проблем истории народов, входивших в состав Хазарского каганата.[84]

Оценивая результаты работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком археологическом комплексе в целом, необходимо отметить: во-первых, был получен новый, разнообразный археологический источник, давший возможность соотнести результаты исследования разных памятников, но составляющих единый комплекс и с хронологической и с культурно-этнической точек зрения. Во-вторых, как отмечала С.А. Плетнева, полученные материалы свидетельствуют, что «..шло постепенное слияние

[82] Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – 216 с.

[83] Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – Волгоград, 1993. – 143 с.

[84] Флерова В.Е. Граффити Хазарии. – М., 1997. – 172 с.; Кызласов И.Л. Рунические надписи Маяцкого городища //Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 10-40.

двух этносов и их культур, которые мы попытались проследить на этом комплексе».[85]

Кроме того, в 1977-79 годах С.А. Плетнева во главе Советского отряда принимала участие в исследованиях древней болгарской столицы – Плиски[86].

Очень важным направлением деятельности С.А. Плетневой в эти годы являлась популяризация научных знаний – написание работ не только для профессиональных историков и археологов, но и для широкого круга читателей, учителей истории, студентов. В 1976 году выходит книга «Хазары»[87], а в 1986 году она переиздаётся с некоторыми дополнениями.[88] Эта работа была переведена в Германии, Японии, Югославии. Также появляются работы научно-популярного характера в других изданиях.[89]

Безусловно, вершиной научного творчества 70-80-х годов XX века в период пребывания её в должности заведующей Отделом славяно-русской археологии является выход в 1989 году книги, подводящий итог многолетнего исследования Дмитриевского археологического комплекса (городище, селище, могильник).[90]

Этот комплекс исследовался С.А. Плетневой в течении одиннадцати полевых сезонов, начиная с 1957 года по 1973 с перерывами. В ходе исследований на городище вскрыто 1600 кв.м. площади, на двух селищах –

---

[85] Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – С. 212.

[86] Плетнева С.А. Отчет о работе Советского отряда в Плиске в 1977 году // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 7288. 72 л.; Отчет о работе Советского отряда в Плиске // НА ИА РАН. Ф – 1. Р – 1. № 7379. 67 л.; Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е. Болгаро-Советская экспедиция //АО 1977 года. – 1978. – С. 579-580; Плетнева С.А., Макарова Т.И., Афанасьев Г.Е. Болгаро-Советская экспедиция //АО 1978 года. – 1979. – С. 600-601; Плетнева С.А. Болгаро-советская экспедиция //АО 1979 года. – 1980. – С. 489-490; Плетнева С.А. Стратигрофические исследования в древней болгарской столице – Плиске //Проблемы изучения древних поселений в археологии (Социологический аспект). – М., 1990. – С. 99-127.

[87] Плетнева С.А. Хазары. – М., 1976. – 93 с.

[88] Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986. – 92 с.

[89] Плетнева С.А. Исчезнувшие народы. Хазары // Природа. – М., 1980. – №1. – С. 59-70. Плетнева С.А. Хазары // Исчезнувшие народы. – М., 1988. – С. 20-33.

[90] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М, 1989. – 285 с.

более 2000 кв.м., на могильнике – более 3000 кв.м.; исследовано 152 катакомбы, 9 ямных погребений, 9 трупосожжений, 52 тризны; найдено 2234 предмета различного назначения, 4000 бусин, 1500 бисерин, более 400 сосудов.[91]

Несмотря на то, что этот материал частично (за шесть полевых сезонов) был использован автором еще в книге «От кочевий к городам», новые источники, полученные в последующие годы на данном памятнике «… позволили пересмотреть некоторые выводы, сделанные ранее, и вновь обратиться к вопросам хронологии этого археологического памятника, а вместе с ним и всей салтово-маяцкой культуры».[92]Кроме того, в качестве одной из главных задач этой монографии было – введение в научный оборот колоссального по масштабам и разнообразию археологического источника как по крепостной архитектуре, так и по характеру жилых и хозяйственных построек.

Специальная глава книги посвящена типологии инвентаря погребений, который был разбит на группы (оружие, конская сбруя, орудия и бытовые предметы, амулеты, туалетные принадлежности, предметы одежды, украшения, керамические сосуды). Для каждой группы также была разработана довольно дробная типология. Затем, методом корреляции различных категорий вещей, автором была установлена относительная хронология и выделены хронологические группы вещей.[93]

В этой же работе С.А. Плетнева подробно рассмотрела похоронный обряд по типам погребальных сооружений: катакомбы, кенотафы, подбойные погребения, ямные захоронения. Обращено внимание на планировку могильника.

---

[91] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 67.
[92] Там же. – С. 11.
[93] Подробно проблема хронологии будет рассмотрена в специальной главе диссертации.

В заключительной главе (заключении) С.А. Плетнева ещё раз останавливается на этнических проблемах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, подчеркивая, что основным этносом этого памятника были аланы при довольно значительном проценте древнеболгарского населения. Она отмечает, что «Видимо, мы можем говорить, что здесь на окраине каганата происходило сложение новой этнической группировки».[94]

Эта работа С.А. Плетневой дала в руки исследователей богатейший и хорошо обработанный археологический материал, который стал для специалистов археологов-хазароведов прекрасным историческим источником.

В 1990 году С.А. Плетнева публикует в «Советской археологии» статью «Проблемы хазарской археологии»[95], в которой подводятся итоги археологических исследований в данной области науки, начиная с работ М.И. Артамонова 30-40-х годов XX века. Автор подчёркивает колоссальную значимость работ М.И. Артамонова в становлении хазарской археологии и большую роль Волго-Донской экспедиции и публикации материалов этой экспедиции в развитии хазароведческих исследований.

В этой же работе С.А. Плетнева вновь поднимает вопрос о единстве и вариантах салтово-маяцкой культуры, отмечая достижения в изучении каждого из них, подчеркивая при этом, что большинство материалов раскопок остались не опубликованными и остаются неизвестными специалистам.[96] В этой статье она по существу впервые обратила внимание на открытые на территории Прикаспия, Нижнего Дона и Нижнего Поволжья кочевнические захоронения, совершенные под небольшими курганными насыпями в подбойных могилах, окруженных квадратными ровиками.

[94] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 269.
[95] Плетнева С. А. Проблемы хазарской археологии // СА. – 1990. – №2. – С. 77-91.
[96] Более подробно на проблемах выделения С.А. Плетневой вариантов салтово-маяцкой культуры мы остановимся во второй главе.

Захоронения человека нередко сопровождались богатым инвентарём и погребением лошади в сбруе. В принципе, С.А. Плетнева не возражала против интерпретации захоронений как хазарских. Она пишет: «Очевидно, следует признать, что это самое крупное открытие в хазароведении, которое по значению сравнимо только с результатами работ Волго-Донской экспедиции.[97]

В заключении анализа хазароведческой археологии по выделенным ею вариантам С.А. Плетнева отмечает, что наблюдается поступательное развитие в этой области археологии. Но есть проблемы, связанные с «научной разобщенностью археологов-хазароведов», ликвидация которой поможет в координации усилий исследователей и выработке «унифицированной методики» изучения источников, что будет способствовать более эффективному исследованию не только истории и не только самого Хазарского каганата, но и стран и народов, окружавших его.

С 1992 по 2002 год С.А. Плетнева являлась заведующей группой средневековой археологии евразийских степей. В докладной записке от 5 марта 1992 года[98] С.А. Плетнева, вместе с И.Л. Кызласовым, В.Е. Нахапетян и В.С. Флеровым выступили с инициативой о создании в Институте археологии Отдела средневековой археологии степей Евразии. В Институте археологии к тому времени имелось достаточное количество высококвалифицированных специалистов для отдельного и глубокого изучения вопросов в области иранистики, тюркологии, угроведения, монголистики и других дисциплин, связанных с изучением древностей степной зоны Евразии. Одним из доводов для скорейшего создания группы, приводимого авторами Докладной записки, являлись «суверенизация южных и восточных республик и растущее воздействие на них Турции, Ирана, Китая и Японии». Напрямую встал вопрос о сохранении зон влияния российской

[97] Плетнева С. А. Проблемы хазарской археологии. – С. 82.
[98] Плетнева С.А. Личный фонд С.А. Плетневой. Л. 31-33.

науки в исследовании истории культуры Подунавья и Причерноморья, Северного Кавказа и Закавказья, Урала и Поволжья, Сибири, Казахстана, Средней Азии и Дальнего Востока.

Главным вектором исследований созданной группы было определено изучение средневековых государств евразийской степи на основе археологических источников, которые были разделены на ряд крупных тем, разработкой которых занимались отдельные специалисты: истоки средневековых степных культур (В.А. Могильников); духовная культура и письменность в средневековых степях (И.Л. Кызласов); ремесла и промыслы в средневековых степях (В.Е. Нахапетян); архитектурные традиции и домостроительство (В.С. Флеров); поселения и города в средневековых степях (С.А. Плетнева) и другие.

В рамках разработки темы «поселения и города в средневековых степях» в 1993 году С.А. Плетневой была опубликована статья, в которой она с несколько иных позиций посмотрела на раскапывавшееся ею Правобережное Цимлянское городище.[99] Если ранее, в книге от «Кочевий к городам», в краткой информации об этих раскопках в трудах Эрмитажа, а также в научно-популярной книге «Хазары», С.А. Плетнева основывалась на позициях М.И. Артамонова, который считал, что крепость была феодальным замком и гибель её связана с внутренними раздорами в Хазарском каганате, то в данной статье, на основе стратиграфических наблюдений, она предложила рассматривать существование на Правобережном Цимлянском городище двухэтапного поселения: 1. открытое поселение с юртообразными постройками, разбитое кочевниками (предположительно, первой волной печенегов). 2. строительство крепости (замка), которое не было закончено и просуществовало, по мнению С.А. Плетневой, очень короткий период. К этому памятнику она обращается ещё раз и публикует довольно большую

[99] Плетнева С. А. История одного хазарского поселения //РА. – 1993. – №2. – С. 48-69.

статью о нём[100], в которой содержится полная публикация материалов и подробный анализ стратиграфии памятника, жилых и хозяйственных комплексов. На основании всего комплекса источников С.А. Плетнева фактически повторяет выводы, сделанные в статье в «Российской археологии» 1993 года, в которой говорит о двух этапах существования поселения на месте Правобережного городища. Возникает поселение, по её мнению, не ранее начала IX века и существует до середины IX века, «то есть не более 50 лет» и после разгрома, спустя 10-15 лет, началось строительство крепости «где-то в 80-90-х годах IX века, то есть через 40-50 лет после постройки Саркела».[101]

В 1987, 1988, 1990 годах этот памятник раскапывался В.С. Флеровым, одним из учеников С.А. Плетневой. Материалы своих раскопок он также опубликовал в том же номере МАИЭТ, где была помещена статья С.А. Плетневой,[102] а затем в сокращенном варианте в «Российской археологии».[103] Он прямо пишет, что в ряде «…наиважнейших аспектов изучения городища наши выводы по сравнению с выводами С.А. Плетневой оказались несовместимыми, а то и противоположными».[104]

Основные выводы, к которым пришел В.С. Флеров, заключаются в следующем: 1. следов поселения, предшествующего крепости, на месте Правобережного городища и за пределами крепости не обнаружено; 2. основание крепости можно отнести к первой четверти IX века; 3. гибель крепости произошла не позднее середины IX века и какое-то время она сосуществовала с Саркелом; 4. разгром крепости связан с гражданской войной в Хазарии, как и предполагал в свое время М.И. Артамонов.

---

[100] Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 годов//МАИЭТ. – Симферополь, 1994. – Вып. IV. – С. 271-396.
[101] Там же. – С. 333-334.
[102] Флеров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990 годов//МАИЭТ. – Симферополь, 1994. – Вып. IV. – С. 441-516.
[103] Флеров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (Проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. – 1996. – №1. – С. 100-113.
[104] Там же. – С. 100.

И если В.С. Флеров к этой дискуссии больше не возвращался даже в своей книге, посвященной проблеме городов в Хазарском каганате,[105] то С.А. Плетнева повторила основные выводы в одной из своих основополагающих работ «Очерки хазарской археологии»,[106] на более обстоятельной характеристике которой остановимся ниже.

Несмотря на имеющиеся определённые разногласия в оценке памятника и в трактовке материалов, полученных разными специалистами во время полевых раскопок, можно отметить, что каждый из них пытался вписать данную проблему в исторический контекст Хазарского каганата, найти его место в событиях IX-X веков, нашедших отражение в ряде письменных источников. И в этом плане роль С.А. Плетневой достаточно велика, хотя дискуссия о роли и месте Правобережного Цимлянского городища в истории Хазарского каганата не получила своё окончательное завершение.

Кроме того, в качестве фундаментальной темы в работе группы было предложено комплексное изучение Хазарского каганата по археологическим источникам. Руководителем темы стала сама С.А. Плетнева. В исследовании планировалось рассмотреть поселения и города, ремесла, домашние производства, прикладное искусство, письменность, этнические процессы, экономику, социальные отношения, взаимодействия с соседями. Помимо этого, в группе планировалось изучение других степных государств: Тюркских, Кимакского и Кыргызского каганатов, Хунну и империи Атиллы[107].

Несмотря на определенные сложности, возникшие в начале 90-х годов в связи с отсутствием какого-либо финансирования в Институте археологии полевых работ и в издании научной продукции, исследовательская

[105] Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., Иерусалим, 2011. – С. 45-50.
[106] Плетнева С. А. Очерки Хазарской археологии. – М., 1999. – С. 105-112.
[107] Плетнева С.А. Личный фонд С.А. Плетневой. Л. 20.

деятельность группы продолжалась. Регулярно проводились заседания, на которых заслушивались доклады не только по плановым темам сотрудников группы, но и сотрудников других подразделений института и прикрепленных к аспирантуре и докторантуре института археологов, а также сотрудников сторонних организаций: МГУ, ГИМ, ВГУ, Российского открытого университета и других. Сохранялись и развивались связи с зарубежными коллегами: в 1992 году И.Л. Кызласовым был послан доклад в Неаполь, сотрудники группы принимали участие в международных конференциях: Международная тюркологическая конференция в Абакане, «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье IV-IX века» в Алуште, где С.А. Плетнева выступила с докладом «Саркел и «шелковый путь».[108] Кроме того, сотрудники отдела принимали активное участие в региональных конференциях: «Россия и Восток. Проблемы взаимодействия» в Уфе в 1993, «Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья. Проблема внутрикультурных контактов» в Пензе в 1994, «Археология и история юго-востока Древней Руси» в Воронеже в 1993[109] и другие. К концу 90-ых – началу 2000-ых география сотрудничества расширяется. Так, в 1999 участники группы принимали активное участие в международном коллоквиуме «Хазары» в Иерусалиме[110], Российско-канадском семинаре в Самаре. Параллельно развивались и восстанавливались связи с другими научными учреждениями России, ближнего и дальнего зарубежья. В 2000 году на заседаниях группы с докладами выступали археологи из Симферополя, Самары, Йошкар-Олы, Улан-Удэ, Владивостока.

---

[108] Плетнева С. А. Саркел и «Шёлковый путь» // Византия и народы Причерноморья в раннее Средневековье (VI-IXвв.): материалы международной конференции. – Симферополь, 1994. – С. 49-51.

[109] С.А. Плетнева Саркел – Белая Вежа. Сложение городской многоэтничной культуры //Археология и история юго-востока Древней Руси. – Воронеж, 1993. – С. 16-20.

[110] Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах») //РА. – 2000. – №3. – С.229-234.

В 2002 году в Москве состоялся второй Международный коллоквиум по хазарам. С.А. Плетнева выступила с вступительным словом, в котором обобщила уровень знаний о Хазарском каганате на начало XXI века. В своём выступлении она опиралась на данные письменной традиции и археологических источников.[111]

В течении ряда лет С.А. Плетнева читала спецкурсы в Воронежском государственном университете, в результате чего в 2003 году вышло учебное пособие: «Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья IV-XIII века»[112]. Несмотря на характер этого издания как учебного пособия, в нем нашли отражение позиции автора по многим вопросам истории кочевых народов в Восточной Европе в эпоху Средневековья, изложенные в чисто научных работах.

В 1993 году С.А. Плетнева завершила полностью работу по составлению Отчета о раскопках Волго-Донской экспедиции Саркела-Белой Вежи в 1949-1951 годах. Этому предшествовали события о которых пишет С.А. Плетнева в своих воспоминаниях о М.И. Артамонове. М.И. Артамонов после смерти его супруги попросил С.А. Плетневу разобрать архив и завершить работу над отчётом, который не успела закончить Ольга Антоновна.[113] Полевая документация в виде нескольких десятков дневников, разнообразных чертежей, выполненных в поле архитекторами и художниками, чертежи всех раскопов, зачерченные на уровне материка, рисунки уникальных находок, сами находки, хранившиеся в Государственном Эрмитаже – все это было передано М.И. Артамоновым

[111] С.А. Плетнева Хазары и Хазарский каганат //Хазары. Евреи и славяне. – М., Иерусалим, 2005. – Том 16. – С. 17-24.

[112] Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV-XIII века/Учебное пособие. – Воронеж, 2003. – 246 с.

[113] Плетнева С.А. Вспоминая М.И. Артамонова //МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. – С. 20-33.

С.А. Плетневой для составления отчета, который спустя 20 лет и был написан. Объем его составил более 20 л..л..[114]

По окончанию этой огромной и по объему, и по значимости работы С.А. Плетнева издаёт ряд замечательных работ, которые вполне могли быть составить 4 и 5 тома трудов Волго-Донской экспедиции.

О планировке жилищ в Саркеле С.А. Плетневой была написана обширная статья.[115] Кроме того, С.А. Плетнева опубликовала очень интересные и довольно уникальные для Саркела металлургический и кузнечный комплексы.[116] Она обратила внимание на серию ям с обожжёнными и даже ошлаковавшимися поверхностями, с находками в некоторых из них кусков железного шлака и вполне справедливо связала их с обнаруженными в степных районах салтовской культуры аналогичными комплексами, которые вполне справедливо увязываются с металлургическим производством. Даётся в данной статье и публикация построек, которые вполне аргументировано связываются автором с кузницами хазарского периода существования крепости, что наряду с самими металлическими изделиями свидетельствуют о «высоком уровне развития кузнечного ремесла в Хазарии».[117]

Среди материалов, переданных С.А. Плетневой для написания отчета была и начатая О.А. Артамоновой статья об исследовании одного из самых важных участков городища – цитадели. Как пишет С.А. Плетнева, Ольга Антоновна сделала «наброски стратиграфии культурного слоя».[118] По

[114] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996. – С. 7-8.
[115] Плетнева С.А. О «гнездовой» планировке жилищ в Саркеле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. – СПб., 1994. – С. 183-197.
[116] Плетнева С.А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела //РА. – 1996. – №2. – С. 182-197.
[117] Там же. – С. 182-197.
[118] Плетнева С.А. Вспоминая М.И. Артамонова. – С. 31.

существу, эта статья была написана С.А. Плетневой и позже опубликована.[119] В статье прослежены, «переворачивая земляные тяжелые страницы», основные этапы жизни крепости, от зарождения до полного затухания жизни на данном памятнике (от 30-х годов IX до середины XII века). Эта статья блестяще демонстрирует возможности использования «стратиграфических исследований», по выражению С.А. Плетневой «неиссякаемого источника информации».[120]

Основным итогом работы С.А. Плетневой над отчетом о исследованиях Волго-Донской экспедиции стали две монографии. Первая из них посвящена Саркелу,[121] а вторая, вышедшая одновременно в двух изданиях – Белой Веже.[122]

Остановимся кратко на характеристике работы, посвященной Саркелу, непосредственно связанной с археологией и историей Хазарского каганата.

Во введении С.А. Плетнева достаточно подробно и обстоятельно излагает историю изучения Левобережного Цимлянского городища, которое ассоциируется с Саркелом, что убедительно было доказано М.И. Артамоновым еще в работах 30-40-х годов XX века и останавливается на основных выводах относительно этого памятника, сделанных М.И. Артамоновым в указанных работах, ещё до начала раскопок Саркела в 1949-1951 годах, которые в основном подтвердили первоначально сложившиеся представления о данном памятнике. Во введении С.А. Плетнева напоминает читателям о роли и значимости «керамической стратиграфии» Саркела, которая была разработана ею и опубликована ещё в 1959 году в одном из

---

[119] Артамонова О.А., Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) //МАИЭТ. – Симферополь. 1998. – Вып. VI. – С. 539-624.

[120] Там же. – С. 622.

[121] Плетнева С.А. Саркел и «шёлковый путь». – Воронеж, 1996. – 168 с.

[122] Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. – Воронеж, 2006. – 392 с.; Она же. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. – 248 с.

томов Волго-Донской экспедиции, и которая до сих не теряет актуальности. Автор отмечает, что эта работа дала ей возможность разделить культурный слой городища на три: хазарский (саркельский), древнерусский (беловежский) и половецкий.[123]

В целом, работа посвящена исследованию отдельных аспектов ранее в работах других авторов не рассматривавшихся, а именно хазарского (саркельского) слоя и сопутствующих ему различных строительных комплексов. В книге уделено внимание вопросам планировки поселения, остатков ремесленных производств, характеристике ритуальных сооружений и ряду других проблем, связанных с историей Хазарского каганата.

С.А. Плетнева вновь поднимает вопрос о роли Византии в строительстве крепости, подчёркивая, что «самое деятельное участие византийцы принимали в планировке крепости – в разбивке ее на местности», в сооружении печей для обжига кирпичей и ряда других технологических элементов сооружения крепости. Однако, она также отмечает приемы строительства и не византийского происхождения.[124]

Принципиально важными являются разделы, в которых дается описание и характеристика комплексов сооружений, интерпретируемые С.А. Плетневой как караван-сараи, относящиеся к наиболее раннему периоду функционирования крепости, спланированных ещё до начала её строительства и датируемых первой половиной IX века.[125] С.А. Плетнева подчеркивает, что «строительство внутри крепости двух караван-сараев, выполнявших торгово-перевалочные функции «означает очевидно, что одной из основных функций крепости являлась охрана торговых караванов, проходивших через Саркел».[126]

[123] Плетнева С.А. Саркел и «шёлковый путь». – С. 12.
[124] Там же. – С. 20-21.
[125] Там же. – С. 55.
[126] Там же. – С. 56.

В книге публикуются материалы и других участков и этапов существования Саркела как крепости, но одна из основных мыслей данной книги – продемонстрировать место и роль крепости с учетом её географического положения в системе торговых путей в эпоху раннего средневековья.

Работа С.А. Плетневой над отчетом и, в целом, с материалами Саркела-Белой Вежи стимулировала интерес к данному памятнику других исследователей. В.Е. Флерова обработала комплекс изделий из кости и рога и издала книгу, посвященную косторезному делу в Саркеле-Белой Веже.[127]

В 1999 году вышло итоговое исследование С.А. Плетневой по археологии Хазарского каганата, где были подведены итоги исследования этой огромной темы на конец XX века.[128] Издание книги было приурочено к состоявшейся в Иерусалиме (Институт Бен-Цви) в мае 1999 года Первого коллоквиума по проблемам истории Хазарского каганата и его места в раннесредневековой Евразии.[129]

В первых строках предисловия автор заявила свою позицию: «Книга посвящена археологическим древностям, которые…можно связывать с культурой Хазарского каганата… эта культура известна под названием “салтово-маяцкая”».[130]

При этом, С.А. Плетнева отмечает, что речь идет о культуре, складывавшейся «из культур разных этносов, входивших в Хазарскую державу». Исходя из этого, она определяет главную задачу «Очерков» - характеристика салтово-маяцкой культуры и определение её

---

[127] Флерова В.Е. Резная кость юго-восточной Европы IX-XIII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи, из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб., 2001. – 352 с.

[128] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим, 1999. – 248 с.
В 2000 году книга была переиздана.

[129] От редколлегии //Хазары. Евреи и славяне. – Иерусалим, М. – 2005. – Том 16. – С. 13-16.

[130] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 3.

распространения, совпадающего, по всей видимости, с ареалом Хазарского каганата.[131]

Понятие «культуры разных этносов» следует подразумевать в археологическом выражении как варианты салтово-маяцкой культуры, количество которых в работах С.А. Плетневой, в зависимости от накопленного археологического материала, менялось, что нашло отражение и в данной ее монографии.[132]Она еще раз напоминает читателю, что «об этой-то многовариантной культуре» и писал М.И. Артамонов еще в 1940 году, связывая ее не с этническими хазарами, а с государственной культурой Хазарского каганата.[133]

В последующих разделах данной монографии дается характеристика всех вариантов салтово-маяцкой культуры, которые были выделены по материалам исследованных памятников на конец XX века. В заключительном разделе книги автор пытается проследить и выделить, не все, но принципиально важные черты и признаки, нашедшие отражение в археологическом материале рассмотренных вариантов, которые их объединяют и свидетельствуют о сложении государственной культуры Хазарского каганата.[134]

В.Я. Петрухин, специалист в области истории народов Восточной Европы в эпоху средневековья в Послесловии к данной книге писал, что, с одной стороны, написание этих «Очерков» - научный долг С.А. Плетневой, посвятившей свою жизнь исследованию хазарских и шире – «кочевнических древностей Восточной Европы», с другой, книга С.А. Плетневой не столько

[131] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 4-5.
[132] На проблеме и признаках выделения С.А. Плетневой вариантов салтово-маяцкой культуры мы остановимся в специальном разделе диссертации.
[133] Там же. – С. 23.
[134] Там же. – С. 206-221.

подводит итоги полустолетнего изучения древностей Хазарского каганата, сколько ставит новые исследовательские задачи.[135]

Помимо исследовательской и организаторской деятельности С.А. Плетнева активно занималась подготовкой новых кадров. За свою карьеру С.А. Плетнева осуществила научное руководство 22 диссертациями на соискание степени кандидата наук. В 1982 году С. А. Плетневой присвоили звание профессора[136].Четыре ученика С. А. Плетневой — М. Б. Мужухоев[137], И. Л. Кызласов[138], М. С. Гаджиев,[139] В.А. Иванов — в последствие стали докторами наук[140].

Удивителен географический и временной диапазон диссертаций, которыми руководила С.А. Плетнева — это не только южнорусские степи, но и Кавказ, Южная Сибирь, Урал и другие регионы.

Темы диссертаций, написанием которых руководила С. А. Плетнева, можно разделить на несколько групп.

Прежде всего, это диссертации, посвященные исследованию проблематики хазарского времени. Данное направление исследований в научно-организаторской деятельности С.А. Плетневой появляется с середины 70-ых-начала 80-ых годов. Результатом данного направления являются успешно апробированные диссертационные исследования К.И. Красильникова[141], В.С. Флёрова[142], Ковач Ласло[143], Н.А. Фоняковой[144], В.Е.

---

[135] Петрухин В.Я. Послесловие // С.А. Плетнева «Очерки хазарской археологии». – М., Иерусалим, 1999. – С. 223-230.

[136] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. Л. 5.

[137] Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа как исторический источник (К истории религиозных верований в X–XIX веках): автореф. дисс. … д. и. н. – М., 1985. – 27 с.

[138] Кызласов И. Л. Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения: автореф. дисс. … д. и. н. – М., 1990. – 44 с.

[139] Гаджиев М. С. Древний город Дагестана (опыт историко-топографического и социального анализа): автореф. дисс. … д. и. н. – Махачкала, 1999. – 20 с.

[140] Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII — XIV вв. н. э.: автореф. дисс. … д. и. н. – М., 1990. – 45 с.

[141] Красильников К. И. Население среднедонечья в VIII — начале X веков (салтово-маяцкая культура на Среднем Донце): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1980. – 23 с.

Флеровой (Нахапетян)[145], В.И. Козлова[146], Л.В. Седиковой[147], У. Ю. Кочкарова (2005)[148], В.Н. Чхаидзе (2007).[149]

Второе направление диссертаций, выполненных под руководством С.А. Плетневой – исследования проблем истории кочевников позднего Средневековья. В первую очередь, речь идет о регионе Северного Кавказа. Это, прежде всего, исследования Х. Х. Биджиева[150], М. Б. Мужухоева[151], А. Х. Нагоева,[152] а также работы Т.Ф. Рябой,[153] С.Г. Боталова.[154]

В качестве третьего направления можно выделить осуществление С.А. Плетневой руководства по проблематике кочевых народов Евразии. Речь идет о диссертационных исследованиях И.Л. Кызласова[155], В.А. Кригера[156],

---

142 Флёров В. С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1981. – 17 с.

143 Ковач Ласло. Вооружение венгров — обретателей Родины: сабли, боевые топоры, копья: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1981. – 19 с.

144 Фонякова Н. А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII — начала X вв. / по материалам художественной металлообработки: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1988. – 24 с.

145 Флёрова (Нахапетян) В. Е. Раннесредневековые граффити Юго-Восточной Европы (VIII–X вв.).: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1990. – 21 с.

146 Козлов В. И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI веков н. э. (Балкано-дунайская культура): автореф. дисс. … к. и. н. – Л., 1991. – 29 с.

147 Седикова Л. В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1997. – 23 с.

148 Кочкаров У. Ю. Вооружение средневекового всадника VIII-XIV вв. по материалам Северо-Западного Предкавказья: оружие ближнего боя: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 2005. – 27 с.

149 Чхаидзе В. Н. Хазарская Таматарха (Культурный слой Таманского городища VII–X вв.): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 2007. – 28 с.

150 Биджиев Х. Х. Материальная культура Карачая XIII–XVIII вв.: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1972. – 24 с.

151 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII–XVII веков: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1972. – 27 с.

152 Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в период позднего средневековья: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1972. – 21 с.

153 Рябой Т. Ф. Шехр-ал-Джедид — золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1993. – 24 с.

154 Боталов С. Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья (сер. II — сер. XIV вв.): автореф. дисс. … к. и. н. – Уфа, 1994. – 24 с.

155 Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X–XIV вв.): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1977. – 22 с.

156 Кригер В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIVвв.): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1985. – 26 с.

Л.М. Гаврилиной[157], С.В. Данилова[158]. Несколько работ под руководством С.А. Плетневой было защищено по проблемам финно-угорских народов. Это исследования Т.Б. Шикаевой[159] и Р.Ф. Ворониной.[160]

Последнее направление исследований, проводимых под руководством С.А. Плетневой, посвящено предхазарскому времени в регионе Северного Кавказа. Данное направление представлено двумя диссертационными исследованиями: Л. Б. Гмыря,[161] а также М. С. Гаджиева[162].

С 1989 по 1995 год С.А. Плетнева выполняла функции главного редактора «Российской (Советской) археологии». По воспоминаниям коллег в редакции, С.А. Плетнева имела неторопливую, уверенную, доброжелательную манеру подбирать материал, тщательно взвешивая и обсуждая аргументы за и против постановки в очередной номер каждой статьи и заметки[163]. На данной должности, кроме широчайшего кругозора, необходимо было учитывать научную политику журнала. По воспоминаниям коллег, статей, ожидавших публикации, было необъятно много: «Стопки для каждого раздела неуклонно росли, очередь выстраивалась на годы. Требовалась учесть все: длительность стояния в этой невидимой очереди; актуальность и научную глубину работы; подготовленность, «доводку» ее для печати; степень наполнения данного раздела; остроту потребности в публикации для автора; количество вышедших его статей в журнале за

---

[157] Гаврилина Л. М. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV вв.: автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1986. – 20 с.
[158] Данилов С. В. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как исторический источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: автореф. дисс. … к. и. н. – Кемерово, 1988. – 23 с.
[159] Шикаева Т. Б. Марийцы конца XVI — начала XVIII вв. (по материалам могильников): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1988. – 23 с.
[160] Воронина Р. Ф. Средне-Цнинская мордва VIII–XI вв. (по материалам могильников): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1992. – 17 с.
[161] Гмыря Л. Б. «Царство гуннов» (Савир) в Дагестане (IV–VII вв. н. э.): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1980. – 20 с.
[162] Гаджиев М. С. Южный Дагестан в III–V вв. н. э.: автореф. дисс. … к. и. н. – М, 1982. – 17 с.
[163] Памяти Светланы Александровны Плетневой (1926-2008) // РА. – 2009. – № 4. – С. 181.

последние годы и еще множество нюансов».[164] И, по сообщению тех же коллег, С. А. Плетневой удавалось это, как никому другому.[165]

Кроме того, С.А. Плетнева была научным редактором многих книг авторов, работавших по близкой тематике, в том числе и ее учеников[166].

Итак, в научной и творческой биографии С.А. Плетневой можно выделить несколько ключевых этапов – знаменательных дат. Среди них, безусловно, необходимо обозначить 1950 год, когда она, будучи аспиранткой Б.А. Рыбакова, прибыла в Волго-Донскую экспедицию и познакомилась с М.И. Артамоновым, что, вероятно, сыграло решающую роль в ее профессиональной судьбе. Участие в Волго-Донской экспедиции, исследовавшей памятники эпохи Хазарского каганата, было началом формирования научного интереса к материалам, хронологически предшествовавших теме ее кандидатской диссертации. Вот что пишет сама С.А. Плетнева по этому поводу: «После защиты в 1952 году кандидатской диссертации я стала заниматься исследованием степной культуры, предшествовавшей печенегско-половецкой и получившей в археологической литературе название «салтово-маяцкой». Фактически, это была синкретическая государственная культура Хазарского каганата».[167]

Следующим, довольно значимым этапом, сформировавшем С.А. Плетневу как ученого – археолога-хазароведа, был 1967 год - выход книги «От кочевий к городам» и её защита в качестве докторской диссертации в следующем 1968 году. В этой работе ею сформулированы основные положения и концепции археологии Хазарского каганата, которые в последствии развивались, уточнялись, от каких-то положений она отказывалась, появлялись новые, становившиеся в центре внимания

[164]Памяти Светланы Александровны Плетневой (1926-2008). – С. 182.
[165] Там же.
[166] Плетнева С.А. Личный фонд С. А. Плетневой. Л. 5.
[167] Плетнева С.А. Вспоминая Артамонова. – С. 24-25.

исследовательницы. Но во всех случаях она опиралась на археологический источник.

На наш взгляд, этапным в научном творчестве С.А. Плетневой необходимо выделить 1989 год – выход книги «На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс", в котором опубликованы материалы многолетних раскопок замечательного памятника, ставшего по многим показателям эталонным при изучении салтово-маяцких древностей: в вопросах внутренней хронологии культуры, погребального обряда, типологии инвентаря и так далее.

В следующем 1990 году, в «Советской археологии» напечатана статья С.А. Плетневой «Проблемы хазарской археологии», в которой подводятся определенные итоги в изучении салтово-маяцкой культуры и заостряется внимание на некоторых появившихся к концу 80-х годов XX века проблемах в данной области археологии.

Через 9 лет, в 1999 году появляются «Очерки хазарской археологии» - книга, которая по существу не только подводит итоги всей деятельности С.А. Плетневой в данном научном направлении, но и предлагает пути решения проблем, которые являются дискуссионными и вызывают достаточно острые научные споры. Это последняя крупная работа С.А. Плетневой в области хазарской археологии.

Итак, на наш взгляд, основные вехи научной биографии С.А. Плетневой в области хазарской археологии: 1950-1967; 1968-1989; 1990-1999. Конечно, в эти периоды укладываются не только выходы основополагающих книг. Они достаточно условны. В промежутках между обозначенными датами выходит огромное количество её разнообразных статей, монографий, проводятся очень серьезные полевые работы, о которых говорилось выше. Мы попытались передать лишь основные точки-вехи в достаточно сложной и разноплановой научной работе С.А. Плетневой, взяв за основу её хазароведческие исследования.

В следующих главах мы попытаемся осветить её взгляды на отдельные проблемы археологии Хазарского каганата.

Глава 2: Проблемы формирования, выделения вариантов и хронологии салтово-маяцкой культуры в отечественной археологии второй половины XX века.

Изучение любой археологической культуры невозможно без понимания истоков, сформировавших эту культуру, а также датировки основных этапов ее существования. Спецификой салтово-маяцкой культуры являются огромные территории, входившие в ее состав, и определившие неоднородность населения, представляющего собой конгломерат племен, существенно различавшихся по происхождению и культуре. Результатом данной специфики стало формирование значительных региональных особенностей, а соответственно, и необходимость выделения локальных вариантов. Все эти вопросы нашли отражение в исследованиях С. А. Плетневой и других археологов-хазароведов.

2.1. Проблема формирования салтово-маяцкой культуры.

Вопросы формирования салтово-маяцкой культуры тесно связаны с проблемой этнической принадлежности ее носителей. Еще ранние исследователи обратили внимание на сходство погребений Верхне-салтовского могильника и северокавказских раннесредневековых катакомб.

Первым, кто высказал предположение о том, что Верхне-Салтовский могильник необходимо связывать с кавказскими (аланскими) древностями был А. А. Спицын[1]. Это предположение, которое потом во многом подтвердилось, было высказано, исходя лишь из газетных сообщений об открытии Салтовского могильника на заседании Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества в 1902 году.

На XII археологическом съезде выступил А. М. Покровский с докладом: «Верхне-Салтовскій Могильникъ», где сравнивал погребальный

[1] Спицын А.А. Археологические материалы и мелкие заметки // Известия ИАК. – СПб., 1902. – Вып. 3. – С. 23.

обряд и инвентарь Салтовского могильника с обрядом и инвентарем могильников Северного Кавказа (Чми, Кумбульт, Кобань, Лизгорский). Единственное различие между могильниками Северного Кавказа и Салтова А.М. Покровский видел в структуре погребальных камер: «Самый характеръ погребенія въ катакомбахъ тотъ же; съ тою только разницей что въ Чми, встречаются сообщенія между камерами, а въ Салтове ихъ нетъ»[2].

В 1909 году в статье «Историко-археологическія разыскания» в «Журнале Министерства народного просвещения» А. А. Спицын продолжает развивать гипотезу об аланском родстве салтовских древностей, уже на основе значительного, найденного к тому времени, материала. А.А. Спицын отождествляет Салтовский могильник с осетинскими кавказскими могильниками, более поздними, нежели Чми. В качестве наиболее яркой черты, делающей схожими Салтовский могильник с могильниками Северного Кавказа, А.А. Спицын выделяет наличие одинаковой посуды: «Особенно характерно и удивительно, что въ Салтахъ совершенно такая же черная посуда, какъ въ соответственныхъ кавказскихъ могильникахъ»[3]. Помимо Верхне-Салтовского могильника, А.А. Спицын причисляет к той же археологической культуре могильник близ хутора Зливки, а также Маяцкий археологический комплекс[4]. По мнению А.А. Спицына, аланское население, сформировавшее памятники салтовского типа, было представлено потомками сарматских племен, переживших гуннское нашествие в донской лесостепи. Впоследствии, под покровительством хазарских каганов их культура развилась и стала господствующей в Хазарии[5].

Параллельно развивалась другая – «хазарская» гипотеза культурогенеза. В работе: «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне

[2] Покровский А. М. Верхне-Салтовскій Могильникъ // Труды XII археологического съезда въ Харькове в 1902 г. – М., 1905. – Т. 1. – С. 478.
[3] Спицын А. А. Историко-археологическія разыскания // Журналъ Министерства народного просвещения. Новая серія. – С. Петербургъ, 1909. – Часть XIX. – С. 72.
[4] Там же. – С. 73.
[5] Там же. – С. 70–71.

р. Дона» И. И. Ляпушкин пишет, что «на XII Археологическом съезде Д. И. Багалей и Д. Я. Самоквасов в прениях по докладу А. М. Покровского о раскопках Салтовского могильника заявили, что данный могильник, как и близкие ему северокавказские катакомбные могильники, следует считать хазарскими»[6]. Как «казарские могилы» данный материал вошел в курс русской истории Д. И. Багалея[7] и в исследование Д. Я. Самоквасова «Могилы Русской земли». Причем, представители данной гипотезы не отрицали сходство салтовского материала с материалами северокавказских могильников, а просто причисляли эти памятники к хазарским. Так, в своем исследовании «Могилы Русской земли» Д. Я. Самоквасов выделяет ряд сходных черт Верхне-Салтовского могильника с катакомбными могильниками Северного Кавказа: похожий погребальный обряд (катакомбные могильники), инвентарь и первый, и вторые датированы монетами VII-IX веков. Но, при этом, и Верхне-Салтовский могильник и могильники Северного Кавказа Д.Я. Самоквасов относит к памятникам, оставленными хазарами: «Салтовскій и Кавказскіе катакомбные могильники одного погребального обряда, одинаково датированы монетами VII-IX столетій и содержатъ одинъ и тотъ же бытовой матеріалъ, несомненно принадлежатъ одному народу, — Козарамъ сказанного времени, владевшимъ тогда южною Россіей и собиравшимъ дань съ разрозненныхъ русскихъ племенъ»[8]. Другой аргументации, подтверждающей этническую принадлежность Верхне-Салтовского и могильников Северного Кавказа к хазарам, приведено не было.

Подобной точки зрения придерживался и первооткрыватель Верхне-Салтовского могильника – В. А. Бабенко. В работе 1909 года «Продолжение

---

[6] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I /МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 88.
[7] Багалей Д. И. Русская история. – Харьков, 1909. – Ч. 1. – С. 66.
[8] Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. – М., 1908. – С. 233.

систематическихъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтове» В. А. Бабенко пишет о разнообразном и богатом инвентаре, сопровождающем салтовские захоронения, что, по мнению автора, свидетельствовало о высокой степени культурного развития народа, оставившего этот памятник. Далее В.А. Бабенко датирует Салтовский могильник, городище VII-IX веками и соотносит эту датировку со временем доминирования хазар: «Въ эту же эпоху времени съ подобнымъ высокимъ характеромъ развитія на юге Россіи господствовали, какъ известно, хозары. Следовательно, и салтовская древняя культура наиболее подходитъ къ хозарской, чем къ более бедной культуре печенеговъ, торковъ, половцевъ и др.».[9] «Хазарскую гипотезу» также поддерживали В. А. Городцов[10], В. Я. Данилевич[11].

Интересными оказались исследования Г. И. Чучукало, основанные на антропологическом анализе черепов Верхне-Салтовского могильника. В данном исследовании впервые поставлен вопрос — насколько хазары составляли однородную в этническом отношении группу?[12] В ходе краниологического анализа оказалось, что «физические признаки древних салтовцев довольно резко отличаются от расовых особенностей современных тюрко-татарских народностей. В частности, долихокрания, характеризовавшая древних салтовцев, отнюдь не может рассматриваться, как признак, свойственный тюрко-татарам»[13]. Таким образом, гипотеза о принадлежности жителей Древнего Салтова к хазарам, остеометрическими данными не подтвердилась, в то время как с черепами алан некоторое сходство было обнаружено. Кроме того, было проведено сравнение черепов Верхне-Салтовского могильника с черепами из села Ницахи, которые

[9] Бабенко В. А. Продолжение систематическихъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтове // Труды XIV археологическаго съезда въ Чернигове в 1909. – М., 1911. – Том III. – С. 239.
[10] Городцов В. А. Бытовая археология. – М.,1910. – С. 424.
[11] Данилевич В. Я. Курс русских древностей. – М.,1908. – С. 156.
[12] Чучукало Г. И. Черепа из Верхне-Салтовского могильника // Оттиск из Трудов Укр. Психо-Неврологического Института. Материалы по антропологии Украины. – Харьков, 1926. – Сборник второй. – С. 7.
[13] Там же.

принято относить к славянским, но и в этом случае остеометрические данные сходства и родственных связей не показали[14].

В 1927 году «хазарская» гипотеза подверглась критике со стороны Ю. В. Готье: «Исходя из таких, более чем легкомысленных соображений, В. А. Бабенко наивно относит к хазарам и близкие к салтовским могильники Осетии»[15].

В своей работе: «Кто были обитатели Верхнего Салтова?», Ю. В. Готье более подробно остановился на сравнении северокавказских и салтовских могильников и городищ по Донцу и среднему Дону. Ю.В. Готье, как и его предшественники, отмечает сходство в одинаковой степени основных черт могильников: «Прежде всего оно наблюдается в устройстве катакомб… Сходству в устройстве камер соответствует и близкое сходство погребального обряда и инвентаря»[16]. Ю. В. Готье видит сходство в керамическом комплексе, а так же в наличии в Верхне-Салтовском могильнике топориков, которые составляют отличительную особенность могильников Северного Кавказа, наконечников стрел плоской трехгранной формы. Единственное различие между инвентарем Верхнего Салтова и Чми и других могильников Северного Кавказа, Ю. В. Готье видел в меньшем количестве украшений в Верхнем Салтове. В связи с этим, автор сделал вывод, что «в Салтове жили беднее, чем на Кавказе, и что Салтовская культура по отношению к сходной с ней Северо-Кавказской была как бы культурой провинциальной»[17]. Несмотря на все найденные сходства, Ю. В. Готье говорил о трудности решения вопроса о связи салтовской культуры с сарматской, которая в более раннюю эпоху, как отмечает автор, распространялась на Средний Дон и Донец и для решения этого вопроса

[14] Чучукало Г. И. Указ. соч. – С. 9.
[15] Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия ГАИМК. – Л., 1927. – Т. V. – С. 77.
[16] Там же. – С. 65–66.
[17] Там же. – С. 68.

Ю.В. Готье отмечал необходимость детального и пристального изучения обоих культур. О своей же работе автор пишет, что он лишь ограничился тем, что поставил этот вопрос. Но при этом, Ю.В.Готье отмечает, что «при первом взгляде основных противоречий между культурой Салтовской и культурой сарматской всё-таки нет»[18].

В 1940 году выходит статья М.И. Артамонова: «Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии», в которой он отмечает, что нашествие гуннов и других азиатских орд вызвали значительно более серьезные и глубокие изменения среди аланских народов степи и лесостепи, нежели предполагали Ю. В. Готье и А. А. Спицын[19]. М. И. Артамонов, вслед за Ю. В. Готье и А. А. Спицыным, также считал, что салтовские древности сформированы потомками сарматских племен, но, это были не аланы, а болгары и хазары. По мнению М. И. Артамонова, сарматские племена, подвергшиеся воздействию гуннов и тюрок, и получившие название болгар и хазар, сохранили часть общих с кавказскими аланами традиций, которые и получили воплощение в салтовской культуре[20]. Противоречащее данной гипотезе сообщение Лаврентьевской летописи, упоминающей о присутствии в XII веке на Дону ясов, он объяснял следующим образом: термин ясы (асы, осы) не являлся в тот момент названием только алан, а объединял ряд народов сарматского происхождения. Другим важным фактором формирования культуры Хазарского каганата М. И. Артамонов считал процесс оседания кочевников на землю. С этим процессом он связывал более высокий, по сравнению с другими кочевниками, уровень развития Хазарии[21].

В статье 1958 года «Саркел – Белая Вежа» взгляды М. И. Артамонова относительно происхождения и этнической принадлежности носителей

[18] Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? – С. 76.
[19] Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. – 1940. – Вып. 6. – С. 130–165.
[20] Там же. – С. 161–162.
[21] Там же. – С. 164.

салтовской культуры, в сравнении с 1940 годом, практически не изменились. В качестве дополнительного аргумента не аланской атрибуции салтовского населения приводится дешифрованные А. М. Щербаком надписи на Новочеркасской баклажке, выполненной тюркским письмом[22]. Наличие схожих надписей на блоках Маяцкого городища позволили говорить о тюркоязычности всей салтово-маяцкой культуры. При этом, М. И. Артамонов вовсе не отрицает полиэтничный характер населения Хазарского каганата[23].

Несколько другую точку зрения высказал И. И. Ляпушкин. В частности, он обратил внимание на тот факт, что салтово-маяцкая культура появляется в Подонье уже сформировавшейся культурой оседлых земледельцев[24]. По мнению И. И. Ляпушкина, формирование культуры происходило вне пределов ареала салтово-маяцкой культуры. В качестве подтверждения своей гипотезы автор приводит факт отсутствия родственных салтовским памятников в Подонье V–VII вв, в то время как весьма схожие древности эволюционируют в центральной части Северного Кавказа[25]. Это обстоятельство, а также сходство материальной культуры и антропологических характеристик части салтово-маяцких могильников с некрополями Северного Кавказа позволило И. И. Ляпушкину настаивать на том, что в конце VII — начале VIII вв. часть кавказских алан переселилась на Дон. Причиной переселения явилось политическое спокойствие, установившееся в Восточной Европе с началом хазарского господства и позволившее оседлым народам безбоязненно осваивать степные

[22] Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I /МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 45.
[23] Там же. – С.47
[24] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I /МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 144.
[25] Там же. – С. 145.

пространства[26].

И. И. Ляпушкин также выделяет другую группу населения, принявшую участие в формировании салтово-маяцкой культуры. Эта группа имела кочевнический уклад и находилась на этапе перехода к оседлому образу жизни. К археологическим следам данной группы И.И. Ляпушкин относит памятники типа могильника Зливки. Автор исходит из данных письменных источников, а также сходства погребального обряда и антропологических характеристик Зливок и памятников Дунайской Болгарии и атрибутирует данную группу населения как болгары[27].

Таким образом, процесс формирования салтово-маяцкой культуры выглядит по И. И. Ляпушкину следующим образом: истоки культуры берут свое начало в III–IV вв, в сармато-аланском мире, далее гуннское нашествие прерывает процесс ее формирования везде, кроме центрального Предкавказья, откуда ее носители — оседлые земледельцы и скотоводы переселяются в VIII веке на Дон и Северский Донец. К оседающим на землю кочевникам, по мнению И. И. Ляпушкина, можно отнести лишь население, оставившее могильники типа Зливок. В качестве пережитков кочевничества И. И. Ляпушкин выделяет котлы с внутренними ушками и монголоидную примесь в антропологическом типе. Поселения оседающих кочевников появляются в степи на рубеже VIII–IX вв., отчасти под влиянием оседлых донских алан[28]. Этническая принадлежность оседающих кочевников, на основании сходства с дунайскими и прикамскими памятниками, определяется И. И. Ляпушкиным как болгарская[29].

Вопрос формирования салтовской культуры затронут и в диссертации Н. Я. Мерперта: «Верхнее Салтово (Салтовская культура)»[30]. Н. Я. Мерперт

[26] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона – С. 145–146.
[27] Там же. – С. 147.
[28]Там же.
[29] Там же. – С. 148.
[30] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (Салтовская культура). Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук // НА ИА РАН. Р 2. № 884. 416 с.

придерживается мнения о автохтонном характере формирования культуры[31]. В качестве аргументов приводятся антропологические данные – сходство большинства черепов Верхнесалтовского могильника с костяками из некрополей днепровских скифов, а также характер вещевого материала. Для большинства предметов последнего, Н. Я. Мерперт находит прототипы в сарматских древностях[32]. При этом, признается и инокультурное влияние — исходящее из восточных районов — Сибири, и отчасти Ирана. Однако, по наблюдениям Н. Я. Мерперта, привнесенные элементы были подвергнуты переработке на основе местных традиций[33]. Таким образом, автор приходит к выводу, что культурный облик населения Верхнего Салтова сформировался в результате воздействия на местные сармато-аланские племена азиатских кочевников, входивших в гуннскую орду[34], в результате чего и возникло новое этническое образование, именуемое булгарами, родственное кавказским аланам[35].

Таким образом, с момента открытия Верхне-Салтовского и Маяцкого памятников вопрос об этнической интерпретации памятников салтово-маяцкой культуры был основополагающим.

В работах С.А. Плетневой вопрос об этнической принадлежности населения салтово-маяцкой культуры впервые был затронут в 1960 году в статье «Средневековые поселения верховьев Северского Донца». Присоединяясь к точке зрения И.И. Ляпушкина и Н.Я. Мерперта о существовании северного и южного вариантов, С.А. Плетнева предлагает называть салтово-маяцкой только северную группу, тогда как южную она

[31] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (Салтовская культура). – С. 158.
[32] Там же. – С. 355.
[33]Там же. – С. 357.
[34] Там же. – С. 380.
[35] Там же. – С. 402.

связывает с болгарами и предлагает именовать болгарской или праболгарской[36].

В вопросе формирования лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева присоединяется к мнению И. И. Ляпушкина. Причем, в отличие от последнего, она уточняет время переселения алан на Дон, относя это событие к 30-м годам VIII века, и предполагает причину – походы арабских полководцев Масламы и Мервана. В качестве исходного района миграции С. А. Плетнева называет Центральное Предкавказье, обосновывая свою точку зрения наличием в этом регионе ряда могильников, прекративших свое существование на рубеже VII–VIII веков.

Точка зрения о пришлом характере аланского компонента прослеживается и в рецензии на книгу Б. А. Шрамко: «Древности Северского Донца» 1964 года, где С.А.Плетнева оспаривает предположение Б. А. Шрамко об автохтонности аланского компонента салтово-маяцкой культуры, аргументируя это тем, что, несмотря на хорошую исследованность территории верховий Донца, не встречено ни одного сармато-аланского памятника V-VIII веков. Исходя из этих фактов, С.А. Плетнева предполагает, что до VIII–IX веков на этой земле не было аланских племен и что пришли они сюда в VIII веке[37].

В следующий раз к этой проблеме С.А. Плетнева вернулась в 1967 году в своей книге «От кочевий к городам»[38]. Эта работа, как отмечалось в первой главе, по сути, первое обобщающее, наиболее основательное и полное исследование салтово-маяцкой культуры.

С. А. Плетнева продолжает придерживаться гипотезы о пришлом характере аланского компонента и приводит еще несколько доказательств в

---

[36] Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. – 1960. – Вып. 79. – С. 18.

[37] Плетнева С. А. Рецензия на кн.: Шрамко Б. А. Древности Северского Донца (Харьков, 1962) // СА. – 1964. – № 3. – С. 343.

[38] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА СССР. – М., 1967. – № 142. – 198 с.

подтверждение. Прежде всего, речь идет о наиболее ярком проявлении салтово-маяцкой культуры в лесостепи — катакомбных могильниках. По наблюдениям С. А. Плетневой, в южнорусских степях V–VII вв. не встречено подобного обряда захоронения вплоть до VIII–IX вв., в то время как на Северном Кавказе известны могильники, датирующиеся временем до начала VIII века (V–VII вв.). Таким образом, автор предполагает, что оставившее данные памятники на Северном Кавказе население, ушло со старых мест и переселилось в другие области, возможно, верховья Дона и Северного Донца, где именно в VIII веке появляются памятники данного типа.

Помимо этого, С. А. Плетнева уточняет наиболее вероятный район миграции. По ее мнению, это центральные области Северного Кавказа (район современного Пятигорска). А также акцентирует внимание на антропологическом сходстве салтовских и северокавказских черепов, ярким признаком которых является долихокранность[39].

При исследовании ямных погребений С. А. Плетневой была выделена еще одна антропологическая группа. Автором отмечено, что все зливкинские черепа относятся к европеоидной расе и имеют брахикранную форму[40].

На Дмитриевском комплексе С. А. Плетнева выделяет группу погребений женщин-брахикранов, вытянутых на спине. На примере данных захоронений автор делает вывод о взаимодействии аланских долихокранных племен с брахикранами. Из 41 дмитровских черепов 4 принадлежали женщинам-брахикранам и один — мужчине-брахикрану. При этом, по наблюдениям автора, две женщины похоронены по обрядам, не свойственным создателям катакомб, остальные две — в одиночных небольших катакомбах с бедным набором вещей или совсем без них, в то время как мужчина-брахикран погребен как обычный аланский воин – в катакомбе, с женщиной-рабыней, на угольной подстилке. Исходя из этих

[39] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура – С. 91.
[40] Там же. – С. 94.

данных, С. А. Плетнева делает вывод не только о перемешанности обрядов двух сосуществовавших групп, но и о тесных «семейных» контактах с основным долихокранным населением, в результате чего появились мезокраны, черепа которых в большом количестве обнаружены в дмитровских катакомбах.

Подобное смешение традиций С. А. Плетнева прослеживает и в Салтове, где обширный ямный могильник с погребенными брахикранами зливкинского типа находится напротив катакомбного[41].

Этнически группу населения, характеризующуюся брахикранными черепами, С. А. Плетнева связывает с болгарами. Этот вывод основывается на сходстве погребального обряда и антропологическими характеристиками донских ямных погребений и некрополей Подунавья и Средней Волги[42]. Имеющиеся отличия объясняются особенностями ритуалов, присущих разным племенным группам болгар. В частности, для волжских булгар в качестве подобной особенности называется присутствие в погребальной яме «заплечиков». Примечательно, что С.А. Плетнева делает предположения о вероятности выявления аналогичных погребений и в донской степи[43]. Исследования К.И. Красильникова позже подтвердили данное предположение[44].

В отношении этнической принадлежности населения, оставившее могильники, совершенные по обряду трупосожжения (Новопокровский могильник и пр.), С. А. Плетнева отвергает славянскую атрибуцию, и, основываясь на алтайских аналогиях, предлагает тюркскую. Помимо сходства погребальной обрядности, о тюркской принадлежности косвенно свидетельствует расположение могильника Новая Покровка недалеко от

[41] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура – С. 95.
[42]Там же. – С. 98.
[43] Там же. – С. 99.
[44] Красильников К. И. О некоторых вопросах погребального обряда протоболгар у с. Желтое // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 28-44.

«Каганова» (Кабанова) городища, которое, по мнению С. А. Плетневой, исходя из названия, могло быть ставкой хазарского наместника. Кремационные погребения, соответственно, могли принадлежать воинам тюркского гарнизона[45]. Помимо Новопокровского могильника к числу салтово-маяцких кремаций отнесены комплекс вещей, не содержавших останков человека, у ст. Тополи, безинвентарное погребение Бондариха, и Вознесеновский комплекс.

Таким образом, в качестве основы салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева выделяет сармато-аланскую культуру с наибольшим влиянием северокавказских аланов, которые пришли в Подонье в VIII веке. По мнению автора, они принесли с собой уже сложившейся земледельческо-скотоводческий уклад жизни и некоторые ремесла. В качестве другого культурообразующего элемента С.А.Плетнева выделяет тюркоязычных кочующих болгар и хазар, у которых были свои навыки и традиции. Кроме того, в среде тюркоязычных кочевников присутствовали и аланы, оставшиеся в степях после гуннского нашествия. Помимо этого, С.А.Плетнева отмечает, что мощное культурное влияние на формирование салтово-маяцкой культуры оказали закавказские государства (в особенности, Албания) и Византия[46].

При этом основными создателями салтово-маяцкой культуры признаются количественно преобладавшие болгары[47]. Болгары донских и приазовских степей поддерживали тесную связь с перелившимися на Дунай и Волгу единоплеменниками. Этим, а также схожестью условий автор объясняет близость их культур.

В последующих работах С. А. Плетнева продолжает развивать свою гипотезу относительно переселения алан, подкрепляя ее всё новыми данными.

[45] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 101.
[46] Там же. – С. 185.
[47] Там же. – С. 188.

В статье 1973 года «Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях» С.А. Плетнева рассматривает кружки с зооморфными ручками, найденные на Дмитриевском могильнике, в качестве одного из доказательств генетической связи салтово-маяцкой культуры с северокавказской культурой алан. В статье автором ставится еще раз ставится острый для проблемы формирования салтово-маяцкой культуры вопрос – были ли донские аланы остатками местного, сарматского населения, или они явились сюда с предгорий Северного Кавказа? [48] На основе находок сосудов с зооморфными чертами, С.А. Плетнева приходит к выводу о генетической преемственности донских алан от северокавказских: «В то же время близость аланских культур Северного Кавказа и Подонья очевидна. Эта близость становится особенно разительной, если учесть, что один из характернейших признаков северокавказских аланских древностей – зооморфные черты на керамике – встречается в VIII–IX вв. только в Верхнем Подонье, там, где до этого времени подобной керамики не знали»[49]. При этом, автор отмечает, что сосуды с зооморфными чертами известны далеко не на всех памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Например, на эталонном Салтовском могильнике подобных сосудов встречено лишь несколько штук, несмотря на сотни открытых там катакомб. В материалах других вариантов салтово-маяцкой культуры сосуды с зооморфными чертами не встречены вовсе. Данные факты С. А. Плетнева связывает с тем, что не все население салтово-маяцкой культуры пришло с Северного Кавказа, и что с выходцами из кавказских предгорий необходимо связывать только те памятники, на которых встречаются характернейшие для аланских кавказских памятников сосуды с зооморфными ручками. Например, Дмитриевский комплекс, где помимо зооморфной керамики, данная гипотеза

[48] Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. Сборник, посвященный памяти Е. И. Крупнова. – М., 1973. – С. 211.
[49]Там же.

подтверждается еще находками треугольных «рогатых» поясных пряжек, известных в дагестанских памятниках VII–IX вв.[50] Таким образом, находками сосудов с зооморфными чертами С. А. Плетнева подтвердила свою гипотезу о переселении алан Восточного и Центрального Предкавказья на Дон.

Параллельно с этими изысканиями, С. А. Плетнева продолжает развивать «болгарскую» гипотезу культурогенеза салтово-маяцкой культуры.

В 1983 году С. А. Плетневой был дан краткий обзор исследования проблемы «протоболгар» в работах советских археологов. В обзоре были рассмотрены основополагающие исследования за последние 80 лет:

1. Открытие В. А. Городцовым в начале XX века Зливкинского могильника, а также исследования М. И. Артамоновым Саркела и могильников, которые, по мнению С. А. Плетневой, антропологически, а также, по составу керамики и определенной части вещевого комплекса, схожи с «зливкинским» материалом.

2. Открытие в середине 50-ых годов Кайбельского и Больше-Тарханского могильников в Волжской Болгарии, а также, Ново-Пазарского могильника в Дунайской Болгарии близ Плиски, которые, по наблюдениям С. А. Плетневой оказались синхронны, однообрядны и идентичны антропологически зливкинским погребениям[51].

3. Исследования поселений и в частности Фанагорийского городища, связанными в письменных источниках с протоболгарами. По наблюдениям С.А. Плетневой, все памятники, которые упоминались в источниках, имеют характерный погребальный обряд и комплекс типичной для протоболгар керамики.

---

[50] Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях. – С. 211.

[51] Плетнева С. А. Проблема «протоболгар» в работах советских археологов // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. – М., 1983. – С. 18.

На основе данных исследований С.А. Плетнева обратила внимание на проблему хронологического несоответствия письменных упоминаний о протоболгарах (исходя из письменных сведений, расселение произошло в VII веке) и археологических материалов, исходя из которых, ни один протоболгарский памятник не датируется ранее VIII века.

Данное несоответствие автор объясняет в контексте концепции о трех стадиях кочевания: круглогодичного («табарного»), полукочевого (с постоянными зимниками), и полуоседлого (с постоянными зимниками). По версии С. А. Плетневой, до VIII века протоболгары оставались кочевниками первой стадии, и только в середине VIII века они начинают оседать – именно поэтому до середины VIII века никаких стационарных памятников оставлено не было[52].

Таким образом, С. А. Плетнева продолжает оставаться сторонником значительного вклада болгар в сложение салтово-маяцкой культуры[53].

Дополнительным аргументом в поддержку гипотезы о роли болгар в формировании салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнева приводит данные о рисунках на стенах Маяцкого городища: «Наиболее крепкие связи намечаются между Маяцким городищем и Дунайской Болгарией. Сходство стиля и сюжетов позволяет, как нам кажется, говорить о близкородственных отношениях между населением этих двух степных регионов»[54]. Таким образом, автор не только выделяет болгарский этнос в качестве культурообразующего, но и подчеркивает связь лесостепи с синхронно существующей Дунайской Болгарией.

Правобережное Цимлянское городище, основываясь на антропологических данных, полученных В. В. Гинсбургом, автор также относит к поселению протоболгарского этноса: «В. В. Гинсбург в

[52]Плетнева С. А. Проблема «протоболгар» в работах советских археологов. – С.19.
[53] Там же. – С. 20.
[54] Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 91.

заключении своей статьи писал, что черепа жителей Правобережного поселения типологически ближе всего к черепам Зливкинского и Новопазарского могильников, справедливо относимых всеми исследователями к праболгарскому этносу»[55].

В окончательном виде и в полном объеме взгляды С.А. Плетневой на роль и значимость раннесредневековых болгар в истории Восточной Европы были сформулированы и изложены ею в 1997 году в обширной статье в «Татарской археологии»[56]. На основе анализа письменных источников С. А. Плетневой было выделено четыре основных волны миграции ранних болгар. В частности, появление болгар, как активной политической силы, датируется С. А. Плетневой V веком[57]. Болгары рассматриваются как одно из наиболее мощных этнических объединений, вышедших из гуннской орды[58]. В отличии от М. И. Артамонова, С. А. Плетнева не считает племена кутригутов и утигуров частью болгарского этноса[59], более того, если болгар она рассматривает как носителей тюркского языка, то племена, чьи названия имеют окончания «гур» относятся ею к угроязычным[60]. Во второй половине VI – начале VII веков политическая активность болгар снижается, и их имя практически исчезает со страниц исторических сочинений. Данный период, по мнению исследователя, характеризуется укреплением экономического положения болгарского объединения, вызванным постепенным оседанием части кочевников на землю[61]. Новый всплеск активности болгар С. А. Плетнева связывает с их участием в закавказских походах тюрок. Наличие болгар в тюркском войске автор фиксирует по косвенным признакам – в «Именнике болгарских ханов» правители болгар названы как

[55] Плетнева С. А. История одного хазарского поселения // РА. – 1993. – № 2. – С. 64.
[56] Плетнева С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. – Казань, 1997. – № 1. – С. 31-60.
[57] Там же. – С. 32.
[58] Там же. – С. 34.
[59] Там же.
[60] Там же. – С. 38.
[61] Там же. – С. 35.

«князья с остриженными головами» - это позволяет Светлане Александровне сделать вывод о том, что коротко стриженная (бритая) голова является этнографическим признаком болгар. Армянский историк Моисей Каганкатваци говорит об участии в штурме Дербента, в 627 году помимо воинов с длинными волосами и косами, бритоголовых бойцов, то есть, по мнению С. А. Плетневой, болгар[62].

После распада Тюркского кагана болгары, кутригуты и утигуры были объединены в государственное образование Великая Болгария представителем знатного тюркского рода Дуло Кубратом. После его смерти Великая Болгария распалась и была разгромлена Хазарским каганатом. Откочевавшие на Дунай болгары Аспаруха были встречены славянскими вождями как союзники в борьбе с Византией. Все это, по предположениям С. А. Плетневой, положило начало формированию нового государства, а в последствии и этноса[63]. Оставшиеся в восточноевропейских степях болгары были потеснены хазарами с Таманского полуострова в Северное Причерноморье и Восточный Крым — территории, сопоставляемые автором по письменным источникам с Черной (Внутренней) Болгарией[64].

Следующая волна переселения болгар связывается С. А. Плетневой с арабо-хазарскими воинами. Автор пишет, что, болгары, кочевавшие в Предкавказье, и аланы, спасаясь от нашествия арабов переселяются на Дон, причем аланы, будучи оседлыми земледельцами внесли, по мнению исследователя, решающий вклад в формирование салтово-маяцкой культуры. Другая часть болгар, по материалам письменных источников, переселяется в Среднее Поволжье, принеся с собой восточнокавказский этноним «савир» (сувар, суваз, чуваш)[65]. Часть переселенцев «второй волны» дошла до

[62] Плетнева С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях. – С. 36.
[63] Там же. – С. 41.
[64] Там же. – С. 42.
[65] Там же. – С. 45 - 46.

Дунайской Болгарии, об этом, по мнению С. А. Плетневой, свидетельствует сходство салтово-маяцкой и балкано-дунайской культур[66].

«Третья волна» болгарской миграции связывается С. А. Плетневой с принятием иудаизма хазарами и гражданской войной в каганате. Появление новых групп переселенцев фиксируется ею в Подунавье, лесостепном Подонье, на Средней Волге[67].

Последняя, «четвертая волна» переселения, датируемая С. А. Плетневой началом X века, была вызвана печенежским вторжением. Маршруты мигрантов были прежними — Дунай, лесостепной Дон, Волжская Булгария[68].

Обосновывая вклад праболгарского этноса в сложение салтово-маяцкой культуры, С.А. Плетнева практически во всех работах подчеркивала взаимодействие в процессе формирования культуры болгар с аланским этносом – выходцами Северного Кавказа, на что выше обращалось внимание, довольно ярко эта мысль прозвучала в монографии, посвященной публикации материалов Дмитриевского археологического комплекса.

О ведущей, определяющей роли аланского этноса в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнева пишет в работе «Очерки хазарской археологии»[69].

В работе 1989 года «На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс»[70] С. А. Плетнева признает точку зрения А. В. Гадло о насильственном переселении алан на пограничные земли для ослабления аланского объединения в Предкавказье и укрепления северо-западных пределов хазарских владений[71]. Но в то же время, С. А. Плетнева не

[66] Плетнева С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях. – С. 47.
[67] Там же. – С. 49.
[68] Там же. – С. 52.
[69] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим, 1999. – С. 63.
[70] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – 285 с.
[71] Гадло А. В. Северный Кавказ в IV–X веках. – М., 1984. – С. 26.

исключает высказанной ранее гипотезы о мощном давлении арабов как о причине массового переселения алан в донской бассейн. Таким образом, по мнению автора, переселение, задуманное как государственное мероприятие, достаточно сильно стимулировалось вынужденной эвакуацией с «разоренных» земель[72].

Если говорить об эволюции взглядов по этому вопросу, то уже в книге “Хазары”, вышедшей в 1976 году, в качестве одного из последствий арабского вторжения С.А. Плетнева выделяет переселение не только алан, но и хазар и болгар. Таким образом, из разоренного арабами Предкавказья в Доно-Волжские степи бежит полиэтничное население с разными традициями, что делает культурогенез салтово-маяцкой культуры более насыщенным и многогранным[73].

В главе «Салтово-маяцкая культура» тома «Степи Евразии в эпоху средневековья» серии «Археология СССР» С. А. Плетнева говорит о начале переселения алан еще до похода Мервана 737 года[74].

В заключение сюжета о причинах переселения алан с Северного Кавказа, хотелось бы упомянуть, точку зрения В. К. Михеева, который, несмотря на общую схожесть, не в полной мере разделял взгляды С. А. Плетневой и соответственно представлял несколько иную версию происхождения салтово-маяцкой культуры. Говоря о населении доно-донецкой лесостепи, В. К. Михеев обращал внимание на его полиэтничный характер, видя в носителях различных погребальных обрядов алан, болгар, угров. По мнению В.К. Михеева, эти группы представляли собой части этносоциальных общностей, сформировавшихся вне пределов Хазарии и

[72] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 268.
[73] Плетнева С. А. Хазары. – М., 1976. – С. 43.
[74] Плетнева С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X веках // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.,1981. – С. 65.

объединенных в рамках единой культуры[75]. В вопросе появления алан в донской лесостепи В. К. Михеев не разделял точку зрения С. А. Плетневой, считавшей, что аланы переселились на Дон из-за арабской угрозы. Военные действия Халифата в отношении кавказских алан носили спорадический характер, их интенсивность не требовала принятия таких радикальных мер как переселение. Причиной миграции, по мнению В. К. Михеева, как и А.В. Гадло, были меры хазарского правительства по закреплению своего владычества в доно-донецкой лесостепи. Аланы были принудительно переселены с целью осуществления контроля за своими подданными — кочевниками и пеньковцами-славянами, а также для охраны северной границы. В подтверждение своей гипотезы он приводит многочисленные случаи переселения подданных, имевшие место в истории[76].

В своих последних работах[77], посвященных этому вопросу, С. А. Плетнева склоняется к точке зрения В. К. Михеева: «каган, видимо, высоко ценил аланских воинов и поэтому сделал то, что делали, как правило, все средневековые властители сильных и стабильных государств, а именно – переселил наиболее боеспособную аланскую группировку, обитавшую в среднем Прикавказье, на северную и северо-западную границу своего государства в лесостепи верхнего и среднего течения рек Северский Донец и Оскол и восточнее – по реке Тихая Сосна вплоть до впадения ее в Дон»[78].

Кроме того, С. А. Плетневой удалось проследить выявленную еще в 1967 году тенденцию о постоянном и тесном взаимодействии двух этносов — алан (долихокраны) и болгар (брахикраны), связи которых прослеживаются не только на антропологическом материале, но и на

---

[75] Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (часть 1) // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991. – С. 45.
[76] Там же. – С. 46.
[77] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим, 1999. – С. 25; Федоров О., Плетнева С. А. Аланы. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата // Журнал «Цейхгауз». Российский военно-исторический журнал. – 2006. – № 22. – С. 4-7.
[78] Там же. – С. 4-7.

изменении (смешении) погребального обряда – самого устойчивого этнического признака[79].

Помимо болгар и алан С. А. Плетнева выделяет еще один элемент, повлиявший на сложение салтово-маяцкой культуры – это создатели пеньковской культуры, селившиеся в пограничных землях целыми группами. Автор не выделяет четкую этническую принадлежность данной группы, но говорит о высокой доли вероятности славянского элемента в числе создателей пеньковской культуры[80]. В работе 1989 года С. А. Плетнева подкрепляет высказанную ранее гипотезу результатами раскопок на Дмитриевском могильнике и разведок на Северском Донце и Осколе (Г. Е. Афанасьев, А. Г. Николаенко, А. М. Обломский), показавшими, что это население обитало в верховьях обеих рек до прихода сюда аланских и праболгарских переселенцев[81].

По мнению С.А. Плетневой «…мы можем говорить, что здесь, на окраине каганата происходило сложение новой этнической группировки».[82] О сложности этнического состава на северо-западном пограничье Хазарского каганата пишет С.А. Плетнева и в «Очерках хазарской археологии» и в совместной с А.З. Винниковым монографии, посвященной публикации материалов Маяцкого селища.[83]

Интересная гипотеза, касающаяся этнонима населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, была предложена Г.Е. Афанасьевым. Проанализировав данные письменных источников о буртасах, автор пришел к выводу, что хронология первого этапа существования данного этноса,

---

[79] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 269.
[80] Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 118.
[81] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 269.
[82] Там же. – С.269.
[83] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С.43; Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – С. 196-212.

географическое положение и природно-климатические условия страны буртас, а также их хозяйство позволяют отождествить буртасов с известными по материалам археологических памятников, лесостепными аланами,[84] что вызвало определенную негативную реакцию со стороны некоторых исследователей, в частности А.Х. Халикова, считавшего, что «попытка Г.Е. Афанасьева отождествить буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры не подтверждается ни письменными источниками, ни археологическими материалами».[85]

Г.Е. Афанасьев на критический разбор А.Х. Халиковым его положения по поводу отождествления буртасов с донскими аланами привел ряд аргументов.[86] Но тем не менее этот вопрос не получил окончательного решения и остается предметом дискуссии.

Подводя итоги данного раздела главы, необходимо еще раз подчеркнуть, что С.А. Плетнева на обширном археологическом материале убедительно продемонстрировала, что салтово-маяцкая культура и прежде всего её лесостепное пограничье, это полиэтническая культура, но господствующим этносом в данном регионе является аланский – переселенцы с Северного Кавказа. В основе этой миграции, вероятно, лежит комплекс причин.

Но в тоже время С.А. Плетнева достаточно четко продемонстрировала не только полиэтничность культуры, но и ее многовариантность, о чем пойдет речь в следующем разделе главы.

---

[84] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – 1987. – Вып. 2. – С. 167; Он же. Этническая территория буртасов во второй половине VIII – начале X вв. // СЭ. – 1984. – №4. – С. 28-41.

[85] Халиков А.Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X веков // СЭ. – 1985. – №5. – С. 164.

[86] Афанасьев Г.Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А.Х. Халикову) // СЭ. – 1985. – №5. – С. 164-169.

2.2. Проблема выделения вариантов салтово-маяцкой культуры.

Проблема локализации вариантов салтово-маяцкой культуры является одной из ключевых в «хазарской археологии». Это обусловлено самим характером такого государственного образования как Хазарский каганат – сочетание огромной территории каганата и постоянного взаимодействия конгломерата племен, населявших ее. В результате такого постоянного взаимодействия происходило смешение традиций, формирование новых культурных особенностей. Эти процессы, а также своеобразие природно-климатических условий привели к формированию значительных региональных особенностей салтово-маяцкой культуры.

Вопрос о выделении локальных вариантов впервые был поставлен М. И. Артамоновым в статье 1940 года «Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии»[87], где он разделил салтово-маяцкую культуру на два варианта: лесостепной (салтово-маяцкий) и степной (нижнедонский)[88]. Позднее, уже в 1958 году, исследования по данному вопросу продолжил И. И. Ляпушкин. В значительной степени И. И. Ляпушкин повторил выводы М. И. Артамонова, расширив при этом источниковую базу и включив в свое исследование новые материалы Волго-Донской экспедиции, раскопок на Правобережном Цимлянском городище, а также материалы разведок памятников в верховьях Северского Донца и некоторых других участков бассейна Дона[89]. Помимо географического разделения И. И. Ляпушкин доказал, что основным населением лесостепного варианта были аланы, а степного - болгары[90]. Подобную точку зрения разделял и Н. Я. Мерперт[91].

---

[87] Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии – С. 130–167.
[88] Там же. – С. 162.
[89] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 85–150.
[90] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 146.
[91] Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань, 1957. – 37 с.

Изначально эту точку зрения поддерживала и С. А. Плетнева. В своей работе 1960 года «Средневековые поселения верховьев Северского Донца» С. А. Плетнева отмечает правомерность выделения северного (аланского) и южного (болгарского) вариантов культуры. Но, при этом, она писала, что ряд однотипных каменных городищ: Дмитриевское, Ольшанское, а также Маяцкое городище и Верхне-Салтовский могильник – эталонные памятники, давшие название всей культуре, находятся в ареоле распространения северного варианта салтово-маяцкой культуры. Поэтому, С.А. Плетнева предлагает называть салтово-маяцкой только северный вариант культуры: «Нам представляется, что правильнее было бы назвать салтово-маяцкой только северную группу памятников, т. е. культуру, характеризующуюся «каменными городищами», подобными Маяцкому, и катакомбными могильниками, подобными Салтовскому. Южный вариант, этнически достаточно определенный, можно называть болгарским, или праболгарским»[92]. Таким образом, изначально, С.А. Плетнева под салтово-маяцкой культурой подразумевала только северную группу памятников, южный (болгарский) вариант выделялся ею в отдельную группу памятников.

Но уже в 1963 году в своей рецензии на «Историю хазар» М. И. Артамонова, С. А. Плетнева пишет о болгарских племенах Приазовья и Дуная как о части салтово-маяцкой культуры. Автор говорит о том, что болгары пришли на Дунай в VII веке, но с «несложной культурой», поэтому сейчас археологам затруднительно уловить ее следы. Далее, по мнению С.А.Плетневой, развитие культуры дунайских и приазовско-донских болгар шло «одним путем». Такую тенденцию автор объясняет рядом факторов: 1. одни и те же географические условия и этническая среда (болгарские и болгаро-аланские племена); 2. сходные социально-экономические и политические условия (установившиеся порядок и спокойствие в пределах

[92] Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. – 1960. – Вып. 79. – С. 18.

обоих государств); 3. общие для обоих народов и областей соседи и влияния (славяне, Византия). Исходя из всех вышеперечисленных факторов, С.А. Плетнева делает вывод, что болгарские племена не принесли на Дунай салтово-маяцкую культуру, а создали ее со своими восточными соплеменниками на всей огромной территории Причерноморья[93]. Как мы видим, четких вариантов салтово-маяцкой культуры автором еще не выделяется, но география распространения последней явно выросла.

Более подробно данная тема была поднята С.А.Плетневой в монографии «От кочевий к городам»[94]. В исследовании автор выделяет семь вариантов салтово-маяцкой культуры (рис.2): 1. Средневолжский; 2. Дунайский; 3. Дагестанский; 4. Крымский; 5. Приазовский; 6. Нижнедонский; 7. Верхнедонский. В качестве основных факторов, влияющих на сложение того, или иного варианта, С. А. Плетнева выделила ряд объективных и субъективных причин, среди которых: степень влияния культуры местных, завоеванных племен и народов; влияние более или менее цивилизованных соседей; различный процент тех или иных этнических примесей; разница в климатических условиях[95].

Четких признаков каждого из вариантов в этой работе еще не выделено, однако уже прослежены некоторые закономерности, характерные для того или иного варианта.

По мнению С.А. Плетневой, основным населением каганата являлись болгары, сформировавшие три из пяти, располагавшихся на территории данного государства, локальных варианта. Лишь в лесостепи преобладало аланское население, а на Нижней Волге – хазары[96]. Появление локального варианта в Среднем Поволжье объясняется миграцией болгарских племен в

[93] Плетнева С. А. Рецензия на кн.: Артамонов М. И. История Хазар, Л., 1963 // СА. – 1963. – № 3. – С. 281.
[94] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 8.
[95] Там же.
[96] Там же. – С.188.

середине VIII века, принесших уже сложившуюся салтово-маяцкую культуру. В Дунайскую Болгарию салтово-маяцкая культура проникает в результате контактов родственных болгарских племен, кроме того, схожие политические и экономические условия до некоторой степени повлияли на формирование общих черт дунайских и донских раннесредневековых памятников[97].

Следующей вехой в выделении и изучении вариантов салтово-маяцкой культуры стала статья С. А. Плетневой в томе «Археологии СССР» «Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в.»[98]. В данной работе С.А. Плетнева выделяет уже шесть вариантов салтово-маяцкой культуры (рис. 3): 1. Лесостепной; 2. Степной; 3. Приазовский; 4. Крымский; 5. Нижневолжский; 6. Дагестанский. Помимо этого, С. А. Плетнева выделяет так называемый “салтово-маяцкий этап”, через который прошли северокавказские аланы, дунайские и волжские болгары, что, по мнению С. А. Плетневой, дает основание в какой-то степени также считать эти культуры локальными вариантами салтово-маяцкой культуры[99].

Таким образом, ранее выделенные дунайский и средневолжский варианты рассматриваются уже как самостоятельные культуры, хоть и близкие к салтово-маяцкой. Главной проблемой сопоставления памятников салтово-маяцкой и балкано-дунайских культур, по мнению С. А. Плетневой, является нерешенность вопроса хронологии памятников балкано-дунайской культуры и соответственно правомерность сопоставления памятников, которые могут быть не синхронны друг другу[100]. Однако ряд черт, выделенных молдавскими исследователями балкано-дунайской культуры Э. А. Рикманом, И. А. Рафаловичем, И. Г. Хынку (жилища-полуземлянки с тарелкообразными очагами в центре пола, кухонные яйцевидные горшки,

[97] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 188.
[98] Плетнева С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X веках. – 305 с.
[99] Там же. – С. 64.
[100] Там же. – С. 76.

захоронения в ямах головой на запад, наличие тризн и кенотафов в круглых ямах и прочее)[101], из-за множества аналогий на болгарских памятниках Подонья и Подунавья, позволили С. А. Плетневой говорить о генетической связи салтово-маяцкой и балкано-дунайской культур.

В статье 1990 года «Хазарские проблемы в археологии» С. А. Плетнева также отмечает неправомерность выделения некоторых вариантов: «Не все варианты выделены вполне правомерно или, во всяком случае, не всегда следовало бы считать ту или иную область вариантом салтово-маяцкой культуры, но в целом большинство археологов-хазароведов признали предложенное разделение»[102].

Далее в этой статье отмечаются достижения прежде всего в накоплении археологического источника по каждому из предложенных ею ранее вариантов, особо отмечается при этом значимость открытия в Прикаспии, Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону, в Приазовье кочевнических захоронений с квадратными ровиками, в центре которых в подбойных могилах совершались захоронения с довольно богатым инвентарем. В первой главе мы уже обращали внимание на оценку С.А. Плетневой этих памятников, она считает, что это самое крупное открытие в хазароведении, которое по значению сравнимо только с результатами работ Волго-Донской экспедиции и не возражает против оценки этих погребений как хазарских.[103]

С.А. Плетнева считает неправомерным выделение ранее ею аланского предкавказского варианта салтово-маяцкой культуры, так как «аланская культура в период, когда Алания входила в состав Хазарского каганата (VIII-начало X века), влилась в общую государственную культуру и очень сильно повлияла на общий облик последней»[104].

---

[101] Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии (II–XIV вв.). – Кишинев, 1971. – С. 176.
[102] Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. – 1990. – № 2. – С. 80.
[103] Там же. – С. 82.
[104] Там же. – С. 88.

Ошибочным было, по мнению С.А. Плетневой, считать, вариантом салтово-маяцкой культуры Балкано-Дунайскую культуру на территории Молдавии и культуру I Болгарского царства в Болгарии, которые, по её мнению, составляют единую культуру Болгарского государства IX-X веков, хотя некоторые сходства с салтово-маяцкой имеются, так как в создании и той, и другой заметное участие принимали болгары (праболгары).[105]

Первая попытка систематизации накопленного материала с четким обособлением выделения характерных признаков вариантов была сделана С.А. Плетневой в совместной монографии с А. З. Винниковым – «На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение». В данном исследовании автор приводит таблицу с корреляцией признаков вариантов, которых на тот момент выделяет уже пять (рис.4), а также дает краткую характеристику распространенности того или иного признака (рис. 5)[106].

Уже в этой работе С.А. Плетнева определяет свой методический подход к выделению признаков, определяя их тремя категориями: преобладание признака, наличие признака, отсутствие признака (рис. 5). Обращает внимание на то, что «преобладание того или иного признака» не означает его «абсолютное господство в варианте».[107]

Наиболее подробное исследование с глубоким анализом каждого из вариантов салтово-маяцкой культуры и признаков для него характерных дано в «Очерках хазарской археологии»[108]. В данном исследовании С. А. Плетнева выделяет пять основных вариантов: 1. Лесостепной донской; 2. Степной донской; 3. Степной приазовский; 4. Крымский; 5. Дагестанский[109](рис.4). Предыдущее выделение в отдельные варианты синхронных культур Дунайской и Волжской Болгарии, Северо-Кавказской Алании, как

[105] Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии. – С. 88.
[106] Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – С. 18-43.
[107] Там же. – С. 21.
[108] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – 248 с.
[109] Там же. – С. 12.

отмечалось выше, несмотря на очевидность близости из-за тесных культурных и политических связей с Хазарией, С. А. Плетнева считает не совсем правомерным. Помимо этого, С. А. Плетнева вносит корректировки в целесообразность выделения «нижневолжского» варианта из-за недостаточности археологических данных[110].

В «Очерках хазарской археологии», учитывая накопленные более чем за полвека данные о каждом из вариантов, С.А. Плетнева выделяет особенности, типичные для каждого варианта, а также черты сходства, свидетельствующие об общности этих вариантов, позволяющие говорить о единстве культуры. Автор выделяет ряд признаков, коррелирующихся с каждым из вариантов. При этом, как и в предыдущей работе, С. А. Плетнева обращает внимание на то, что выделенные признаки не являются господствующими в варианте, а лишь преобладающими, наиболее типичными, что не всегда выражается в количественном отношении. Помимо этого, из-за неравномерной изученности всех вариантов, С. А. Плетнева отмечает невозможность определения количественного соотношения признаков внутри вариантов и тем более при сравнении их между собой, по крайней мере, на данном этапе изучения[111].

С.А. Плетнева выделяет **пять** основных групп признаков[112] (рис. 5). Первая группа признаков касается особенностей строительства городищ. Так, автор прослеживает пять основных архитектурных традиций: 1. Наличие белокаменных стен; 2. Наличие сырцовых стен; 3. Наличие сырцово-каменных и каменных стен; 4. Наличие земляных (глиняных) стен; 5. Бесфундаментность стен.

Традиция сооружения белокаменных стен получила широкое распространение в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры. Причем, наибольшую концентрацию крепостей подобного рода

[110] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 12.
[111] Там же. – С. 13, Табл. 1.
[112] Там же.

С. А. Плетнева наблюдает в пограничных землях Хазарского каганата вдоль реки Тихой Сосны и выделяет этот «протуберанец» как наиболее яркую, определяющую черту лесостепного варианта[113]. Но, при этом, традицию сооружения белокаменных городищ С. А. Плетнева фиксирует и в степном варианте салтово-маяцкой культуры (Правобережное Цимлянское городище).

Что касается городищ с сырцовыми стенами, данная традиция прослежена С. А. Плетневой сразу в трех вариантах (лесостепной донской, степной донской и степной приазовский), но при этом фиксируется лишь наличие данного признака в вариантах, а не преобладание его.

Традиция сооружения сырцово-каменных и каменных стен практически не встречается в первых трех вариантах, но является преобладающим признаком крымского и дагестанского вариантов. Данную традицию автору удалось проследить в Керчи[114], в Мангупе (часть крепостных стен была поставлена именно в хазарское время)[115], а также в Кавказских предгорьях: Чирюртовское[116] и Андрейаульское городища[117]. Такое широкое распространение сырцово-каменных и каменных стен С. А. Плетнева связывает с большим количеством данного материала в горных районах, а также в Крыму[118].

Строительство городищ с земляными (глиняными) стенами получило наибольшее распространение в степном донском варианте салтово-маяцкой культуры. Также подобный вид сооружений был встречен и в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры (Ютановское, Афоньевское и др. городища).

Общим признаком, являющимся преобладающим для всех вариантов салтово-маяцкой культуры, С. А. Плетнева выделяет бесфундаментную

[113] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 61.
[114] Там же. – С. 13.
[115] Там же. – С. 160
[116] Там же. – С. 180.
[117] Там же. – С. 185
[118] Там же. – С. 14.

кладку стен. Несмотря на то, что данный строительный антисейсмический прием был необходим для горных и предгорных районов (Крым, Дагестан), автору удалось проследить распространение данной традиции и на остальных трех вариантах[119].

В качестве второй группы признаков С. А. Плетнева выделяет характер поселений: стационарные, «кочевья» и «обитаемые полосы»[120]. В качестве общего признака для всех пяти вариантов, С.А. Плетнева выделяет стационарные неукрепленные поселения, основным типом жилищ на которых были полуземлянки с очагами, расположенными преимущественно в центре пола. Остальные признаки, касающиеся поселений и жилищ, по наблюдениям С. А. Плетневой, в одних вариантах были определяющими, в других попадались изредка или отсутствовали. С. А. Плетнева отмечает, что, несмотря на слабую изученность приазовских поселений, хорошо прослеживается сходство этого варианта с Донским степным, хотя в отличие от последнего для Приазовья характерны жилища на каменных цоколях, что имеет широкие аналогии в крымском варианте[121].

Третья группа признаков — это виды жилища. Всего С.А. Плетнева выделяет пять видов: 1. Полуземлянки с очагами; 2. Полуземлянки с печами; 3. Жилища на каменных цоколях с каменными стенами; 4. Юртообразные жилища-полуземлянки; 5. Юртообразные жилища. Как уже отмечалось выше, преобладающим признаком для всех без исключения вариантов являлись жилища первого типа – полуземлянки с очагами. В более «северных» вариантах она прослеживает традицию сооружения полуземлянок с печами. Так, на Дмитриевском поселении обнаружено несколько построек с типично славянскими печами, что свидетельствует об активных контактах с северными соседями. Жилища на каменных цоколях, с каменными стенами С. А. Плетнева выделяет как преобладающий признак

[119] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 15.
[120] Там же. – С. 13.
[121] Там же. – С. 15.

для степного приазовского и крымского вариантов салтово-маяцкой культуры. В то время как юртообразные жилища (как наземные, так и полуземлянки) являются доминирующим признаком для степного донского варианта. Кроме того, юртообразные жилища-полуземлянки прослежены автором в лесостепном и дагестанском варианте салтово-маяцкой культуры, но широкого распространения они там не получили[122].

Последние две группы признаков С.А. Плетнева выделила на основе исследований погребального обряда. Одна из групп признаков — это антропологическая принадлежность погребенных. На территории распространения салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева выделяет две основные антропологические группы — долихокраны и брахикраны[123]. Наиболее широкое распространение антропологическая группа долихокранов получила в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры, результатом чего послужила наибольшая самобытность лесостепного варианта относительно остальных четырех[124]. Захоронения с подобным антропологическим типом встречаются и в других вариантах салтово-маяцкой культуры (степном донском, крымском и дагестанском), но там данный признак не является доминантным. Вторая антропологическая группа — группа брахикранов является преобладающей в четырех вариантах салтово-маяцой культуры за исключением лесостепного, в котором захоронения брахикранов встречаются, но слишком незначительно, чтобы выделять данный антропологический тип в доминантный признак.

Тип погребального сооружения также достаточно четко коррелируется с локальным вариантом — катакомбные погребения преобладают на лесостепных могильниках, ямные и подбойные — на всех остальных. Кроме того, лесостепной вариант характеризуется наличием некрополей с кремациями (погребения данного вида в небольшом количестве встречены

[122] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С.15.
[123] Там же. – С. 13.
[124] Там же. – С. 24.

еще лишь в донских степях), степной донской и дагестанский – присутствием подкурганных захоронений с ровиками[125].

В качестве дополнительного признака локальных вариантов С. А. Плетнева рассматривает тип кухонной посуды. В лесостепи преобладают сформованные либо подправленные на ручном гончарном круге яйцевидные горшки с примесью шамота или дресвы в тесте, тогда как для остальных вариантов типичны изготовленные на ножном круге шаровидные горшки с примесью речного или морского (степной приазовский вариант) песка[126].

Данная точка зрения подверглась сомнению Г.Е. Афанасьевым. Автор констатировал присутствие значительного количества круговых кухонных горшков с примесью песка в тесте в материалах памятников разных локальных вариантов. Это позволило поставить под сомнение этномаркирующие свойства данной категории находок. Анализ керамического материала северокавказских памятников V-VII вв. позволили Г.Е. Афанасьеву предположить аланские корни традиции изготовления круговых кухонных горшков, изготовленных из глины с примесью песка, при этом на территории Хазарии данная традиция распространилась в самых разных этнических группах[127].

В 2001 году в «Российской археологии» была опубликована статья Г.Е. Афанасьева, в которой он подверг критике саму идею выделения вариантов салтово-маяцкой культуры и шаги, предпринятые в этом направлении С.А. Плетневой.[128]

В первых строках статьи автор подчеркивает значительную роль археологии в решении хазарских проблем. Затем дает краткий

[125]Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 13.
[126] Там же. – С. 17.
[127] Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? //РА. – 2013. – №3. – С. 23.
[128] Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства //РА. – 2001. – №2. – С. 43-55.

историографический очерк о введении в научный оборот понятия «салтовская археологическая культура», рассматривая вклад в его формирование Ю.В. Готье, М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина и С.А. Плетневой, которая в рамках салтовской (салтово-маяцкой) культуры, развивая и углубляя взгляды на эти проблемы М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина, по существу, на первом этапе своей научной деятельности по изучению древностей Хазарского каганата, выделила ряд вариантов данной культуры без достаточной аргументации, как считает Г.Е. Афанасьев, в силу чего, по его мнению, и произошла «смысловая трансформация этого научного термина»[129] - салтово-маяцкая археологическая культура и отсутствие общего первоначального содержания. Некоторые упреки в адрес С.А. Плетневой по данному вопросу по поводу её гипотез, изложенных в «От кочевий к городам», со стороны Г.Е. Афанасьева, высказанные спустя почти 34 года после выхода книги, вполне справедливы. Но и сама С.А. Плетнева это достаточно быстро поняла и уже в 1981 году[130] она несколько пересмотрела свои взгляды по данному вопросу и в обобщающей работе о салтово-маяцкой культуре изложены более реалистичные представления о салтово-маяцкой культуре и её вариантах. К сожалению, сам характер издания не предусматривал развернутой авторской позиции и аргументации взглядов не только по этому вопросу, но и по многим другим. Нами уже обращалось внимание на это обстоятельство еще в первой главе. И упреки Г.Е. Афанасьева в данном случае не справедливы, ибо в статье «Хазарские проблемы в археологии», вышедшей в 1990 году, С.А. Плетневой уже дан ответ о причинах переоценки её взглядов на салтово-маяцкую культуру[131], о чем говорилось выше. Выделенные С.А. Плетневой основные признаки,

[129]Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства. – С. 44.
[130] Плетнева С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X веках. – С. 62-75.
[131] Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. – 1990. – №2. – С. 77-91.

которые объединяют, с одной стороны, варианты салтово-маяцкой культуры, а с другой, определяют специфику каждого варианта, также подвергнуты критике со стороны Г.Е. Афанасьева. Беря каждый в отдельности признак из предложенных 19, Г.Е. Афанасьев пишет: «…что они выделяются на протяжении нескольких тысячелетий по всей Евразии – от Испании до Китая. Они есть и в Африке, они есть и в Центральной Америке».[132] Исходя из такого методического подхода, предусмотренного рассмотрением каждого признака любой археологической культуры в отдельности, ни одна археологическая культура, ни одна историческая эпоха не может быть выделена. Речь идет о комплексе признаков в их сочетании в той или иной степени и форме – вот что предлагает С.А. Плетнева и нельзя выдергивать, и рассматривать каждый в отдельности. Кроме 19 ведущих признаков, она предлагает еще ряд специфических особенностей того или иного варианта – «признаков второго порядка»,[133] среди которых керамический материал, который также имеет определенную специфику в предложенных С.А. Плетневой вариантах, конструкции сыродутных горнов и многое другое.

Рассматривая варианты салтово-маяцкой культуры, предложенные С.А. Плетневой, необходимо иметь ввиду, что она никогда не отождествляла салтово-маяцкую культуру с культурой собственно хазар, даже когда писала о салтово-маяцкой культуре как культуре государственной. Речь шла об этносах, входивших в состав каганата, объединенных и проживающих в одном государстве на протяжении длительного исторического периода. И естественно, что у них под влиянием и внутренних интеграционных процессов, и внешнеполитических факторов, сформировались определенные общие элементы культуры при сохранении каких-то принципиально важных, этнических, специфических черт, связанных с физико-географическими условиями и традиционными этнографическими особенностями.

[132] Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства. – С. 45.
[133] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С.16.

Г.Е. Афанасьев, обращает внимание на открытие еще в 70-х годах XX века памятников в Волго-Донском междуречье, которые связываются многими (но не всеми) специалистами с древностями собственно хазар. Г.Е. Афанасьев пишет, что: «Рекомендации М.И. Артамонова искать хазарскую культуру, отличную от салтовской культуры, приносят в настоящее время свои положительные результаты».[134] Но, во-первых, С.А. Плетнева еще в статье 1990 года достаточно высоко оценила эти открытия для изучения Хазарского каганата, сравнив их по значимости с работами Волго-Донской экспедиции и включила их в один из степных вариантов салтово-маяцкой культуры. И во-вторых, один из основных исследователей этих курганных древностей А.А. Иванов отмечает, что в комплексах в курганах с ровиками, датируемых серединой VIII – началом IX века, появляются вещи «классического» салтовского облика. Это можно рассматривать как свидетельство взаимодействия между носителями культуры курганов квадратных ровиков и другими группами населения каганата. Очевидно к этому времени внутри Хазарского каганата создались условия для подобных процессов.[135]

А.А. Иванов пишет о том, что анализируемая им группа памятников находилась в кругу салтово-маяцкой культуры, хотя естественно не тождественна ей полностью в строгом понимании этого термина.

Выделенные С.А. Плетневой варианты салтово-маяцкой культуры на данный момент отражают степень изученности в целом культуры. С.А. Плетнева, со времени своей первой попытки выделения вариантов культуры (1967 год) никогда не считала этот вопрос окончательно решенным. До выхода последней книги «Очерки хазарской археологии» (1999 год), он

---

[134] Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства. – С. 53.

[135] Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII-первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дисс. на соиск… к. и. н. – Волгоград, 1999. – С. 23.

достаточно существенно видоизменился. Эта эволюция диктовалась археологическим материалом, который за последние десятилетия существенно увеличился в разных предложенных ею вариантах. Причем практически во всех работах С.А. Плетнева подчеркивала, что дальнейшее изучение уже известных памятников, открытие новых и, главное, публикация материалов раскопок, дадут новый импульс в изучении древностей Хазарского каганата, «это явление перманентное».[136]

2.3. Вопрос о выделении археологических памятников этнических хазар.

Одной из острых и практически нерешенных и на сегодняшний день проблем хазарской археологии является определение собственно хазарских древностей, то есть поселений и погребальных комплексов титульного этноса Хазарского каганата.

Впервые этот вопрос был поднят в связи с оценкой результатов исследования Верхне-салтовского могильника на XII Археологическом съезде, проходившем в Харькове в 1902 году, по докладу А.М. Покровского о раскопках данного могильника, когда развернулась дискуссия о его этнической принадлежности.[137] Д.И. Багалей, Д.Я. Самоквасов высказали предположение, что данный могильник и близкие ему по погребальному обряду и вещевому материалу северокавказские могильники оставлены хазарами.[138] Эта точка зрения Д.И. Багалея нашла отражение в его монографии, посвященной истории России, вышедшей в 1909 году,[139] а взгляды Д.Я. Самоквасова на данную проблему в исследовании «Могилы русской земли».[140]

---

[136] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С.16.

[137] Покровский А. М. Верхне-Салтовскій Могильникъ // Труды XII археологического съезда въ Харькове в 1902 г. – М., 1905. – Т. 1. – С. 465-491.

[138] Багалей Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии //Труды XII Археологического съезда въ Харькове в 1902 году. – М., 1905. – Т. 1. – С. 1-92.

[139] Багалей Д.И. Русская история. – Харьков, 1909. – Ч. 1. – С. 96.

[140] Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. – М., 1908. – С. 232-234.

Несколько позже к хазарской интерпретации Верхне-салтовского могильника присоединился и один из основных дореволюционных исследователей этого памятника – В.А. Бабенко.[141]

Эта точка зрения, не подкрепленная никакими аналитическими материалами, не получила дальнейшего развития и сейчас выглядит лишь историографическим эпизодом. Но при этом И.И. Ляпушкин, рассматривая взгляды М.И. Артамонова на этнические компоненты салтово-маяцкой культуры, утверждавшего в работе 1940 года ее болгаро-хазарскую принадлежность,[142] заметил, что эти взгляды являются одним из вариантов «хазарской точки зрения».[143]

Замечание, высказанное И.И. Ляпушкиным в адрес М.И. Артамонова, справедливо лишь отчасти, ибо в обобщающей статье о результатах раскопок Саркела-Белой Вежи, помещенной в том же томе Волго-Донской экспедиции, что и статья И.И. Ляпушкина, М.И. Артамонов пишет в связи с заселенностью различными этносами Саркела: «К сожалению, бесспорные памятники собственно хазарской культуры неизвестны».[144] Эту же мысль он повторяет и в своем фундаментальном исследовании «История хазар».[145] В то же время он рассматривает с точки зрения возможности принадлежности хазарам ряд памятников, исследованных К.Ф. Смирновым в Северном Дагестане.[146] Но окончательно этот вопрос М.И. Артамоновым не был решен из-за отсутствия источников, не позволивших это сделать.

В 60-80-е годы XX века в Приморском Дагестане и на территории Нижней Волги проводится ряд исследований, целью которых являлись поиск

---

[141] Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на юге России //Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911. – М., 1914. – С. 435-445.
[142] Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии – С. 161–163.
[143] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 138.
[144] Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. – С. 36.
[145] Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – С. 309.
[146] Там же. – С. 309-312.

памятников, а также выявление и вычленение признаков собственно хазарской культуры.

В начале 60-ых годов Л. Н. Гумилев проводит ряд разведок и небольшие раскопки могильников в дельте Волги. В результате исследований были выявлены погребения VII-IX веков, которые причислены Л. Н. Гумилевым к различным конкретным этносам в том числе и к хазарам[147].

М.И. Артамонов в предисловии к книге Л.Н. Гумилева пишет: «Мы не знаем точно, кто такие были хазары, откуда они появились, какой образ жизни вели и даже где они жили».[148] И он определил данную книгу, содержащую в себе «увлекательные истории научных открытий», как своеобразный детектив, построенный на археологическом материале.[149]

Но тем не менее, несмотря на некоторое своеобразие жанра книги Л.Н. Гумилева, она вызвала отклики в научной литературе.

По мнению С.А. Плетневой столь категоричные выводы преждевременны, так как данных для датировки этих погребений очень мало, но даже в тех случаях, когда в погребении встречены вещи, С. А. Плетнева отмечает, что Л. Н. Гумилевым они датируются «произвольно». По мнению автора, погребения, которые Л. Н. Гумилев идентифицирует как хазарские относятся к рядовым праболгарским захоронениям – покойники в них уложены головами на запад или на север, почти без вещей, только с одним-двумя сосудами и остатками поминальной пищи (кости барана) в головах. Также С. А. Плетнева датирует эти погребения более поздним временем, нежели Л.Н. Гумилев. И С.А. Плетнева делает вывод, что изыскания Л.Н. Гумилева в Нижнем Поволжье «ничего не прибавили для исследования

[147] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). – М., 1966. – С. 130-159.
[148] Артамонов М. И. Предисловие //Л.Н. Гумилёв. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). – С. 3.
[149]Там же. С. 7.

проблемы заселения этих мест хазарами».[150] Примерно такую же оценку результатам работы Л.И. Гумилева несколько позже дал Г.Е. Афанасьев.[151]

Попытка выделить памятники хазарской культуры в Приморском Дагестане была предпринята М.Г. Магомедовым. В результате исследований в междуречье Терека и Сулака был выявлен ряд городищ, которые связывались им с хазарскими городами Семендером и Беленжером.[152] Эту же мысль М.Г. Магомедов развивает более обстоятельно в монографии «Образование Хазарского каганата».[153]

Помимо городищ в данном регионе были исследованы несколько могильников хазарского времени. Прежде всего, речь здесь идет о подкурганных катакомбах Чир-Юртовского могильника, которые М. Г. Магомедов также отнес к хазарским[154].

С.А. Плетнева с одной стороны отметила высокий уровень исследований М.Г. Магомедова, но с другой подчеркнула, что «не все выводы автора подкреплены достаточным количеством археологических данных» и какие-то положения «преждевременны и излишне категоричны». Особенно интересны, по ее мнению, катакомбные погребения у Чир-юрта, но как считает С.А. Плетнева, вопреки утверждению М.Г. Магомедова, об их хазарской принадлежности и датировке VII веком, вопрос об этносе населения, оставившего этот памятник, остался все-таки открытым.[155]

---

[150] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 194-195.

[151] Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-ассии (о противоречии данных археологии и письменных источников) //Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийских цивилизаций» I международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (тезисы). – Казань, 2009. – С. 8.

[152] Магомедов М.Г. Древнейшие политические центры Хазарии //СА. – 1975. – № 3. – С. 63-74.

[153] Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. – М., 1983. – С. 46-60.

[154]Там же. – С. 78.

[155] Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии. – С. 87-88.

Позже, в обобщающем труде 1999 года “Очерки хазарской археологии” С. А. Плетнева выделяет ряд признаков, по которым некоторые найденные погребения Чир-юртовского могильника можно отнести к хазарским. Прежде всего, эти курганы характеризовались богатыми, одиночными захоронениями и рядом специфических деталей обряда, отличающих их от аланских погребений и принадлежали они знатным воинам. Помимо этого, в погребениях были обнаружены византийские солиды VII века, используемые в качестве подвесок: самый ранний – Маврикия Тиберия (582–607), самые поздние – Ираклия и его сына Константина (603–641). Все это позволило продатировать могильник второй половиной VII – первой половиной VIII веков. С одной стороны, С.А. Плетнева говорит о том, что хазарское происхождение данных погребений может быть лишь одной из гипотез, но вместе с тем она отмечает, что эти погребения «принадлежавшие наиболее богатой знати… действительно могли быть хазарскими».[156]

Говоря о проблеме поиска хазарских древностей нельзя обойти и вопрос о месте нахождения столицы Хазарии – Итиля. Еще в книге «От кочевий к городам» С.А. Плетнева, анализируя письменные свидетельства об Итиле, отметила, что развалины этого города, находившегося в дельте Волги, «видимо были размыты и засыпаны песком».[157]

Попытки поиска Итиля предпринимались неоднократно. История этого вопроса достаточно подробно изложена В.С. Флеровым и нет смысла ее повторять.[158] Из всех возможных локализаций Итиля и связи его с каким-то

[156] Плетнева С.А. Очерки Хазарской археологии. – С. 183-184.
[157] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 46.
[158] Флеров В.С. Итиль: Что может ждать археологов на месте столицы Хазарского каганата //Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника Дивногорье. – Воронеж, 2009. – Вып. 1. – С. 123-142; Он же. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., 2010. – С. 83-116.

археологическим памятником на данном этапе исследования больше всего шансов имеет, конечно, городище Самосделка.[159]

С.А. Плетнева в «Очерках хазарской археологии» (1999 год), оценивая перспективы поиска Итиля на месте городища Самосделка писала, что «если допустить возможность наличия на нем слоя IX века, то не исключено, что это большое поселение было сначала Итилем, а затем… половецким торговым городом Саксином». Но тут же она замечает, что Итиль пока не обнаружен.[160]

Определенные сомнения в вопросе идентификации городища Самосделки с остатками Итиля высказал и В.С. Флеров, считая все же, что данный памятник представляет большой научный интерес.[161]

Одним из открытий, привлекших внимание исследователей с точки зрения поиска хазарских древностей являются выявленные еще в конце 60-ых-начале 70-ых годов XX века кочевнические погребения, совершенные в курганах с квадратными ровиками. Территория распространения этих комплексов – Нижний Дон и Волго-Донское междуречье.[162] Но эти памятники не получили однозначной оценки в литературе.

Наиболее распространенная версия, частично поддержанная впоследствии и С. А. Плетневой, была выдвинута А. И. Семеновым. Суть версии заключалась в том, что погребальный обряд курганов с квадратными ровиками нижнедонских и волго-донских степей имеет параллели среди

---

[159] Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. О вероятности локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги //Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Том II. – С. 224-226.

[160] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 194.

[161] Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – С. 113-114.

[162] Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО. – 1972. – С. 133–134; Федоров-Давыдов Г. А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984. – С. 80–94; Мошкова М.Г., Максименков В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году //Археологические памятники Нижнего Подонья. – М., 1974. – Ч II. – С. 45-48.

кочевнических памятников Центральной Азии. А.И. Семенов отмечает, что планировка и назначение ровиков в курганах Подонья, аналогичны тюркским поминальным оградкам. Это, а также довольно точная хронологическая привязка, сделанная благодаря значительной серии нумизматических материалов, позволили выдвинуть предположение о принадлежности таких памятников собственно хазарам.[163] Данная точка зрения впоследствии стала наиболее распространенной.

Другая точка зрения относительно этнической интерпретации данных памятников была выдвинута Г. А. Федоровым-Давыдовым, который атрибутировал данные захоронения как печенежские, оставленные печенегами, которые проникали на территории Хазарского каганата еще до его разгрома. Но данная точка зрения не получила поддержки и широкого распространения у других исследователей.[164]

Как было сказано выше, С. А. Плетнева поддерживала точку зрения А. И. Семенова, но весьма аккуратно. В работе 1981 года С. А. Плетнева выделяет данный вид захоронений в отдельный тип погребений салтово-маяцкой культуры, так называемые, «подкурганные ямные».[165] Но, если аланский и болгарский компоненты в салтово-маяцкой культуре не вызывают у исследователя сомнений, то о хазарском компоненте она пишет так: «хазары еще только намечаются (подкурганные погребения?)».[166]

В статье «Хазарские проблемы в археологии», вышедшей в 1990 году, С.А. Плетнева достаточно высоко оценила значимость открытия данных курганов. Она отмечала, что среди этих погребений довольно много богатых, из-за чего большая часть их оказались разрушенными и разграбленными.

---

[163] Семенов А. И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. II сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. – Л., 1978. – С. 180-183.

[164] Федоров-Давыдов Г. А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая лука» в Нижнем Поволжье. – С. 80-94.

[165] Плетнева С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X веках // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.,1981. – С. 71.

[166] Плетнева С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X веках. – С. 75.

Интерпретация этих захоронений, отмечает С.А. Плетнева «не вызывает споров - обыкновенно их связывают с тюркскими, а некоторые исследователи уже уверено и с хазарами». И тут же она подчеркивает, что до исследования этих погребений «археологи не могли назвать ни одного признака массовой собственно хазарской культуры». Теперь, по представлению С.А. Плетневой, открываются новые возможности для ее изучения. По мнению С.А. Плетневой, это «наиболее кочевая часть населения» Хазарии и отсюда – «разбросанность курганов по степям» и эта часть «явно богаче остальных жителей каганата и, можно предположить, что находилась на более высокой иерархической ступени общества…».[167]

Несколько эмоциональная оценка курганов с ровиками, как памятников собственно хазарской культуры в «Очерках хазарской археологии» выглядит более спокойной и не столь категоричной.[168]

Обобщив практически весь доступный по публикациям материал о курганах с ровиками разной формы и конструкции, она отметила, что делать какие-либо окончательные выводы об их этнической принадлежности и социальной характеристике «вряд ли сейчас корректно». Нужны дальнейшие исследования и полные публикации материалов раскопок.[169]

В тезисах 1998 года Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова С. А. Плетнева также поднимает вопрос о собственно хазарских погребальных памятниках, но, фактически, ответа на него не дает: «Антропологически погребенные в «курганах с ровиками» люди, судя по нескольким определениям, почти идентичны болгарским, но погребальный обряд много сложнее – его традиции уходят вглубь тюркоязычного мира Евразии»[170]. Но далее, автор

[167] Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии. – С. 81.
[168] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 121-131, 196-201.
[169] Там же. – С. 200.
[170] Плетнева С. А. Проблемы хазарской археологии и Саркел — Белая Вежа // Скифы, хазары, славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова. – СПб., 1998. – С. 95.

отмечает, что: «как бы там ни было, но основной ареал этих курганов совпадает с определяемой по письменным источникам территорией собственно хазар»[171]. Таким образом, С. А. Плетнева не дает точной этнической интерпретации населения, оставившего «курганы с ровиками» помимо его тюркоязычного характера, но факта того, что скорее всего, это могли быть хазары, не отрицает.

На Втором Международном коллоквиуме «Хазары» в 2002 году С. А. Плетнева снова поднимает вопрос об этнической интерпретации подкурганных погребений «с ровиками» и предлагает считать их хазарскими только в качестве одной из рабочих гипотез, так как, во-первых, подобных курганов обнаружено немного, во-вторых, из-за плохой сохранности черепов в этих погребениях невозможно проследить монголоидную примесь погребенных, характерную для хазарского этноса[172].

В 2000 году А.А. Ивановым предпринята попытка проанализировать весь накопленный к тому времени материал по подкурганным погребениям с ровиками второй половины VIII – первой половины IX веков на территории Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Подготовленная им кандидатская диссертация ставила задачей не только обобщить весь имеющийся материал, но и предложить их этническую атрибуцию. А.А. Иванов в итоге сделал два очень важных вывода. Во-первых, эти памятники следует связывать с хазарскими. Во-вторых, исходя из инвентаря погребений, их следует рассматривать в круге памятников салтово-маяцкой культуры.[173]

Интересные суждения по поводу этнической атрибуции раннесредневековых подкурганных захоронений были высказаны В.Е. Флеровой. Она предположила, что связать курганы с ровиками с

---

[171] Плетнева С. А. Проблемы хазарской археологии и Саркел — Белая Вежа. – С. 95.

[172] Плетнева С. А. Хазары и хазарский каганат // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 83.

[173] Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII-первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, Автореф. дисс. на соиск. к. и. н. – Волгоград, 1999. – 24 с.

конкретными этническими образованиями достаточно сложно, ибо, по ее мнению, объединенные общим этнонимом группы часто имеют этнические разные составляющие, которые в результате нивелировки приобретают похожую погребальную обрядность.[174]

Но в то же время В.Е. Флерова предлагает рассматривать данную группу памятников как позднесарматское наследие в Восточноевропейских степях в эпоху раннего средневековья.[175]

Подводя некоторые итоги об этнической интерпретации подкурганных погребений с ровиками, необходимо отметить, что этот вопрос на данный момент не имеет окончательного решения и можно согласиться с В.С. Флеровым, что «дискуссия о подкурганных погребениях продолжится».[176]

Также необходимо отметить, что данная проблема хазарской археологии по-прежнему находится на зачаточном уровне изучения, большая часть материалов не введена в научный оборот и до сих пор остается малодоступной для исследователей.

Следует отметить взвешенную позицию С.А. Плетневой в вопросе определения археологических памятников этнических хазар до момента выявления значительной группы памятников географическое расположение, погребальный обряд и хронология которых не противоречили хазарской атрибуции, С.А. Плетнева твердо и окончательно не соотносила какую-либо группу археологических объектов с этническими хазарами.

Дальнейшие перспективы изучения собственно хазарских древностей связываются ею с исследованиями средневековых памятников Калмыкии.

---

[174] Флерова В.Е. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – Донецк, 2001. – Том 2. – С.175

[175] Там же. – С. 184.

[176] Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – С. 118.

С.А. Плетнева считала весьма вероятным обнаружение на этой территории не только курганов с ровиками, но и собственно каганских захоронений.[177]

2.4. Хронология памятников салтово-маяцкой культуры.

Хронологические рамки салтово-маяцкой культуры (середина VIII – начало X веков) были установлены еще в начале XX века. На XII археологическом съезде в Харькове А. М. Покровский датировал наиболее исследованный на тот момент Верхне-Салтовский могильник VIII – X веками на основе находок монет в погребениях. В этом же докладе А. М. Покровский выделил период наиболее активного функционирования Верхне-Салтовского могильника – VIII-IX века[178]. Данная датировка в последующем была принята большинством исследователей[179]. Уже в 1958 году в своей работе «Памятники Салтово-маяцкой культуры» И. И. Ляпушкин писал, что материалы последующих раскопок подтвердили датировку А. М. Покровского, так как монет более позднего времени, чем X век, ни на поселениях, ни в могильниках найдено не было. Кроме того, И.И. Ляпушкин говорил о том, что датировка, предложенная А.М. Покровским, нашла подтверждение в массовом керамическом материале поселений и могильников, в частности в амфорах, а также находками салтово-маяцкого керамического комплекса в составе материалов славянских поселений VIII–X веков[180].

Наиболее развернутое обоснование на основе находок монет дал Н. Я. Мерперт в 1949 году[181]. Исследователь обратил внимание, что большинство монет чеканено во второй половине VIII – начале IX веков.

---

[177] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 205.

[178] Покровский А. М. Верхне-Салтовскій Могильникъ. – С. 475.

[179] Спицын А. А. Историко-археологическія разыскания. – С. 72;
Федоровский А. С. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII–X вв. // Вестник Харьковского историко-фиологического общества. – Харьков, 1913. – Вып. 3. – С. 35-47; Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии – С. 164; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. – Л., 1940. – С. 38–39.

[180] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 85-150.

[181] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (салтовская культура). – 416с.

Более ранние же монеты, встречаются, в большинстве случаев, в одних комплексах с поздними[182]. Сравнив инвентарь датированных по нумизматическим данным катакомб с материалами остальных погребений могильника, Н. Я. Мерперт пришел к выводу об их сходстве. Кроме того, сопоставление вещевого набора салтовских катакомб с инвентарем кавказских некрополей показало, что вещи, аналогичные происходящим из погребений верховий Северского Донца, в материалах Кавказа входят в комплексы, резко отличающиеся как от более ранних, так и от позднейших. Все это позволило Н. Я. Мерперту датировать расцвет верхне-салтовского поселения концом VIII — первой половиной IX века. Возможность существования могильника позже указанного промежутка автор не исключает, но говорит о том, что упадок его несомненен[183]. Таким образом, городище у Верхнего Салтова датируется Н. Я. Мерпертом серединой — второй половиной IX века[184].

Все вопросы хронологии непосредственно внутри салтово-маяцкой культуры, затрагивались в незначительной мере. Первой работой, в которой подробно рассматривается тема внутренней хронологии салтово-маяцкой культуры, можно считать монографию С.А. Плетневой “От кочевий к городам".[185]

По мнению С. А. Плетневой, основными проблемами стали, прежде всего, сравнительно короткий срок существования культуры, а также – отсутствие узко датируемых внешних аналогий, так как все родственные салтово-маяцкой культуры и на Западе (в Болгарии и Венгрии), и на Востоке (в Сибири) претерпели в VIII веке одинаковые изменения и датируются исследователями также суммарно — VIII-IX веками.

[182] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (салтовская культура). - С. 313.
[183] Там же. - С. 320.
[184] Там же. - С. 402.
[185] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. - 198с.

Таким образом, основным источником для хронологических построений С. А. Плетневой послужили материалы, найденные на памятниках салтово-маяцкой культуры. В основу хронологии была положена классификация категорий вещей, которые разделялись на наиболее ярко выраженные типы и виды. К этим категориям С. А. Плетнева относит бусы, серьги, перстни, копоушки и топоры. Главным памятником, на основе материалов которого проводились логические построения, стал могильник Дмитриевского комплекса, как наиболее хорошо изученный, полностью задокументированный и насыщенный вещами. На момент написания книги в Дмитриевском комплексе было исследовано 59 катакомб, из которых лишь материалы 33 катакомб могли быть привлечены для изучения хронологии памятника. В качестве основного метода была выбрана корреляция этих предметов[186].

Для систематизации и последующей корреляции бус была использована типология, разработанная В. Б. Ковалевской (Деопик)[187], где ею было выделено пять основных групп бус: одноцветные; с металлической прокладкой; глазчатые; полосатые; мозаичные. Каждая группа также делилась на отделы, типы и подтипы[188]. Опираясь да данную типологическую схему, С. А. Плетневой было проанализировано 780 бусин и более 800 бисерин, в результате чего было выделено 39 видов бус, «входящих, за редким исключением, в типологию В. Б. Ковалевской»[189]. Далее, бусы всех 39 видов были подвергнуты взаимной корреляции, в результате которой было получено 289 сочетаний катакомб, в которые входили, в среднем, от 2 до 15 катакомб. На основе этих сочетаний было выделено три основные группы катакомб (рис.6). При детальном их рассмотрении выяснилось, что две

[186]Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 135.
[187] Ковалевская (Деопик) В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-Vвв.//СА. – 1959. – №3. – С.48-63; Ковалевская (Деопик) В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IXвв. – СА. – 1961. – №3. – С. 200-232.
[188] Ковалевская (Деопик) В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV-Vвв. – С.48
[189] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 136.

группы из трех практически не коррелируются друг с другом, третья же связана и с первой, и со второй группами, таким образом, выступая в качестве промежуточного звена[190].

Для доказательства правомерности выделения трех групп связей, С. А. Плетнева привлекает к анализу другие категории вещей, Так, серьги были разделены на два отдела — литые и составные (рис.7). Отделы, в свою очередь, также делились на типы. Первый отдел включал два типа: 1 - с подвеской-выступом в виде трех шариков; 2 - с удлиненной литой подвеской с шишечкой на конце. Второй отдел также включал в себя два типа: 1 - с длинной подвеской в виде граненой трубочки, надетой на стерженек, и с бусинкой на конце; 2 - с подвеской в виде нанизанных на стерженек бусинок.

Перстни были разделены С. А. Плетневой на пять типов (рис.7): 1 - со стеклянной или бронзовой жуковиной, закрепленной крестообразно расположенными лапками; 2 - с металлической жуковиной, обрамленной ложной зернью (подражание перстням первого типа); 3 - со стеклянной круглой жуковиной, вставленной в отверстие, отлитое в теле перстня; 4 - с металлическим припаянным орнаментированным щитком; 5 - с небольшим отлитым или расплющенным расширением (щитком) на внешней стороне.

Копоушки С. А. Плетнева разделила на два отдела (рис.7) – коромыслообразные и с орнаментированной ручкой.

Последняя категория вещей – топоры, также была разделена С.А.Плетневой на два отдела (рис.7). В первый отдел входили топоры с молоткообразным вытянутым обушком, представленные двумя типами: 1 - с треугольным лезвием; 2 - с лезвием, имеющим выделенную бородку – выемку. Во второй отдел входили топоры с плоским обушком, которые также разделялись на два вида – 1. с треугольным лезвием; 2. с лезвием, имеющим выемку. Всего было проанализировано 20 топоров[191].

[190] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 136.
[191] Там же. – С. 137.

Далее С.А. Плетнева отмечает, что рассмотренные вещи найдены почти в каждой богатой катакомбе могильника, а основные категории вещей, по её мнению, «для решения поставленных задач не представляют интереса, так как они или однотипны, или выделяются очень резко».[192]

Корреляция всех вышеописанных предметов, в целом, подтвердила правомерность выделения С. А. Плетневой трех групп.

С.А. Плетнева обращает внимание, что комплексы вещей, которые характеризуют группы существенно различны (рис. 8).

Таким образом, обозначенная С. А. Плетневой первая группа катакомб, характеризуется единообразием встречаемости боевых топоров с длинным молоткообразным обушком (первый отдел) и коромыслообразных копоушек. Серьги из комплексов первой группы отличаются большим разнообразием: среди них встречаются литые и составные серьги обоих типов. Перстни первой группы в основном относятся к первому типу. Также попадаются перстни четвертого и пятого типов, но скорее в порядке исключения. Перстни второго и третьего типов не обнаружены ни разу.

Помимо этого, С. А. Плетнева характеризует данную группу большим многообразием форм амулетов – железные ботала, амулеты солнечной символики – с всадниками, с соколиными головками, со спиральками-свастиками, коньки, костяные птички, фаланги лисы, пястные косточки и клыки лисы и собаки. А также широким распространением наборов различных подвесок к поясам: колодок для прикрепления амулетов, петель, ворворок.

Вторую и третью, так называемую – промежуточную, группы из-за достаточно большой схожести, С. А. Плетнева рассматривает вместе.

Наиболее типичным видом серег автор называет стерженьковые серьги с граненой подвеской и бусинкой на конце – довольно-таки скромных и стандартных. В целом, С. А. Плетнева отмечает упрощение украшений по

[192] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 137.

сравнению с серьгами и перстнями первой группы. Так, из катакомбных комплексов полностью исчезают перстни первого типа, со стеклянной или бронзовой жуковиной, и широкое распространение получают перстни, с жуковиной, украшенной ложной зернью (второй тип), а также перстни с круглой стеклянной вставкой (третий тип)[193].

Характерного типа копоушек проследить не удалось. Что касается топоров, С.А.Плетнева в качестве наиболее распространенных выделяет топоры второго отдела с длинным плоским обушком.

Относительно амулетов С. А. Плетнева также прослеживает тенденцию к упрощению. Для катакомб второй и третьей групп типичными, по мнению автора, являются кусочки янтаря, различные каменные привески, просверленные грецкие орехи, зубы, когти и пястные косточки лисы и собаки, нет ни фаланг животных, ни фигурок животных, ни характерных символов солнца. Также не найдены поясные подвески, но встречаются фибулы (бронзовые и железные), а также перламутровые и овальные бляхи-пуговицы диаметром 3–6 см.

«Все эти вещи существенно изменяют общий облик комплексов», отмечает С.А. Плетнева[194]. Различия между группами катакомб автор связывает с разными хронологическими периодами совершения погребений, так как этническими различиями это быть не могло из-за схожести погребального обряда, в целом, и одинаковости антропологических данных[195].

Первую группу катакомб С.А. Плетнева выделяет как наиболее раннюю. К такому выводу автор приходит на основе сопоставления вещевого комплекса катакомб первой группы с вещами комплексов погребений с монетами, датированными второй половиной VIII – началом IX веков, обнаруженных в Верхнесалтовском могильнике, в материалах

[193] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 140.
[194] Там же. – С. 150.
[195] Там же. – С. 140.

Правобережного Цимлянского городища, в Саркеле и некоторых других памятниках салтово-маяцкой культуры, где также обнаружены монеты чеканки второй половины VIII – начала IX веков. В материалах Дмитриевского могильника монеты обнаружены не были, но верхнесалтовские комплексы с монетами конца VIII века почти тождественны комплексам первой группы Дмитриевского могильника, отмечает С.А. Плетнева.[196]

С. А. Плетнева также отмечает, что гораздо сложнее оказалось выявить верхнюю хронологическую границу сооружения катакомб первой группы. В качестве аналогий, были привлечены материалы, найденные в Саркеле и в Правобережном Цимлянском городище. Оказалось, что в слое Саркела, датированным первой половиной IX века, были обнаружены три (из пяти) крестообразно-лапчатых перстней, пять (из шести) грубых перстней, являющихся несомненным подражанием лапчатым, а также различные поясные подвески и амулеты, характерные для катакомб первой группы. На Правобережном Цимлянском городище, конечная дата которого – первые десятилетия IX века, были обнаружены литая серьга и серьга со стерженьковой подвеской, унизанной бусинами, что тоже характерно исключительно для комплекса катакомб первой группы[197].

Судя по всем этим находкам и параллелям, первая группа катакомб датируется концом VIII – серединой IX веков, делает вывод С.А. Плетнева.[198]

Для определения хронологических рамок второй и промежуточной групп С. А. Плетнева, прежде всего, установила их место во времени относительно комплексов первой группы. При сравнении ею выделен целый ряд черт некоторой «архаичности» в комплексах первой группы, среди них:

- Наличие литых серег, типичных для второй половины VII – первой половины VIII веков;

[196] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 141-142.
[197] Там же. – С. 142.
[198] Там же.

- Орнамент на обратной стороне зеркал первой группы, напоминающий орнаменты на зеркалах сарматского времени;

- Значительное количество бисера в комплексах первой группы, которое нередко достигает процента, характерного для погребений VI – VII веков (по В.Б. Ковалевской);

- В комплексах первой группы встречаются бусины-лунницы из голубой пасты, которые известны в могильниках VI-VII веков (В.Б. Деопик (Ковалевская));

- В одной из катакомб первой группы обнаружена лунница, украшенная выемчатой эмалью. Такие вещи были широко распространены в древностях Восточной Европы в V–VII веках.

- В салтовских комплексах, одновременных, судя по инвентарю, первой группе дмитриевских, попадаются треугольные "рогатые" пряжки, аналогии которым прослежены в погребениях на Северном Кавказе V-VI веков.

- Форма топоров из комплексов первой группы с длинным молоткообразным обухом также близка к форме более раннего времени[199].

Если в первой группе катакомб С. А. Плетнева достаточно убедительно проследила «отголоски» предшествующих эпох, то во второй и промежуточной группах автор выделяет особенности, которые находят продолжение в последующее время, в частности, в X веке[200].

Здесь, прежде всего, речь идет о перстнях с зернью, которые появляются в катакомбах второй группы и существуют в X веке.

Помимо этого, С. А. Плетнева прослеживает распространение копоушек с ручкой-лопаточкой, получивших широкое распространение уже в X веке.

[199] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 142.
[200] Там же. – С. 143.

С. А. Плетневой удалось проследить тенденцию увеличения диаметра зеркал[201]. Подобная тенденция была замечена В. Б. Ковалевской в хронологический период VII–X веков в материалах северокавказских могильников VII-X веков.

В качестве еще одного весомого доказательства предложенной хронологии С. А. Плетнева приводит данные о взаимостречаемости вещей в разных хронологических группах. Оказалось, что вещи, характерные для первой группы, нередко встречаются в материалах комплексов второй и промежуточной групп, в то время как, вещи последних ни разу не встречены в комплексах первой группы. Единственным логичным объяснением данной тенденции является признание комплексов первой группы более ранними[202].

Вполне можно согласится с С.А. Плетневой, утверждавшей, что украшения и монеты довольно часто передавались по наследству и поэтому более ранние вещи могут встречаться в поздних комплексах, «тогда как вещи из поздних комплексов никогда не попадали в ранние погребения».[203]

Кроме этого, С. А. Плетневой выявлена тенденция упрощения вещей второй и промежуточной групп относительно первой – формы стали более стандартизированными. А также она обратила внимание на то, что во второй группе полностью отсутствуют вещи VI–VII веков, объясняя это тем, что «их отделял не столько большой хронологический период, сколько мощный пласт культуры, развившейся в конце VIII – первой половине IX века»[204].

Наконец, последним аргументом, подтверждающим концепцию автора о хронологическом делении, стала планировка Дмитриевского могильника – «катакомбы второй группы как бы обрамляют с юго-восточного нижнего края катакомбы первой группы».

[201] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 143.
[202] Там же. – С. 140.
[203] Там же. – С. 143.
[204] Там же.

Таким образом, С. А. Плетневой были выделены три хронологические группы. Первая группа датировалась концом VIII – первой половиной IX веков, промежуточная (третья) относится к середине IX века, вторая группа относится ко второй половине IX – первые десятилетия X веков.

При этом автор отмечает, что данная периодизация далека от завершения, это лишь первая попытка разобраться в материале. И дальнейшая работа возможна только после новых широких раскопок погребальных комплексов и поселений с культурным слоем, насыщенным вещами и датируемыми монетами и расширения рассматриваемых категорий датирующих вещей[205].

К вопросу о хронологии салтово-маяцкой культуры после выхода книги «От кочевий к городам» С.А. Плетнева возвращалась только при рассмотрении отдельных памятников, хронология которых укладывалась в обозначенные ею периоды или при рассмотрении отдельных сюжетов, связанных с публикацией материалов, раскапываемых ею памятников.[206]

К проблеме хронологии памятников салтово-маяцкой культуры она возвращается, но в весьма обобщенном виде, в томе «Степи Евразии в эпоху средневековья» (серия Археология СССР). С.А. Плетнева отмечает, что это один из самых сложных вопросов, «неоднократно дискутировавшийся в литературе» со времени открытия памятников этой культуры. Она отмечает при этом, что дата VIII-IX – начало X веков была принята большинством исследователей и, ссылаясь на А.К. Амброза, подчеркивает, что благодаря его исследованиям была выделена более точная дата – середина VIII века. По мнению С.А. Плетневой, жизнь на отдельных поселениях продолжалась до X века, в качестве примера она приводит Саркел, который существовал до 965

[205] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 140.
[206] Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья //Новое в археологии. Сборник статей, посвященных 70-тию А.В. Арциховского. – М., 1972. – С. 108-118; Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник //СА. – 1976. – №3. – С. 279-298.

года, когда был разгромлен Святославом. В целом, по её мнению, салтово-маяцкая культура датируется серединой VIII - первой половиной X века (рис. 9; 10).

В этой работе она еще раз повторила свою попытку разделить эти древности на периоды, то есть подтвердить внутреннюю относительную хронологию культуры, которая ранее была предпринята в работе «От кочевий к городам» и была рассмотрена нами выше. Было выделено 3 периода: 1 – середина VIII – середина IX века; 2 – середина IX века; 3 – вторая половина IX - первая половина X века. Также был высказан прогноз о возможности выделения вещей второй половины X века (рис. 9; 10).[207]

С.А. Плетнева не считает свои хронологические разработки окончательными и незыблемыми. Она подчеркивает, «что любое разделение материала на довольно краткие промежутки времени всегда несколько схематично»[208].

Дальнейшее развитие хронологические изыскания С. А. Плетневой получили в монографии «На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс)»[209].

С.А. Плетнева отмечает, что материалы раскопок Дмитриевского городища и селища не дают возможности устанавливать какие-либо более узкие и конкретные даты, кроме общей хронологии салтово-маяцкой культуры – вторая половина VIII-X век. И безусловно, для решения проблемы хронологизации комплекса необходимо вновь привлекать материалы Дмитриевского могильника, богатого инвентарём. К тому времени здесь С.А. Плетневой было исследовано 152 катакомбы и 52 тризны, 9 ямных погребений почти без инвентаря и 9 трупосожжений, которые

[207] Плетнева С. А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X веках. – С. 148-151.
[208] Там же. – С. 64.
[209] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 69 - 172.

содержали только керамику. Коллекция вещей к тому времени накопилась огромная: 2234 предметов различного назначения, около 4000 бусин и 1500 бисерин, более 400 керамических сосудов.[210]

Прежде чем приступить к анализу вещевых материалов с точки зрения хронологии, С.А. Плетнева подробно и тщательно поделила и проанализировала его по группам: оружие, конская сбруя, орудия и бытовые предметы, амулеты, туалетные принадлежности, предметы одежды, украшения, керамические сосуды. Все предметы были разделены на группы, в каждой группе также выделялись отделы, виды, типы и так далее.[211]

Методика, как подчеркивает С.А. Плетнева осталась такой же, как и в работе «От кочевий к городам». «Это корреляция различных категорий… металлических вещей между собой и с бусами… с последующим построением граф связей между катакомбами»[212].

Итак, методика обработки материалов осталась прежней, но число категорий предметов, использованных в корреляции, увеличилось вдвое. К рассматриваемым ранее бусам, топорам, серьгам, перстням и копоушкам, прибавились браслеты, амулеты, пуговицы, бубенчики, зеркала[213]. Корреляция вещей была проведена в тех катакомбах, в которых похожие вещи встречались два и более раз. В результате данной корреляции, С. А. Плетневой было выделено 35 катакомб (рис.11). Они разделены на три группы. Две из них не были связаны друг с другом, катакомбы третьей (промежуточной) группы сочетались не только друг с другом, но и с катакомбами первой и особенно часто – второй групп[214].

Если в первой и «промежуточной» группах катакомб С. А. Плетнева выделяет довольно-таки тесные, многочисленные связи погребений между

[210]Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 68.
[211] Там же. – С. 69-145.
[212] Там же. – С. 146.
[213] Там же.
[214] Там же.

собой, то вторая группа объединена по формальному признаку – катакомбы, входящие в нее, абсолютно не связаны (по металлическому инвентарю) с катакомбами первой группы. Между собой связей также почти не установлено[215].

При корреляции бус с металлическими предметами в данном исследовании, С. А. Плетнева уже в меньшей степени использует типологию В.Б. Ковалевской, и самостоятельно выделяет три наиболее информативные, отдела бус: 1. глазчатые; 2. полосатые; 3. мозаичные.[216] Выбор этих трех отделов бус С. А. Плетнева объясняет тем, что одноцветные бусы первых десяти типов и бусы с металлической прокладкой попадаются почти во всех погребениях и их корреляция не дает устойчивых и определенных группировок. В результате анализа материала С. А. Плетневой были составлены таблицы (рис.12) основных сочетаний предметов[217]. В итоге, наибольшее число связей дали глазчатые бусы, затем – полосатые и совсем немного – мозаичные[218].

Результаты корреляции подтвердили правомерность выделения автором трех хронологических групп, но разделение подавляющего большинства катакомб могильника на группы возможно, как считает С.А. Плетнева, только после характеристики этих групп[219].

Итак, раннюю (первую) группу С. А. Плетнева характеризует наличием топориков с молотковидным обушком (рис. 13), “солнечных” амулетов (1-го и 2 типов), отличающихся большой тщательностью отливки (рис. 14), специфическими амулетами из костей животных (характерны амулеты из пястных костей лисы и зайца) (рис.15), в то время как, каменные амулеты и амулеты-зеркала отсутствуют.

---

[215] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 149.
[216] Там же.
[217] Там же. – С. 148–153, 156–159.
[218] Там же. – С. 152.
[219] Там же. – С. 155.

Что касается предметов туалета, в первой группе широко представлены коромыслообразные копоушки с выделенной петлей на середине длины (тип 2) (рис.16), зеркала, украшенные концентрическими выпуклыми кругами, не превышающие в диаметре 7,5 см (рис. 17, 18). Также широкое распространение получили зеркала с ячеистым мелким орнаментом (тип 7) (рис.18), зеркала с орнаментом в виде лепестков лотоса (тип 5) (рис.18), зеркала с орнаментом в виде концентрических кругов (тип 1)(рис.17), и зеркала с мелким зигзагом, напоминающим ячейки (тип 2)(рис.17). В качестве доказательства принадлежности к раннему этапу, С.А. Плетнева приводит аналогию позднесарматских и раннесредневековых зеркал, для которых орнамент из концентрических кругов и ячеистый был типичным[220].

Касательно украшений, С. А. Плетнева прослеживает следующую тенденцию - для первой группы характерны серьги (тип 2,3,4) (рис.19) и перстни (тип 1) (рис.20) “с более сложной и красивой конструкцией”. При этом, в более поздних комплексах нередки находки серег, характерных для первой группы, поломанных или со следами починки. Данное обстоятельство связывает с традицией передавать украшения по наследству[221].

В качестве еще одного характерного признака, С.А. Плетнева выделяет две устойчивых традиции для керамики, оставленной в катакомбах и дромосах комплексов первой группы. Это – явное преобладание в катакомбах кружек с петлевидными ручками и наличие в них остроребёрных кувшинов[222].

Помимо вышеперечисленных, С. А. Плетнева выделяет еще несколько менее заметных признаков. Это, прежде всего, тяжелые “приземистые” стремена с крупной прямоугольной петлей и сильно вогнутой без прорезей подножкой, укрепленной двумя жгутами (рис. 21). Также, характерной

[220] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С.157.
[221] Там же. – С. 158.
[222] Там же. – С. 159.

тенденцией является малое количество находок пуговиц и бубенчиков, что объясняется более частым использованием на ранних этапах деревянных пуговиц, которые не сохранились до нашего времени. И наконец, в-третьих, значительно более широкое распространение различных подвесок на пояс и достаточно специфические воинские пояса, которые, в совокупности с другим инвентарем, позволили продатировать ряд погребений.

Весьма существенным хронологическим признаком являются воинские пояса. Для данной группы катакомб характерны пряжки типов 3 и 8, листовидные бляшки с кольцом типа 5, наконечники типа 4,5.[223]

Обозначенные особенности поясов позволили С.А. Плетневой выделить шесть типологически близких к ним наборов (рис. 18).

Позднюю (вторую) группу катакомб С. А. Плетнева характеризует топорами с плоским (тип 1) или уплощенным обухом (тип 2) (рис.13), преобладанием в качестве амулетов когтей и зубов животных, каменных подвесок-амулетов, и зеркал всех вариантов (рис. 15, 17, 18).

Серьезные изменения коснулись предметов туалета. К уже известным простым коромыслообразным копоушкам с выемкой в середине длины прибавляются копоушки с различными, простейшими геометрическими рукоятями (иногда просто колечком) (тип 1 и 4). Встречаются наборы, состоящие из копоушки и ногтечистки, причем нередко железные (рис.16). В туалетные наборы также начинают входить кисточки, щипчики для выщипывания волос, маленькие туалетные ножницы. Расширились также разновидности типов зеркал – типы 2,3,4 (рис. 17; 18)[224].

Интересны и украшения второй группы катакомб: серьги 1 и 5 типов (рис. 19), перстни 2,3,4 типов (рис.20). С. А. Плетнева отмечает факт широкого распространения самых разнообразных подвесок – украшений, нередко сделанных из ломаных старых предметов, а также резкого

[223] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 159-160.
[224] Там же. – С.160.

увеличения количества бронзовых пуговиц и бубенчиков и широкого распространения перламутровых пуговиц и нашивок (круглые пластинки) на шапочки[225].

Керамический комплекс второй группы, отмечает С. А. Плетнева, более разнообразен, чем в первой, но никаких особых признаков, характеризующих его, выделить не удалось[226].

Третью группу катакомб С. А. Плетнева характеризует значительной смешанностью материала – начиная от бус, заканчивая топорами и керамикой. Всего в третью группу было отнесено 5 катакомб. С. А. Плетнева объясняет это тем, что редко с полной уверенностью можно говорить о принадлежности комплекса к промежуточному, поскольку совершенно ясно, что ранние вещи попадали не только в эти катакомбы, но нередко и в поздние: период существования могильника в целом очень невелик – всего около 150 лет[227].

Таким образом, гипотеза о наличии трех хронологических групп, высказанная еще в 1967 году, получила подтверждение, состав вещей в каждой из них был уточнен. Кроме того, С. А. Плетнева высказывает некоторые соображения относительно абсолютной хронологии салтово-маяцкой культуры.

В качестве репера, необходимого для встраивания относительной хронологии Дмитриевского комплекса в систему абсолютных датировок, С. А. Плетнева использует начало арабских походов в Предкавказье - 30-е годы VIII века. Соответственно само переселение алан на Дон приходится на 740-е годы, а формирование могильников и поселений на 750–760-е годы[228].

---

[225] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 162.
[226] Там же. – С. 163.
[227] Там же.
[228] Там же. – С. 168–169.

Таким образом, нижняя дата вещей ранней группы определятся серединой VIII века.

Для определения верхней хронологической границы С. А. Плетнева привлекает материалы Саркела и Танкеевского могильника – памятников, содержащих отложения начала X века. Автор отмечает, что в материалах Дмитриевки отсутствуют поясные бляшки начала-середины X века, прослеженные в Саркеле, а в погребениях Танкеевки преобладают вещи, типичные для поздних катакомб Дмитриевского могильника[229].

Следует отметить, что в этой работе С. А. Плетнева обращала внимание на невозможность построения хронологической шкалы салтово-маяцких древностей на материалах одного памятника, напротив «только комплексное рассмотрение всех древностей юга Восточной Европы, установление относительной хронологии каждого раскопанного памятника, сравнительный анализ памятников салтово-маяцкой культуры между собой и с древностями северокавказских алан позволит обосновать абсолютную хронологию исследованных памятников»[230].

В работе «Очерки хазарской археологии» С.А. Плетнева не пересматривала свои позиции в вопросе хронологии. Она вновь повторяет свои выводы, сделанные в предыдущие годы на материалах Дмитриевского могильника.[231] Здесь нет смысла их повторять, стоит лишь отметить, что хронология С.А. Плетневой касается прежде всего лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Для других вариантов в какой-либо форме универсальной хронологии не существует. Речь может идти только о хронологических рамках отдельных памятников (Саркел, Правобережное Цимлянское городище, курганы с ровиками и т.д.).

[229] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 172.
[230] Там же.
[231] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 44-46.

Методика датирования отдельных памятников, разработанная С.А. Плетневой на материалах Дмитриевского могильника, успешно применялась при определении времени функционирования ряда памятников.[232] При датировке Маяцкого селища по материалам обнаруженных на нем погребений была использована типология бус, разработанная А.В. Мастыковой,[233] и проведена их корреляция с вещами из погребений, что позволило, во-первых, унифицировать относительную хронологию между погребальными комплексами самого селища: катакомбные погребения с колоколовидными входными ямами более ранние, нежели катакомбы с прямоугольными дромосами. Во-вторых, в целом все погребения относятся «к финальному этапу существования салтово-маяцкой (хазарской) культуры в лесостепном регионе».[234] И эти факты позволяют говорить о поздней дате поселения: «Жизнь прекратилась на Маяцком мысе не ранее первого десятилетия X века, а возможно и несколько позднее».[235]

К сожалению, о начальной дате существования Маяцкого селища эти материалы не дают информации. В некоторой степени ответы на этот вопрос дал радиокарбонный анализ образцов керамики из раскопа гончарного горна Д.С. Коробовым на Маяцком селище. Результаты показали дату середина VIII – начало IX веков[236].

В.С. Флеров при работе с материалами Маяцкого могильника подверг критике методику датировки Дмитриевского комплекса, отметив, что если комплексы ранней группы связаны между собой достаточно надежно, то в промежуточной и поздней группах этого не наблюдается, но при этом

---

[232] Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – 216 с.
[233] Мастыкова А.В. Типология бус из погребений Маяцкого селища //А.З. Винников, Г.Е. Афанасьев «Культовые комплексы Маяцкого селища». – Воронеж, 1991. – С. 170-182.
[234] Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – С. 180.
[235] Там же. – С. 192.
[236] Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? – С. 13-25.

подчеркнул: «…несмотря на указанные замечания к хронологии Дмитриевского могильника, я считаю возможным положить её на настоящий момент в основу разработки относительной хронологии Маяцкого могильника».[237]

Он подчеркивает, что вещи из Маяцкого могильника находят аналогии в Дмитриевском, «как правило в катакомбах поздних и промежуточных групп».[238] Исходя из этого, он и датирует могильник второй половиной IX – началом X века.[239] Но в тоже время, необходимо упомянуть, что В.С. Флеров отмечает, что «жизнь на Маяцком протекала в основном в период относительной стабильности, экономического и политического расцвета Хазарского каганата во второй половине VIII – IX века», о чем свидетельствует факт существования громадного поселения и соответствующего ему большого могильника.[240] И поэтому, по его мнению, нельзя исключать наличие и более ранних погребений.[241]

Большую значимость разработок хронологии салтовских древностей С.А. Плетневой для анализа материалов Сухогомольшанского могильника и определения времени его функционирования отмечают В.Ф. Аксёнов и В.К. Михеев.[242]

Вообще нужно заметить, что достаточно долгое время хронологическая схема салтово-маяцкой культуры, предложенная С.А. Плетневой в литературе (как и многие другие сюжеты ею разработанные) не обсуждалась, кроме тех авторов на которых мы обратили внимание выше. В конце 90-х годов XX века – начале XXI появились некоторые работы, в которых

---

[237] Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. – Волгоград, 1993. – С. 61.
[238] Там же. – С. 63.
[239] Там же. – С. 64
[240]Там же. – С.70
[241] Там же. – С. 71.
[242] Аксенов В.Ф., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X века. //Хазарский альманах. – Киев-Харьков, 2006. – Том 5. – С. 163.

предпринята попытка уточнить, развить, конкретизировать некоторые положения С.А. Плетневой. Это работы А.В. Комара[243], И.О. Гавритухина[244]. Однако, как отмечал И.О. Гавритухин, в работах А.В. Комара отсутствует четкая аргументация позиции автора и отсутствуют «необходимые аналитические разработки».[245]

И.О. Гавритухин подверг анализу метод, использованный С.А. Плетневой, при создании хронологической шкалы Дмитриевского могильника, обратив внимание на выделение трех групп комплексов, составлявших «стержень хронологической схемы, предложенной С.А. Плетневой»: 1 группа – ранняя (середина VIII – середина IX); 2 группа – поздняя (вторая половина IX – начало X веков); промежуточный комплекс связан как с первой, так и со второй группой.[246]

Но при этом, И.О. Гавритухин отмечает, что ряд отдельных комплексов Дмитриевского могильника требует корректировки, так как появилась возможность на базе новых материалов наметить наряду с горизонтом «классических салтовских древностей» более ранние комплексы, как это было сделано В.С. Аксёновым на Старосалтовском могильнике.[247] В этой связи И.О. Гавритухин считает, что группа 2 по составу вещей «явно недоработана», среди вещей могут содержаться более ранние материалы. Но при этом, И.О. Гавритухин отмечает, что для Дмитриевского могильника в этом плане требуются специальные разработки.[248] В то же время, он еще раз подчеркивает, что формирование типичного «салтовского» набора древностей происходит не ранее второй половины VIII века, скорее в

---

[243] Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) //Vita Antiqua. – Киев, 1999. – №2. – С. 111-136.
[244] Гавтритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) //Хазары. Евреи и славяне. – М., 2005. – Том 16. – С. 378-426.
[245] Там же. – С. 394.
[246]Там же.
[247] Гавтритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры). – С. 394.
[248] Там же.

последнем десятилетии этого столетия,[249] тем самым подтвердив правильность хронологической схемы салтово-маяцкой культуры, предложенной С.А. Плетневой.

В свою очередь заметим, что при всех недостатках, обусловленных, в большинстве своем спецификой источника, хронологическая схема, предложенная С.А. Плетневой, является на сегодняшний день единственной, охватывающей значительную группу вещей, потому пригодной для датирования значительного числа памятников салтово-маяцкой культуры.

В целом, стоит отметить, что если в вопросах этнической принадлежности населения салтово-маяцкой культуры, путях его формирования, а также районирования памятников взгляды С.А. Плетневой эволюционировали достаточно интенсивно, то хронологические построения не претерпели значительных изменений с 1967 года. Связано это, прежде всего, с характером источников. Если первые три вопроса могут решаться, исходя из анализа самых разных археологических объектов, то для хронологических построений необходимо значительное количество закрытых комплексов, содержащих большое количество вещевого материала.

На данный момент, для уточнения и верификации хронологической схемы, предложенной С.А. Плетневой, необходимо тщательное изучение материалов других памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, и сравнение их с находками Дмитриевского комплекса.

[249] Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры). – С. 396.

Глава 3: Вопросы материальной культуры населения салтово-маяцкого общества в освещении отечественной археологии во второй половине XX века.

3.1. Типология поселений.

В основе исследования всего комплекса вопросов материальной культуры салтово-маяцкого населения лежит классификация поселений, которые С.А. Плетнева по внешним признакам, включающие размеры, характер поселений, мощность культурного слоя и ряд других факторов, делит на 5 групп: кочевья; неукрепленные поселения; укрепленные поселения; замки; города[1]. Затем она дает характеристику и основные признаки, присущие каждому типу выделенных ею поселений. Остановимся на характеристике этих признаков.

Кочевья, или как обозначает их С.А. Плетнева «сезонные стойбища»[2] располагаются, как правило, по берегам рек или каких-либо водоёмов, ибо кочевники нуждались в пресной воде, и кроме того, как отмечает С.А. Плетнева, огромное значение для них имел рыбный промысел. На этих стоянках отсутствует культурный слой и имеется малое количество находок – в основном, кости животных и фрагменты керамики. По площади она выделяет два типа стойбищ. К первому относит большие стойбища до полутора километров в длину и до 200 метров в ширину. Такие стойбища, по мнению С.А. Плетневой, оставлены большими кочевыми коллективами: «это был так называемый куренной способ кочевания», характерный для периода «разложения родоплеменного строя»[3]. Кочевья второго типа меньшие по

[1] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. // МИА СССР. – 1967. – № 142. – С. 13.
[2] Там же. – С. 13-19.
[3] Там же. – С. 18.

площади, выделялись из куреней и новые подразделения – аилы создавались уже на новых принципах «феодальной эксплуатации»[4].

Таким образом, делает вывод С.А. Плетнева, стойбища первого типа - большие по площади, связаны с более ранней формой «куренного» кочевания, а стойбища второго типа – с более поздней – «аильной», и, по мнению С.А. Плетневой, связаны с переходной формой к поселениям оседлых земледельцев[5].

Неукрепленные поселения (селища), как подчёркивает С.А. Плетнева, располагались также по берегам рек, напоминая кочевья обоих типов[6]. По своим размерам они также подразделялись на два типа: большие длиной порой несколько километров и шириной 200-300 метров – первый тип; и малые – площадью 200-300 м. Х 300-400 м. – 2 тип. Эти поселения имели незначительный культурный слой – 0,2 - 0,3 м., содержащий кости животных (в том числе и свиньи), фрагменты керамики. По мнению С.А. Плетневой, размеры селищ позволяют говорить, что и при оседлом населении сохранялись два уклада – «куренной» и «аильный». Она считает, что «куренные» стойбища, которые возникали «в глубокой древности», сохраняли свои традиции и в период существования салтово-маяцкой культуры в VIII-IX веках. «Аильные» появились в начале VIII века и сосуществовали с оседлыми поселениями[7]. Приобщение к оседлому образу жизни, как подчеркивает С.А. Плетнева, способствовали физико-географические условия обитания и знакомство с земледельческими народами.

[4] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 19.
[5] Там же.
[6] Там же. – С. 19-22.
[7] Там же. – С. 20.

Третью группу поселений салтово-маяцкого круга – городища с земляными валами, С.А. Плетнева рассматривает как «переходную форму от открытых неукрепленных поселений к замкам и городам»[8].

Для поселений этой группы характерно: мысовое расположение, наличие вала и рва, находки костей свиньи, серпов, жерновов, свидетельствующих об оседлом образе жизни обитателей этих поселений. С.А. Плетнева считает, что появление этого типа поселений связано с дальнейшим углублением процесса разложения родоплеменного слоя. Это были «первые своеобразные замки феодалов» и возникали они «в среде оседающих на землю кочевников», как бы предвосхищая появление, окруженных достаточно мощными укреплениями, каменных замков[9].

В четвертую группу поселений С.А. Плетнева объединяет городища, укрепленные стенами, сооруженными из камня. В зависимости от внутренней системы расположения оборонительных линий, она выделяет отдельные типы городищ, но при этом подчёркивает, что все городища, где применены каменные конструкции в оборонительных сооружениях «определяют собой безусловно единую группу памятников, несмотря на частные детали, отличающие их друг от друга». И связь заключается, как подчёркивает С.А. Плетнева, не только в конструкции валов с применением камня, в основе сходства этих памятников «лежит социальная общность… принадлежность их к одной общественной категории феодальных замков»[10].

В поисках истоков каменных конструкций в оборонительном зодчестве городищ салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнева обращается к южным параллелям. Она пишет: «Судя по исследованным конструкциям, техника строительства этих стен идет с юга из Закавказья, Крыма и Византии»[11]. Далее она уточняет основной принцип этих сооружений: две каменные

[8] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 22.
[9] Там же. – С. 24.
[10] Там же. – С. 33.
[11] Там же.

облицовочные стены между которыми засыпается щебень и обломки камня. «Истоки этой техники восходят еще к римскому времени» - подчеркивает С.А. Плетнева. Она замечает, что если в римское время облицовочные камни «были прекрасно обработаны», то в византийское – обтесанные камни «были заменены более мелкими и рваными необработанными камнями»[12]. При этом она отмечает некоторые нововведения в каменных конструкциях салтовских городищ Подонья: отсутствие раствора, каменная кладка всухую.

Отдельно С.А. Плетнева рассматривает два городища с каменными укреплениями: Правобережное Цимлянское и Маяцкое, как она считает, с более совершенной техникой строительства из камня – кладка стен из больших, прекрасно обработанных блоков известняка. С.А. Плетнева, рассмотрев конструкцию каменных оборонительных сооружений этих двух памятников, еще раз обращает внимание на то, что городища четвёртого типа, были сооружены из рваного, специально необработанного камня. Именно в такой технологии, по ее мнению, «была выстроена вся Византия». Но при этом она подчеркивает, что кладка из хорошо обработанного камня «была широко распространена только на территории нынешней северо-восточной Болгарии»[13]. Автор ещё раз обращает внимание, что эта культура строительства у болгар «легко объясняется, если мы вспомним, что рядом с их землёй находилось культурнейшее государство того времени – Византия, что на Дунае стояли крепости, возведённые византийскими мастерами». И болгары использовали это наследие римских и византийских мастеров. Но в то же время С.А. Плетнева отмечает, что использование болгарами при строительстве обтёсанных блоков, является «оригинальной особенностью, которая выделяет местные постройки»[14]. В связи с этим она ставит вопрос о поисках истоков такой техники обработки и предлагает видеть её в

[12] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 34.
[13]Там же. – С. 43.
[14] Там же. – С. 44.

государствах Закавказья, с которыми Хазария имела достаточно прочные связи[15]. К сожалению, эта гипотеза в данной книге не получила развития.

Таким образом, укрепленные поселения с каменными стенами, по выражению С.А. Плетневой – «замки», являются отражением византийско-римских традиций в оборонном зодчестве с привнесением некоторых специфических черт, рожденных при контактах с другими этническими образованиями. Такова общая концепция С.А. Плетневой при анализе данного типа поселений, нашедших отражение в книге «От кочевий к городам». К сожалению, данная концепция не получила сколько-нибудь законченного развития ни в этой, ни в других работах С.А. Плетневой.

И если в обобщающей работе 1981 года[16] она эту проблему практически не затрагивает, то в работах 1982[17], 1983[18] годов С.А. Плетнева большое внимание акцентирует на болгарской версии истоков архитектуры каменных крепостей. Эту же мысль она высказала и в статье, посвященной характеристике болгар, обитавших в бассейне Дона и Приазовье и опубликованной в болгарском издании. Она пишет: «аналогии стенам, сложенных из блоков с забутовкой между панцирями, известны в Дунайской Болгарии (Плиска, Преслав, Ауль-Омурат и другие)»[19]. В «Очерках хазарской археологии» С.А. Плетнева фактически также не поднимает эту тему. Лишь при описании системы сооружения кирпичных стен Саркела, она, ссылаясь на мнение П.А. Раппопорта о двух группах кирпичей, использовавшихся при строительстве, отмечает «в составе всего этого первичного комплекса

---

[15] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 44.

[16] Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.,1981. – С. 62-75.

[17] Плетнева С.А., Титов В.С. Совместные советско-болгаро-венгерские археологические исследования //Вестник АН СССР. – М., 1982. – С. 94-107.

[18] Плетнева С.А. Проблема «протоболгар» в работах советских археологов //Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. – М., 1983. – С. 17-22.

[19] Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материалы от българо-съветската среша. – София, 1981. – Т.2. – С. 9-19.

принимали участие приглашенные каганом византийцы… Основной контингент строителей был местный, именно он внес в стройку элементы, абсолютно не свойственные византийской архитектуре – бесфундаментность кладки, характерной для всей Хазарии…», а также размеры части кирпичей не употреблявшихся в Византии, но хорошо известных в Кавказской Албании, откуда, по мнению С.А. Плетневой, они и были заимствованы[20]. Но в то же время она отмечает, что сама планировка крепости, качество глины для кирпичей, известковый раствор – все это «дает основание говорить о византийском влиянии или даже «надзоре» за строителями». [21]

Эта классификация поселений уже не применительно к памятникам салтово-маяцкой культуры, а в целом, к эволюции кочевнического, хозяйственного и социально-общественного уклада, повторяется с конкретными примерами на более широком географическом диапазоне в монографии, вышедшей в 1982[22] году, а также в статье «Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху Средневековья»[23].

Употребление С.А. Плетневой термина к конструкциям с каменным укреплением – «замок», рядом исследователей подверглось критике и прежде всего с точки зрения применения этого понятия к западноевропейским замкам[24]. Но С.А. Плетнева ни в одной из своих работ не делала даже попытки поставить на одну плоскость поселения с каменными стенами, которые она называла замками и действительно западноевропейские

[20] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим, 1999. – С. 88-89.
[21] Там же. – С. 89.
[22] Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 188 с.
[23] Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья //ВИ. – 1981. – №6. – С. 50-63.
[24] Флеров В.С. Несколько тезисов к изучению крепостей и больших поселений Хазарского каганата // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. – Казань, 2009. – С. 260; Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., Иерусалим. – С. 50-55.

средневековые замки. Употребляя термин «замок», она вкладывала в это понятие прежде всего социальное содержание, место, где обитали со своими домочадцами, или кланом представители господствующего сословия хазарского государства, даже не акцентируя внимание на его этнической принадлежности.

Проблема поиска истоков каменной архитектуры, планировки, техники сооружения крепостей - «замков», по выражению С.А. Плетневой, была довольно тщательно и детально разработана Г.Е. Афанасьевым. И если С.А. Плетнева в книге «От кочевий к городам», как выше отмечалось, только обратила внимание на римско-византийские традиции в сооружении этих крепостей, не развив эту мысль дальше, то Г.Е. Афанасьев, подхватив эту идею, практически разработал её детально и достаточно глубоко. В первой же своей монографии, посвященной лесостепному варианту салтово-маяцкой культуры, он подчеркнул, что каменные крепости (четвертый тип салтовских городищ по классификации Г.Е. Афанасьева) могли строить только «с привлечением чужеземных специалистов в области крепостного зодчества, знакомых с традициями позднеантичной фортификации»[25] и далее обращает внимание на роль византийских специалистов «в создании опорных пунктов городищ 4 типа на северо-западном хазарском пограничье»[26]. Эту же мысль он проводит и в следующей монографии, посвященной донским аланам[27]. В ряде статей Г.Е. Афанасьев конкретизирует свои положения о роли византийских мастеров в строительстве крепостей на Дону и в частности Маяцкой крепости. Путем изучения размеров блоков из развалин стен Маяцкого городища он приходит к выводу, что «строительство крепости осуществляли специалисты, хорошо знающие византийскую метрологию,

[25] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-Хвв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) //Археологические открытия на новостойках. – М., 1987. – Вып. 2. – С. 140.
[26] Там же. – С. 142.
[27] Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асса-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М., 1993. – С. 148.

византийские архитектурные традиции и умеющие применять их на практике»[28].

Эту же мысль Г.Е. Афанасьев проводит и в другой своей статье,[29] где он пишет, что знаниями фортификационной архитектуры и строительной техники не обладали ни аланы Среднего Дона и Северного Кавказа, ни болгары, ни хазары. Г.Е. Афанасьев замечает при этом, что «нет никаких свидетельств о том, что сами жители Маяцкого селища занимались изготовлением каменных блоков, как строительного материала»[30]. Естественно возникает вопрос, а кто же изготовлял эти тысячи меловых блоков, из которых сооружены стены Маяцкой крепости? Даже если представить, что при сооружении Маяцкой крепости присутствовали византийские инженеры и архитекторы, которые руководили процессом строительства, то саму работу по изготовлению блоков и их укладке безусловно выполняло местное население.

Конечно, аргументы, приводимые Г.Е. Афанасьевым в пользу византийских истоков технического и архитектурного построения крепостей с каменными оборонительными стенами в Хазарском каганате, достаточно убедительны. Но они не отвечают на вопрос, все ли соблюдались при этом принципы и закономерности византийского строительства крепости? Ответ однозначен – не все, на что обращала внимание С.А. Плетнева, называя некоторые нововведения «варварскими» приобретениями.

Следующей группой поселений в ареале салтово-маяцкой культуры, по мнению С.А. Плетневой, являются города, которые выросли из феодальных

[28] Афанасьев Г.Е. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости // Верхне-донской археологический сборник. – Липецк, 2010. – Вып. 5. – С. 123-148.
[29] Афанасьев Г.Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища //Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж, 2012. – Вып. 3. – С. 93-122.
[30] Там же. – С. 114.

замков или завоеванных и разрушенных, а затем частично отстроенных уже под властью кагана[31].

К первому типу городов, выросших из феодальных усадеб и крепостей, автор относит Саркел, Итиль, Семендер, Семикаракорское городище. Наиболее изученным к концу 60-х годов XX века был Саркел, что позволило С. А. Плетневой на основе анализируемых материалов выделить черты, которые приближали Саркел к определению «город». Прежде всего, автор основывается на многочисленных находках привозных вещей – поливной керамики, художественных поделок, вырезанных из кости, монетах. Все эти вещи позволили С. А. Плетневой сделать вывод об оживленных торговых связях Саркела не только с Византией и Крымом, но и с Закавказьем и со Средней Азией. За воротами крепости, за рвом, было обнаружено большое количество железного шлака, которое С. А. Плетнева связала с районом кузнецов.

Таким образом, все вышеописанное, по мнению С. А. Плетневой, превратило крепость, изначально сооружавшуюся для сбора пошлин и охраны пограничных каганских земель, в город[32].

С позиции наличия черт, присущих городу, характеризуется и Итиль – столица Хазарии, который известен только по письменным источникам. С.А. Плетнева обращает внимание на то, что Итиль по планировке, судя по описаниям восточных авторов, во многом схож с Саркелом[33].

Ко второму типу кочевнических городов С.А.Плетнева относит восстановленные после гуннского нашествия города Боспора и Крыма: Херсон, Фанагория, Таманское городище, Керчь. Все эти города объединяет общая черта – они были основаны на античных городах предшествующего

[31] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 44.
[32] Там же. – С. 46
[33]Там же. – С. 46-47.

периода[34] и экономически, или политически, или территориально находились в орбите Хазарского каганата.

Подводя итоги рассмотрения городов Хазарского каганата в ареале салтово-маяцкой культуры, С.А. Плетнева в книге «От кочевий к городам» отмечает, что города, возникшие на основе каменных замков (Итиль, Саркел и др.) и даже города Причерноморья, с античными традициями, своим внешним видом «весьма напоминали обычные кочевья» или «приобретали, по всей вероятности, характерный облик кочевий»[35]. Тем самым, С.А. Плетнева подчёркивает определенную преемственность и эволюцию в характере поселений.

Такую же классификацию поселений, в том числе и городов, дает С.А. Плетнева и в работе 1981 года, в кратком очерке о салтово-маяцкой культуре[36].

По существу, эти положения об эволюции поселенческих структур от таборного кочевания до каменных замков и так называемых степных городов или городов, возникших на остатках городов античной эпохи, повторены С.А. Плетневой и в работах, посвященных анализу исторических путей кочевнических обществ в эпоху средневековья[37].

В 1987 году выходит статья С. А. Плетневой «Города кочевников», в которой рассматриваются не только виды степных городов, но и характеризуются основные их особенности и закономерности развития[38].

Прежде всего, автор выделяет условия появления таких городов. По мнению С. А. Плетневой, города могли появиться у кочевников только на

---

[34] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 49.
[35] Там же. – С. 50.
[36] Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.,1981. – С. 65-68.
[37] Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья. – С. 50-63; Она же. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – 188 с.
[38] Плетнева С. А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М., 1987. – С. 198–212.

высшей стадии их экономического и социального развития – на третьей, стадии полуоседлости. Иными словами, механизм появления городов, по мнению С. А. Плетневой, таков: сначала появляются постоянные места зимовок и летовок, которые и формируют тенденцию оседлости. Параллельно с этим идет процесс заимствования наиболее совершенных орудий труда у соседних племен. Тем временем, на социальном уровне, идет отделение наиболее привилегированных представителей родовой аристократии и возникновение укреплений, так называемых «феодальных кочевнических замков». Причем, главной особенностью подобной аристократии, по мнению С. А. Плетневой, оставалась склонность к кочевому образу жизни[39].

Соответственно, после возникновения подобных укреплений-замков, по логике автора, начинается активное заселение окружавшей замок территории и превращение ее в ремесленный и торговый посад – это и есть первый способ и механизм возникновения города у кочевников. В качестве примера подобного города С. А. Плетнева приводит Итиль. Археологических материалов, по известным причинам, нет, поэтому при описании автор пользуется материалами письменных источников. Она обращает особое внимание на планировку города – постройки располагались не кварталами, а разбросанными на огромной территории “гнездами”-усадьбами, что связывает с устойчивыми кочевническими традициями планировки.

Именно в этом, по мнению С.А. Плетневой и заключается «одна из специфических особенностей города, заселявшегося в значительной степени оседавшими кочевниками, то есть кочевнического города». Другой очень важной особенностью такого типа городов, отмечает С.А. Плетнева, являются типы жилищ. Это прежде всего юрты и полуземляночные жилища[40].

[39] Плетнева С. А. Города кочевников. – С. 205.
[40] Там же.

Вторым вариантом образования степного города, по мнению Плетневой, «является разрастание его около какой-либо пограничной крепости». В качестве примера такого города С. А. Плетнева приводит Саркел[41]. Автор приводит несколько причин, почему именно Саркел из пограничной крепости превратился в город. Прежде всего, Саркел был построен на северо-западной границе домена Хазарского каганата, что обуславливало его важное стратегическое положение. Во-вторых, крепость Саркел стояла на пересечении торговых путей – речного – из Крыма в Итиль и далее – в Хорезм и обратно; и сухопутного – из Закавказья и Арабского Халифата на север – к славянам и на Русь[42]. Именно особенности географического положения, по мнению С.А.Плетневой, обуславливали своеобразие планировки города. В отличие от городов первого типа, планировка города, образовавшегося на основе пограничной крепости, сосредотачивалась внутри этой крепости, “под охраной стен”. Жилища ставились очень плотно, жители стремились жить внутри крепости.

Что касается типов жилищ, то, в независимости от типа города, это были юрты и полуземлянки с двухскатными крышами[43].

О значимости Саркела как торгово-ремесленного центра С.А. Плетнева пишет в специальной монографии[44]. На освещении этих проблем и, соответственно, данной книги, мы остановимся ниже.

В октябре 2002 года в Харькове состоялся междисциплинарный историко-археологический симпозиум «Хазарское государство и проблемы историко-культурного развития народов Евразии» на котором С.А. Плетнева представила доклад: «Города в Хазарском каганате (доклад к постановке

[41] Плетнева С. А. Города кочевников. – С. 207.
[42] Там же. – С. 208.
[43] Там же.
[44] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996. – 168 с.

проблемы)», который затем был опубликован в «Хазарском альманахе» (материалы симпозиума)[45].

Отметив, что основные признаки, по которым какое-либо поселение можно было бы определить городом, уже выяснены, С.А. Плетнева обратила внимание на то, что значительно труднее интерпретировать небольшие поселения-города «стремительно разросшиеся и нередко столь же быстро погибшие». Именно к этой категории она «склонна отнести и ряд памятников, располагавшихся на землях, подвластных Хазарскому каганату»[46].

К первой группе городов, как и в предыдущих исследованиях, С. А. Плетнева относит поселения, возникшие на развалинах античных городов[47]. Крупнейшими из городов подобного рода автор выделяет Таматарху и Фанагорию. Оба города, по мнению С. А. Плетневой, можно было отнести к разряду торгово-ремесленных портовых городов, хотя они отличались друг от друга размерами, системой укреплений, планировкой. По мнению С.А. Плетневой, наличие этих городов и их функционирование на достаточно высоком уровне свидетельствует об известной стабильности в этом регионе Хазарского каганата[48].

Вторая группа поселений городского типа, выделенная С. А. Плетневой, строилась на “чистом” месте, то есть не заселенном ранее. К таким городам исследователь относит укрепления в Дагестане[49]. В первую очередь, речь идет об укрепленных поселениях вдоль реки Сулак, крупнейшее из которых находится у села Чир-Юрт, атрибутируется М. Г. Магомедовым как Беленджер. По мнению С. А. Плетневой, эта область

---

[45] Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) //Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т.1. – С. 110-124.

[46]Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 110.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] Там же. – С. 113.

представляла собой центральную территорию формирования Хазарского каганата. Наиболее выдающимся объектом, сохранившимся в самом городе, была мощная стена, оборонявшая город с севера и востока. С. А. Плетнева датирует этот город VII-VIII веками[50]. Другим таким городом, по мнению автора, является Андрейаульское городище. У подножия холма, на котором расположено городище, обнаружены гончарные мастерские, а мощность культурного слоя, по мнению С.А. Плетневой, свидетельствует о длительном мирном его функционировании. И размеры, и укрепления, и специализированное ремесло позволяет считать этот памятник, как отмечает С.А. Плетнева – «остатками одного из хазарских городов»[51].

Помимо этого “стационарного” типа в Прикаспийской степи С.А.Плетнева выделяет другой вид памятников – несколько городищ вдоль Терека (городище у станицы Шелковской, городище у станицы Некрасовской). Данные городища автор объединяет по одному признаку – незначительность культурного слоя, поэтому нет основания считать эти памятники городами[52]. Функциональное назначение данных крепостей С. А. Плетнева определяет, как пограничные защитные крепости между землями хазарского каганата и захваченными арабами южными прикаспийскими владениями хазар и датирует их предположительно второй половиной VIII века[53].

В этом докладе (статье) значительное место уделено характеристике Итиля как столицы государства, его роли и места в торгово-таможенной, политико-административной системе. Все выводы С.А. Плетневой построены на письменных источниках[54]. С.А. Плетнева прослеживает внутреннюю структуру города, организацию хозяйственной жизни кагана и

[50] Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 113.
[51] Там же. – С. 113-114.
[52] Там же. – С. 114.
[53] Там же. – С. 115.
[54] Там же. – С. 115-117.

его окружения, а также систему таможенных пунктов, среди которых особо выделяет Саркел[55].

Что касается городского статуса Саркела, то С.А. Плетнева несколько изменила свой взгляд по этому вопросу по сравнению с предшествующими своими работами о которых речь шла выше. Она обращает внимание, что внутренняя площадь Саркела меньше терекских крепостей, но даже ремесленные производства Саркела, которые свидетельствуют о его экономической значимости не дают возможности говорить о том, что Саркел был городом. Это была крепость, «основной функцией которой была торгово-таможенная деятельность», которая в полной мере превращению Саркела в город не могла способствовать.[56] В таком же ключе оценивает С.А. Плетнева и Семикаракорское городище.

Последняя группа поселений (“городов?”), выделенная С. А. Плетневой, находилась в лесостепной зоне. Судя по вопросительному знаку, автор отнюдь не уверен в принадлежности данных поселений к городскому типу. По мнению С. А. Плетневой, данная группа поселений создавала условия для сплочения входивших в каганат народов и способствовала интенсификации этнических процессов, протекавших в каганате[57]. К данной группе автор относит Верхне-Салтовское городище, комплекс у села Маяки, Малое Сидоровское городище, Ютановское городище, Маяцкое городище. Каждый памятник из этой группы ею рассматривается отдельно, подчеркивается его специфика и выделяются аргументы, позволяющие рассматривать его с позиции возможности включения в категорию городов.

Городище у Верхнего Салтова, исходя из материалов могильников, насыщенности культурного слоя, импортной керамики, С.А.Плетнева характеризует как торговый центр. Аргументирует она большим количеством

[55] Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 117.
[56] Там же. – С. 118.
[57] Там же.

бусинного материала, привозных их Крыма и Византии амфор, значительного количества монет, а также географическим положением поселения – с югом оно было связано как сухопутным, так и водным путем[58].

Все эти факты, по мнению С.А. Плетневой, свидетельствуют, что возникший на месте Верхне-Салтовского городища «таможенный перевалочный пункт» достаточно активно перерос в город «с разнообразным этническим населением»[59]. О городском характере этого памятника несколько ранее писал А.В. Крыганов[60].

Среди городищ с ярко выраженной ремесленной ориентацией С.А. Плетнева выделяет городище Маяки на Среднем Донце, где обнаружено значительное число железных орудий труда, оружия, бытовых предметов. Основанием, чтобы считать данное поселение городом, по ее мнению, является: крупные размеры поселения, примыкающие к укрепленному поселению «посады», развитие всевозможных ремесел, связанных с обработкой железа[61].

В Поосколье С.А. Плетнева выделяет Ютановский производственный комплекс, включающий укрепленное, расположенное на мысу, городище, примыкающее к нему селище и ряд могильников. Здесь выявлены металлургические горны сложной конструкции, обнаружены выходы железной руды. С.А. Плетнева считает, что это был не только производственный комплекс, но и торговый центр, откуда «вниз по Осколу на ладьях плавильщики доставляли крицы или, возможно, уже откованное железо в донецкие кузнечные города»[62]. Исследования А.Г. Николаенко Ютановского металлургического комплекса подтвердили, что это был

[58] Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 119.
[59] Там же.
[60] Крыганов А.В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтово-маяцкой культуры – остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – Том 2. – С. 347-358.
[61] Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 119.
[62] Там же. – С. 120-121.

действительно крупный металлургический центр в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры[63]. Вывод С.А. Плетневой, что есть все данные считать Ютановский комплекс городом выглядит достаточно аргументированным[64].

В таком же ключе С.А. Плетнева рассматривает и Маяцкий комплекс памятников, включающий городище, селище и могильник. Она обращает внимание на «гнездовую», то есть, по ее мнению, усадебную планировку селища, где в каждом гнезде сооружались «семейные святилища». Особое внимание, безусловно, она обращает на крепость, стены которой сложены из меловых блоков. На краю мыса, занятого селищем, располагался гончарный производственный центр.

По мнению С. А. Плетневой, довольно большое количество жителей данного поселения занимались сельским хозяйством, ремесленной деятельностью, торговлей. Но при этом все мужское население было воинами, участвовало в сборе дани, таможенных пошлин. Как она считает, эта многофункциональность и делала Маяцкое поселение практически центром большого региона. Кроме того, С.А. Плетнева обращает внимание ещё на одну особенность, которая выделяет Маяцкое поселение из аналогичных – это наличие на стенах крепости значительного количества граффити (рисунки, слова, фразы). И это даёт ей весомый аргумент для интерпретации Маяцкого поселения как городского[65].

Но, несмотря на такое разнообразие выделяемых типов поселений, С. А. Плетнева, как и в своих более ранних работах выделяет два основных типа городов.

Первый тип локализуется в основном на побережье Черного моря (в Крыму и на Тамани) и характеризуется “античным наследием”. К этому же

[63] Винников А.З., Степовой А.В. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). – Воронеж, 2012. – 229 с.
[64] Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 121.
[65] Там же. – С. 122.

типу городов С. А. Плетнева относит и города в Дагестане, сформировавшиеся под воздействием культуры Сасанидского Ирана[66].

Второй тип городов, выделенных С. А. Плетневой, — «степной». Автор сразу предполагает шквал возражений и аргументирует данное выделение «невероятностью отсутствия в такой обширной торговой державе как Хазария пунктов, организующих и объединяющих такие огромные территории»[67]. По мнению С. А. Плетневой, данные города не должны быть похожи ни на европейские, ни даже крымские или древнерусские, так как выросли эти города из стойбищ кочевой аристократии.

Таким образом, предположение о существовании в Хазарском каганате городов двух типов – восстановленных античных и возведенных оседавшими на землю кочевниками не претерпело в трудах автора существенных изменений с 1967 года. В то же время, если в ранних работах С. А. Плетнева говорит о значительной роли феодальных замков, в процессе урбанизации, то в статье 2002 года она уже этой мысли не высказывает. Появление городов связывается, в первую очередь, с развитием торговли и ремесла. Так же отсутствие посада заставляет исследователя отказаться от тезиса о городском характере Левобережного Цимлянского городища (Саркела).

В целом, эволюцию взглядов С.А. Плетневой можно охарактеризовать как постепенный отход от тезиса о значительной феодализации Хазарского каганата. Это прослеживается и в отказе от однозначной атрибуции белокаменных крепостей лесостепи как феодальных замков, и в констатации факта дофеодального характера аланской общины. В отношении хазарских городов наблюдается схожая ситуация – на позднем этапе исследовательской деятельности автор гораздо осторожнее называет те или иные археологические памятники «городами».

[66] Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы). – С. 123.
[67] Там же.

Достаточно серьёзной критике взгляды С.А. Плетневой на проблему городов в Хазарском каганате были подвергнуты В.С. Флёровым. В ряде статей[68] и тезисов[69] его докладов на конференциях и особенно в специальном монографическом исследовании[70], им изложена концепция, согласно которой в Хазарском каганате не было и не могло быть такого социально, экономически и политически организованного поселения как город.

Отрицая саму идею возможности существования городов в Хазарском каганате, о чем он ясно и конкретно заявил практически уже на первых страницах своей книги, посвященной этой проблеме[71]. Но при этом, В.С. Флеров отметил, что С.А. Плетнева «единственная, кто попытался разобраться в целом, что же такое хазарский город».

В.С. Флеров с позиций археологического материала рассматривает достаточно широко известные памятники, которые лежали в основе построения классификационной схемы поселений, предложенных С.А. Плетневой. В основу рассмотрения памятников В.С. Флеров взял следующие критерии: планы поселений, размеры и объем фортификационных сооружений; конструкции построек; «вопрос отделения ремесла от сельского хозяйства для каганата не стоит», то есть, как считает В.С. Флеров, это явление для каганата не характерно; тип и структура расположения жилищ горожан с образом жизни и занятиями[72].

---

[68] Флеров В.С. «Города» Хазарии. Что это такое? //Проблеми на прабългарската история и культура. – София, 2007. – 4-I. – С. 53-76; Он же. Были ли в Хазарском каганате города? //Тюркологический сборник 2003-2004 (Тюркские народы в древности и средневековье). – М., 2005. – С. 312-349; Он же. «Города», «замки» и феодализм в Хазарском каганате. Проблема исследования //Хазары: миф и история. – М., Иерусалим, 2010. – С. 114-126.

[69] Он же. Хазарский каганат: крепости, значительные населённые места или города? // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии. Тезисы докладов Международной научной конференции. – М., 2008. – С. 46-47.

[70] Он же. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., 2010. – 260 с.

[71] Там же. – С. 10.

[72] Там же. – С. 22-27.

Исходя из этих критериев, В.С. Флеров рассматривает каждый памятник, который С.А. Плетнева считает возможным в той или иной степени причислить к категории города: Саркел, Семикаракоры, Правобережное Цимлянское, памятники в бассейне Среднего Дона, Итиль, северокавказские и дагестанские памятники, поселения Крыма и Таманского полуострова. В результате В.С. Флеров приходит к такому же выводу, что и в начале книги. Он считает, что, исходя из наличия на сегодняшний день археологического материала с памятников Хазарского каганата в бассейне Дона и Центральном Предкавказье не один из них не может считаться городом ни в архитектурном, ни в архитектурно-планировочном отношении, ни в социально-экономическом[73].

Ссылаясь на характеристику византийских городов эпохи Юстининана (VI век), В.С. Флеров отмечает, что облик всех крупных поселений Хазарского каганата никак не свидетельствует о городском образе жизни[74].

По мнению В.С. Флерова, ни один памятник, связанный с Хазарским каганатом, не может даже сравнится с провинциальным византийским городом и для обозначения всех поселений каганата «целесообразно придерживаться традиционных археологических терминов - городище или поселение»[75].

Признавая в основном концепцию В.С. Флерова достаточно аргументированной, необходимо еще раз отметить, что С.А. Плетнева, говоря о городах в Хазарском каганате, неоднократно подчеркивала, что эти города ни в коей мере не похожи на средневековые города Западной Европы, Древней Руси, Византии, это совершенно особое явление с присущими ему чертами, на которых мы выше останавливались. Не случайно она ввела понятие «степной город», желая подчеркнуть отличие от «классического

[73] Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – С. 191.
[74] Там же. – С. 195.
[75] Там же. – С. 197-198.

города». Необходимо отметить, что С.А. Плетнева одна из первых сделала попытку ранжирования поселений, предположительно охваченных территорией Хазарского каганата с точки зрения их социально-экономического и политического содержания, исходя прежде всего из археологического материала, который она во всех своих работах пыталась сделать историческим источником. Возможно, она была не во всем права, как показало время, но предложение В.С. Флерова о возврате к обозначению всех поселений термином «Городище», или просто «поселение» - это не движение вперед в понимании характера памятника, а возврат на исходные позиции.

3.2. Жилые постройки и вопрос об их эволюции у населения салтово-маяцкой культуры.

Довольно обстоятельную и обобщающую характеристику жилых построек салтово-маяцкой культуры дал И.И. Ляпушкин в своей фундаментальной работе о салтово-маяцкой культуре[76]. Он считает, что основным видом жилищ населения салтово-маяцкой культуры были полуземлянки, которые по форме он делил на два типа: прямоугольные и округлые. Причем первые, по его мнению, близки славянским лесостепной полосы, которые от салтовских отличаются наличием печей со сводами, расположенных в одном из углов. Таких печей в салтовских жилищах нет. Полуземлянки второго типа, исходя из формы – округлые, еще с более примитивным очагом, чем полуземлянки первого типа - простые костры в центре дают возможность предположить, что это были постройки типа юрты. При этом И.И. Ляпушкин акцентирует внимание на слове «предположить»[77].

[76] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА СССР. – М., 1958. – № 62. – С. 98-101.
[77] Там же. – С. 100

В другом месте своей статьи И.И. Ляпушкин постройки данного типа называет полуземлянками юртообразного типа[78].

И.И. Ляпушкин, рассматривая жилые постройки населения салтово-маяцкой культуры, отмечает, что для каждого поселения, как правило, характерны жилища одного какого-либо типа, за исключением Левобережного Цимлянского городища, где наблюдается довольно сложная этническая картина[79]. И.И. Ляпушкин не выстраивает постройки салтово-маяцкой культуры в какой-либо эволюционный ряд.

В соответствии с рассмотренными типами поселений, в том же эволюционном ключе рассматривает С.А. Плетнева и жилые постройки населения салтово-маяцкой культуры. При этом она отмечает, что жилища являются важнейшим источником для изучения «экономики и культуры народов, обитавших на обширных степных и лесостепных пространствах бассейна Дона и в Приазовье» и в тоже время, подчеркивает, что размещение определенных типов жилищ на исследуемой территории – это очень важный фактор для определения «этнических и хозяйственных групп населения»[80].

Исходя из этих методологических позиций о жилых постройках как историческом источнике, С.А. Плетнева подходит к вопросу и о их классификации. Отмечая высокое качество исследования жилищ Саркела – Белой Вежи, проведенного В.О. Белецким[81], она подчеркивает, что есть возможность классифицировать «не остатки жилых построек», а с учетом этнографического материала – сами постройки[82]. При этом С.А. Плетнева, как она сама отмечает, использует классификации, ещё предложенные

[78] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 142.
[79] Там же.
[80] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 51.
[81] Белецкий В.О. Жилища Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II /МИА СССР. – М., 1959. – № 75. – С. 40-134.
[82] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 51.

Николаем Харузиным в работе 1896 года[83] и делит все жилища салтово-маяцкой культуры на группы: юрты, полуземлянки, наземные. В свою очередь, юрты и полуземлянки ею делятся на типы. При этом, она особо подчеркивает, что форма отопительного устройства не играет существенной роли, так как она очень простая и единообразная на всей территории распространения жилищ салтово-маяцкой культуры – это углублённые тарелкообразные очаги с обожжённым дном. Лишь там, где наблюдаются связи со славянами или их влияние, можно встретить жилища с печами[84].

С.А. Плетнева определяет юрты как характернейшее жилище для кочевий. К первому типу она относит юрты «совершенно не углубленные в землю или углубленные не более чем на 0,2м»[85]. В них встречены очаги в виде «пятен обожжённой земли или тарелкообразных углублений». Диаметр таких юрт не превышает, по мнению С.А. Плетневой, три метра. Среди юрт первого типа встречены и более сложные – двухкамерные жилища «в плане как бы восьмеркообразные», площадь их значительно больше однокамерных[86].

Юрты второго типа углублены в почву на 0,3-05 метров и также, по мнению С.А. Плетневой, могут быть разделены на два вида: однокамерные и двухкамерные.

Юрты, углубленные в землю на 0,5-0,6 метров и даже до 0,8 метров, по мнению С.А. Плетневой, сближаются с полуземлянками, и она их называет «юрты-полуземлянки»[87].

Как отмечает С.А. Плетнева, «чем глубже опущено основание юрты в землю, тем большее сходство приобретает она с обычными жилищами оседлых народов лесостепи – с полуземлянками». С юртами их связывает

---

[83] Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей. – М., 1896. – 124 с.
[84] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 51.
[85] Там же. – С. 52.
[86] Там же. – С. 53.
[87] Там же. – С. 57.

форма – круглая и расположение очага в центре пола, что является «наиболее древней и устойчивой традицией кочевнического дома», которая даже в стационарных жилищах - полуземлянках держалась достаточно долго, ибо, по мнению С.А. Плетневой, расположение очага в центре жилища, это не только бытовая, хозяйственная и конструктивная целесообразность, но и религиозный обряд кочевников,[88] значит и довольно консервативный элемент культуры.

Вторую группу построек – полуземлянки, С.А. Плетнева также рассматривает с позиции смешения двух строительных традиций – оседлой и кочевнической. Оседлая традиция заключается в сооружении полуземляночного котлована, а кочевническая – в месте расположения очага - в центре пола. Вот такие постройки С.А. Плетнева относит к первому типу полуземляночных жилищ. По ее мнению, они ближе всего стоят к древним кочевническим жилищам – юртам и завершают процесс «превращения её из наземной постройки в полуземлянку» с разнообразной деревянной облицовкой стен. [89]

Полуземляночные постройки второго типа, по мнению С. А. Плетневой, содержали очаги, обложенные камнями в одном из углов или у стены, и это «принципиально новый тип жилища». Они отличаются, как считает С.А. Плетнева, большими размерами и большей углубленностью котлована.

По ее представлению, это были первые шаги «кочевников к овладению настоящей печью», и эти постройки мало чем отличаются «от обычных полуземлянок оседлого населения»[90].

Третья группа жилых построек, рассмотренных С.А. Плетневой – это наземные жилища, среди которых она также выделяет два типа. [91] К первому

[88] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 58.
[89] Там же.
[90] Там же. – С. 61.
[91] Там же. – С. 61-63.

типу она относит постройки со стенами из тростника, обмазанные с обеих сторон глиной. В них имелись тарелкообразные очаги. По представлению С.А. Плетневой это были летние жилища. Ко второму типу наземных построек С.А. Плетнева относит здания на каменных цоколях, выложенных из местного рваного камня «в той же технике, что и белокаменные стены городищ». Очаги и в таких постройках «сохраняли прежнюю тарелкообразную форму».

В заключение рассмотрения жилых построек в работе «От кочевий к городам» С.А. Плетнева подчеркивает, что, несмотря на то, что на ряде поселений салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья одновременно могли сосуществовать постройки различных типов – полуземлянки, юрты, глинобитные дома, «что типично для всех кочевых народов», все же, по ее мнению, можно отметить, что для отдельных зон характерно преобладание определенных типов построек: в лесостепи – полуземлянки, в степи – юрты, в приазовских степных поселениях (зимовищах) – глинобитные дома[92].

Таким образом, С.А. Плетнева, с одной стороны, обозначила эволюционный путь развития жилища у населения салтово-маяцкой культуры, и путь, прошедший от кочевания к оседлости, а с другой - определила при этом специфику в этом процессе отдельных регионов (вариантов), связанных с их этническими, историческими и географическими особенностями).

С таких же типологических позиций практически без изменений рассматривает С.А. Плетнева жилые постройки в салтово-маяцкой культуре в обобщающей работе 1981 года[93]. Но в этой работе она уже не поднимает вопрос об эволюционном развитии салтово-маяцкого жилища. Возможно, это связано с тем, что не все исследователи поддержали эту концепцию развития жилых построек у алан и болгар. Л.Г. Нечаева, не возражая против типологии

[92] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 63.
[93] Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М., 1981. – С. 68-69.

жилых построек, предложенной С.А. Плетневой, внеся в нее некоторые конструктивные поправки, отметила, что «нет достаточных оснований выстраивать в один эволюционный ряд все типы жилищ, известных на территории Донецко-Донского междуречья».[94]

Но в публикации материалов Дмитриевского археологического комплекса С.А. Плетнева отмечает, что в полуземляночных жилищах этого памятника проявилась «неустойчивость конструктивных приемов», что свидетельствует, по ее мнению, об отсутствии сложившихся строительных традиций. Это же ею отмечено и на Маяцком и Ютановском селищах. Она отмечает сочетание в Дмитриевских постройках кочевнических черт домостроительства и признаков типичных для оседлого строительства[95]. Эти взгляды С.А. Плетневой перекликаются и в известной степени развивают ее концепцию о салтово-маяцком домостроительстве, изложенной еще в ее работе «От кочевий к городам», о которой речь шла выше.

В одной из последних своих работ С.А. Плетнева обращается к типологии жилых построек салтово-маяцкой культуры в связи с определением ведущих признаков в выделенных ею вариантах в культуре Хазарского каганата. На этом вопросе мы останавливались в предыдущей главе, и сейчас нет смысла повторять всю аргументацию выделенных С.А. Плетневой типов жилищ и связей их с теми или иными вариантами. Напомним только, что в данной книге она практически не выделает каких-либо новых типов построек по сравнению с предыдущими работам. По-прежнему это полуземлянки с очагами, полуземлянки с печами, жилища на каменных цоколях, юртообразные жилища-полуземлянки, юртообразные наземные постройки. Но при этом она подчеркивает «не абсолютное

[94] Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в Железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 22-32.

[95] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 42.

господство» того или иного типа жилищ в том или ином варианте, а «только его преобладание» и то далеко не всегда. Тем самым она еще раз обращает внимание на довольно сложное переплетение разнообразных традиций в салтово-маяцком домостроительстве в отдельных регионах культуры. [96]

Но не нужно думать, что взгляды С.А. Плетневой на домостроительство населения салтово-маяцкой культуры получили всеобщее признание у специалистов. Выше мы останавливались на позиции Л.Г. Нечаевой. Спустя ровно 20 лет после выхода книги «От кочевий к городам», появилось обстоятельное исследование Г.Е. Афанасьева, посвященное лесостепному варианту салтово-маяцкой культуры, в котором жилым постройкам уделено большое внимание.[97] В начале данного раздела Г.Е. Афанасьев подвергает некоторому сомнению правомерность типологии построек, предложенной С.А. Плетневой. Прежде всего, те критерии, по которым она выделает юрты. Он аргументирует свою критику тем, что «трудно говорить о юртах без археологически зафиксированного решетчатого каркаса, стен и их войлочного покрытия»[98]. Но при этом нужно заметить, что решетчатый каркас и войлочное покрытие в силу объективных причин не сохраняются и археологи их вряд ли когда-нибудь исследуют, но есть другие критерии – округлая форма, наличие ямок от кольцевой конструкции, остатки очагов, которые С.А. Плетнева использует для выделения такого типа построек как юрты. Замечания Г.Е. Афанасьева можно рассматривать как пожелание, которое может быть когда-нибудь будет осуществлено.

Г.Е. Афанасьев, как пишет, «не претендует на создание универсальной исчерпывающей типологии жилищ лесостепного варианта СМК»[99]. Он

[96] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 12-14.
[97] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – С. 38-75.
[98] Там же. – С. 38.
[99] Там же. – С. 39.

достаточно подробно рассмотрел критерии, которые, по его мнению, характеризуют жилища и в которых прослеживается их этническое своеобразие. Среди них конструкции стен, форма жилища, их площадь, положение пола (степень углубленности), конструкция крыши, устройство входа, наличие или отсутствие хозяйственных ям внутри постройки, устройство и месторасположение очагов, однокамерные или двухкамерные. На основе сочетания этих признаков Г.Е. Афанасьев выделяет в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры 10 типов углубленных жилищ «с относительно устойчивыми сочетаниями элементов внутренней планировки».[100] Безусловно, такая процедура исследования жилых построек имеет свои положительные стороны. Она позволила Г.Е. Афанасьеву сопоставить, сравнить по выделенным им критериям жилые постройки разных памятников. Но при этом не совсем понятно по каким критериям в число анализируемых им полуземляночных построек Маяцкого селища включены и сооружения округлой формы (9 тип), совершенно не углубленные в материк, с кольевыми ямками по периметру, то есть которые по всем показателям относятся и С.А. Плетневой, и другими исследователями к юртам или юртообразным жилищам.[101]

Определив таким образом специфику построек лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры, Г.Е. Афанасьев задается вопросом об их происхождении - «генезисе традиционного жилища носителей лесостепного варианта СМК»[102]. Естественно, что при этом Г.Е. Афанасьев вступает в дискуссию с некоторыми положениями С.А. Плетневой, предлагавшимися ею в вопросах формирования жилых построек населения салтово-маяцкой культуры. Это прежде всего, ее эволюционные построения в области

[100] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – С. 66.
[101] Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. – С. 24-26.
[102] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – С. 71.

салтовского домостроительства и роль оседлого населения, прежде всего, славян в этом процессе.

Г.Е. Афанасьев категорически отрицает какую бы то ни было роль славянского этноса в освоении народами хазарского каганата некоторых конструктивных особенностей полуземляночных жилых построек. Он пишет: «Очевидно нет необходимости объяснять бытование полуземлянок у населения лесостепной зоны бассейна Среднего Дона не предполагаемым, но пока не доказанным славянским влиянием, ни процессом оседания кочевников».[103] При этом он признает возможность влияния славянских традиций в сооружении печей в салтовских полуземлянках. Как считает Г.Е. Афанасьев аланы, освоившие территорию лесостепного Дона, задолго до миграции в этот регион, освоили «углубленное в грунт жилище квадратно-прямоугольной формы».[104] И в подтверждение этой мысли приводит отдельные разрозненные и в хронологическом, и в территориальном, и, возможно, в этническом плане примеры строительства жилищ, углубленных в землю на Северном Кавказе в первом тысячелетии нашей эры[105].

Г.Е. Афанасьев фактически не только присоединился к мнению Л.Г. Нечаевой, отрицавшей эволюционный ряд салтовских жилищ, предложенных С.А. Плетневой, но и высказал предположение, что круглоплановые жилища в ареале салтово-маяцкой культуры имеют северокавказское происхождение. И делает вывод, что практически все типы жилищ лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры – и полуземлянки, и круглоплановые постройки – уходят своими корнями «в домостроительную традицию северокавказской аланской историко-культурной общности». Но при этом Г.Е. Афанасьев не отрицает малочисленности материала Северного Кавказа для какого-либо

[103] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – С. 72.
[104] Там же.
[105] Там же.

сравнительного анализа построек лесостепной зоны бассейна Дона и Северного Кавказа.[106]

В 1996 году выходит исследование В.С. Флерова, посвященное юртообразным постройкам Восточной Европы, в котором он обобщил весь имеющийся на тот период материал по данному типу жилых сооружений[107]. Прежде всего, В.С. Флеров, как и А.С. Плетнева, подчеркивает, что «трансформация жилища» весьма ярко отражает «эволюцию от кочеваний к оседлости»[108].

В начале своей работы В.С. Флеров излагает свои методические и методологические подходы к проблеме исследования данных построек. Они заключаются в следующем: 1. Он считает, что все привлеченные им к исследованию постройки следует рассматривать как праболгарские «по их происхождению и в большинстве по принадлежности», но при этом отмечает, что «в пределах Хазарского каганата… юртообразные жилища использовались не только болгарами, но и хазарами, а также и аланами»; 2. Совершенно следует исключить из определения подобного рода построек термин «юрты», так как классическая кочевническая юрта «не может оставить археологически прослеживаемых следов», приемлемым может быть термин «круглоплановые постройки»; 3. По той причине, что прототипом этих построек являются кочевнические юрты, можно их обозначить, как считает В.С. Флеров, термином юртообразные.[109]

В.С. Флеров дает подробную сводку практически всех известных на середину 90х гг. XX века построек данного типа, рассматривает их некоторые конструктивные особенности, специфику, намечает определенную схему их классификации. Процесс эволюции юрты и развития на ее базе

---

[106] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – С. 73-75.
[107] Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – 100 с.
[108] Там же. – С.3.
[109] Там же.

юртообразных разнохарактерных построек, по мнению В.С. Флерова, можно разделить на три стадии (ступени), «в которых шло создание оптимального юртообразного жилища».[110]

Первая стадия - наиболее ранние наземные постройки без котлованов со слабо прослеживаемыми очагами. Они не многочисленны и их сложно обнаружить. Вероятность их распространения – это степные кочевья. Вполне возможно, считает В.С. Флеров, что это и остатки обычных кочевнических юрт.

Вторая стадия более выразительная с точки зрения возможности выявления построек. Они рассчитаны на долговременное пользование, имеют заглубленность от 0,1 до 1 метра. Фактически это полуземлянки, сохраняющие интерьер юрты и ее округлость. Очаг сохраняется в первозданном виде, но изредка в нем появляются камни. Это самый, как считает В.С. Флеров, распространенный вид юртообразных построек.

И наконец, третья стадия (ступень) эволюции юртобразных жилищ, по мнению В.С. Флерова, «характеризуется введением в юртообразные постройки элементов славянского домостроительства», которые возникают непосредственно в зонах взаимодействия праболгар и славян.

В.С. Флеров, намечая линию развития традиционного жилища кочевников, особенно подчеркивает, что переход к оседлости требовал не приспособления к нему старого жилища, а освоения принципиально нового, что и произошло на большей части территории Хазарского каганата, где население перешло к прямоугольным полуземлянкам, но с традиционным очагом, а в ряде районов не без влияния славян[111]. В этом отношении В.С. Флеров, с одной стороны, во многом приблизившись к взглядам С.А. Плетневой на проблему эволюции кочевнического жилища, развил их дальше, посмотрев на эту проблему более широко и в хронологическом и в

[110] Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – С. 59.
[111] Там же. – С. 59-60.

территориальном плане, с другой, есть определенное различие во взглядах С.А. Плетневой и В.С. Флерова. С.А. Плетнева, как отмечалось выше, практически все типы и варианты жилых построек салтово-маяцкой культуры выстроила в определенную эволюционную систему, включив в нее и полуземляночные постройки с очагами разного типа, усмотрев в этом определенное влияние оседлого славянского населения. В.С. Флеров, как отмечалось, видел в полуземлянках совершенно новый тип построек никоим образом, не связанный с кочевническими традициями построения жилища, но и роль славянского мира в этом процессе, по его мнению, достаточно велика.

Таким образом, к настоящему времени наметились три линии развития и появления разнотипных жилищ у населения салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата. Одна из них изложена Г.Е. Афанасьевым, касается только лишь лесостепного варианта. Вторая в значительной степени степной зоны и лишь отчасти лесостепной, предложенная В.С. Флеровым. И, наконец, третья концепция С.А. Плетневой охватывает практически весь ареал культуры и все этносы в нее входящие. Она представляется более универсальной и более исторической, хотя, наверное, не без изъянов. Предложенная С.А. Плетневой эволюционная схема жилых построек была довольно успешно применена К.И. Красильниковым при анализе материала с памятников населения Среднего Донца.[112]

3.3. Хозяйственная деятельность населения салтово-маяцкой культуры в оценке отечественной историографии второй половины XX века.

Впервые к масштабной характеристике хозяйственной деятельности населения салтово-маяцкой культуры, как, впрочем, и к другим проблемам,

[112] Красильников К.И. Население среднедонечья в VIII – начале X веков (салтово-маяцкая культура на Среднем Донце): автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1980. – 23 с.

С.А. Плетнева обращается в своей фундаментальной работе «От кочевий к городам». При этом нельзя сказать, что в этой области изучения культуры у нее не было предшественников. Но, нужно заметить, что в связи с малым количеством материала в первой половине XX века в литературе, экономика населения салтово-маяцкой культуры освещалась достаточно слабо.

В 1949 году в своей диссертации «Верхнее Салтово (салтовская культура) Н. Я. Мерперт практически избегает рассмотрения вопросов развития хозяйства, ссылаясь на слабую изученность городища. Он лишь вскользь касается производственных процессов, отмечая обособление гончарного ремесла и металлообработки от домашних промыслов, а также наличие обширных торговых связей.[113]

В 1958 году вышел первый том трудов Волго-Донской экспедиции по исследованию Саркела – Белой Вежи, в котором содержится большая обобщающая статья по итогам работы на этом памятнике руководителя экспедиции М.И. Артамонова. Он не мог обойти стороной и вопросы хозяйственной деятельности населения, обитавшего в крепости Саркел[114]. М.И. Артамонов дает общую характеристику керамики, керамического производства в Саркеле. Особенно отмечает наличие пашенного земледелия, использование тяжелого плуга «для вспашки тяжелых степных почв», возделывание просо, ячменя, пшеницы, конопли. О занятии земледелием, как считает М.И. Артамонов, свидетельствуют большие зерновые ямы, орудия для уборки и обработки урожая (серпы, жернова). Выращивали жители Саркела бахчовые и огородные культуры. М.И. Артамонов останавливается на характеристике домашнего животноводства. Отмечает наличие крупного и мелкого рогатого скота, свиней, подчеркивает большую значимость

[113] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (Салтовская культура). Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук // НА ИА РАН. Р 2. № 884. – С. 400.

[114] Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 31-45.

молочного хозяйства в быту населения крепости. Он выделил определенную роль охоты, которая, по мнению М.И. Артамонова, «была не только важным подспорьем в сельском хозяйстве, но и занятием для тренировки воинов».[115]

Кроме различных сельскохозяйственных производств и промыслов, М.И. Артамонов отмечает наличие у жителей Саркела ряда ремесленных отраслей: гончарное дело, косторезное производство, некоторые элементы местной металлообработки. Материалы раскопа хазарского слоя Саркела свидетельствуют, как подчеркивал М.И. Артамонов, о наличии определенных внешнеэкономических связей его населения. Конечно, нужно иметь ввиду, что М.И. Артамонов в данной работе не ставил перед собой задачу подробно и всестороннее рассмотреть хозяйственную деятельность жителей крепости, он наметил лишь основные ее направления, получившие более тщательный и подробный анализ в обширной статье И.И. Ляпушкина «Салтово-маяцкая культура», помещенной в этом же томе трудов Волго-Донской экспедиции.[116]

И.И. Ляпушкин значительно расширил источниковую базу для характеристики хозяйства, привлек материалы не только Левобережного Цимлянского городища, но и всех памятников, изучавшихся им в зоне затопления Цимлянского водохранилища, а также материалы, полученные им в ходе исследования Правобережного Цимлянского городища еще в довоенный период. Прежде всего, стоит отметить, что И.И. Ляпушкин дал довольно обстоятельную характеристику керамического комплекса, разделив его на три основные группы – кухонные сосуды, тарные и столовые. Рассмотрев имеющийся археологический источник по хозяйственной деятельности населения салтово-маяцкой культуры, он пишет, что «одним из основных занятий было земледелие», о чем свидетельствуют и находки зерен

[115] Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. – С. 39.
[116] Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА СССР. – М., 1958. – Вып. 62. – С. 85-150.

ячменя, пшеницы, просо и пахотных орудий, и предметов, связанных с уборкой урожая. Обращает внимание И.И. Ляпушкин и на большую роль домашнего животноводства, домашних промыслов. Как и М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин пишет о развитии ряда ремесленных производств – гончарного, деревообрабатывающего. К сожалению, отмечает он, очень мало источников, свидетельствующих о металлургии, металлообработке, ювелирных ремеслах. Он поднял вопрос о внешнеэкономических связях, но при этом заметил, что «ни о характере этих связей, ни об объеме их судить также нет никакой возможности».[117]

Таков был историографический фон, на котором проблему хозяйственной жизни населения салтово-маяцкой культуры подняла С.А. Плетнева. Но в отличие от своих предшественников, она значительно расширила источниковую базу за счет привлечения археологических материалов из раскопок Дмитриевского комплекса, раскопок Правобережного Цимлянского городища 1958-1959 годов, материалы раскопок других исследователей (В.К. Михеев), которые к тому времени еще не были опубликованы. Широко использованы письменные источники. Это дало возможность С.А. Плетневой охватить более широкую территорию распространения памятников салтово-маяцкой культуры, различных ее вариантов и что самое важное, провести сопоставления по формам, качеству и специфике развития отдельных отраслей хозяйства в степных, лесостепных районах территории Хазарского каганата. Рассмотрев в эволюционном плане и поселения, и жилища населения салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнева отмечает, что эта эволюция предопределила «взлет культуры, поскольку в экономике появились новые мощные движущие силы – земледелие и ремесло».[118]

[117] Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. С. 136.
[118] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 144.

Как и ее предшественники, С.А. Плетнева дает подробный анализ орудий труда для возделывания почвы. Среди них лемехи, чересла, найденые в Саркеле, в Правобережном Цимлянском городище, на городище Маяки (раскопки В.К. Михеева). Автор также привлекает материалы, обнаруженные на территории Дунайской Болгарии. С.А. Плетнева высказала предположения, что некоторые типы пахотных орудий донские алано-болгарские племена «видимо заимствовали… от своих дунайских сородичей, несмотря на теснейшие связи с Закавказьем».[119]

Ко второй группе орудий труда, связанных с земледелием, С.А. Плетнева относит серпы и косы, предназначенные для уборки урожая. Причем она отмечает, по примеру древнерусских земледельческих орудий, что наральники и косы, встречающиеся на Правобережном Цимлянском городище в жилищах первого периода развития салтово-маяцкой культуры (конец VIII – первая половина IX веков), появились в Подонье одновременно[120]. С.А. Плетнева придает большое значение находке на Правобережном Цимлянском городище виноградного ножа, который подтверждает сообщения письменных источников о виноградниках, разводимых в Хазарском каганате.

О степени развития скотоводства и его направленности, С.А. Плетнева делает выводы, как и ее предшественники по исследованию салтово-маяцкой культуры, на основе остеологического материала, полученного из раскопок поселения, и публикует таблицу без материалов Саркела (которые будут ею опубликованы позже)[121], из которой хорошо видно, что в составе стада преобладали крупный рогатый скот, но вместе с тем, значительное место занимает овца (как отмечает С.А. Плетнева: «животное, типичное для кочевого хозяйства»). Вместе с тем она подчеркивает, что значительное количество свиней «…свидетельствует о прочной оседлости некоторой части

[119] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 146.
[120] Там же. – С. 147.
[121] Там же.

жителей этих поселений». При этом она обращает внимание, что на Дмитриевском поселении количество свиней гораздо больше, чем на степных поселениях и объясняет это «большими размахами кочевого хозяйства на юге».[122] Говоря о некоторой специфике животноводческого хозяйства в отдельных вариантах салтово-маяцкой культуры, она большое внимание акцентирует на общих моментах в составе стада животных, связанных с процессом оседания кочевников. Как и М.И. Артамонов, и И.И. Ляпушкин, С.А. Плетнева большое количество костей диких животных, рыб, находимых на салтово-маяцких поселениях, связывает с охотой и рыболовством, подчеркивая, что в жизни кочевых и полукочевых народов, эти отрасли хозяйства играли очень важную роль. Но и здесь она отмечает, что рыболовство как отрасль хозяйства далеко не в одинаковой степени была характерна для отдельных поселений, даже в тех районах салтово-маяцкой культуры, например, на нижнем Дону, «где все поселения находились в одинаково благоприятном для рыбного промысла условиях».

Эти взгляды С.А. Плетневой на сельскохозяйственную деятельность и промыслы населения салтово-маяцкой культуры со времени выхода книги «От кочевий к городам» не претерпели каких-либо принципиальных изменений. В последующих работах они уточнялись, дополнялись, конкретизировались.

В обобщающей статье «Салтово-маяцкая культура» в серии «Археология СССР» этому вопросу практически не уделено внимания. Лишь в одном абзаце повторены основные положения, изложенные в книге «От кочевий к городам»[123]. В монографии, в которой опубликованы материалы Дмитриевского комплекса памятников, о сельскохозяйственных занятиях и промыслах этого населения вообще ничего не сказано[124].

[122] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 148.
[123] Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура – С. 72.
[124] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – 285 с.

Интересное наблюдение было сделано С.А. Плетневой при анализе рисунков, оставленных на стенах Маяцкого городища, где помимо коней, были изображения, которые, по ее мнению, подчеркивали «типичность состава стада», состоящего из коров и коз[125].

В двух статьях, посвященных публикации и анализу материала раскопа Правобережного Цимлянского городища, С.А. Плетнева внесла некоторые уточнения и дополнения в характеристику хозяйственной деятельности обитавшего там населения. Она еще раз подчеркнула высокий уровень земледельческого хозяйства, о чем свидетельствует, прежде всего, набор железных сельскохозяйственных орудий – лемехи, чересла, мотыги. Из приведенных таблиц костных остатков вполне закономерен вывод С.А. Плетневой о преобладании на поселениях костей домашних животных, «что свидетельствует о развитом полукочевом или даже оседлом образе жизни, во всяком случае, большинства жителей».[126] Наличие свиней в составе стада свидетельствует, по ее мнению, не только об оседлости населения, «но и об абсолютном неприятии этим населением иудаизма, который расцветал тогда среди каганского окружения».[127]

С.А. Плетнева еще раз обращает внимание на достаточно высокий уровень развития рыболовства. Обнаруженные значительные скопления чешуи, костей крупных осетровых рыб, большое количество разнообразных орудий для ловли рыбы тому подтверждение[128].

В начале данного раздела работы отмечалось словами С.А. Плетневой, «что уровень развития салтово-маяцкой культуры определялся степенью освоения ее населением земледелия и характером ремесленного производства

---

[125] Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища //Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 93.
[126] Плетнева С.А. История одного хазарского поселения //СА. – 1993. – №3. – С. 60.
[127] Там же. – С. 61.
[128] Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище: Раскопки 1958-1959 годов //МАИЭТ. – Симферополь, 1999. – С. 324-325.

при наличии и других отраслей хозяйства», о которых речь шла выше. Из ремесленных производств на одном из первых мест, «конечно, стоит керамическое производство, которое особенно выразительно, благодаря неограниченному числу находок».[129]

Колоссальную работу провела С.А. Плетнева в деле изучения керамического производства салтово-маяцкой культуры. Она не только разработала классификацию для основных групп керамики, но и выделила основные центры её производства.

Впервые, обстоятельная и достаточно подробная статья, посвященная керамике Саркела – Белой Вежи, вышла в 1959 году, где большое внимание было уделено изучению керамики хазарского периода.

Ею обработана огромная коллекция, насчитывающая более 150 тысяч фрагментов сосудов. Из них целых и восстановленных около 400. Значимость работы над этой керамической коллекцией была велика, так как «…на этом городище представлена в основном вся керамика юго-востока IX-XII веков». Ею применен типологически-стратиграфический метод при изучении этой керамики, который еще в конце 30 гг. XX века успешно использовал И.И. Ляпушкин при исследовании керамики Таманского городища[130]. Это дало возможность вычленить в керамическом комплексе Саркела – Белой Вежи салтово-маяцкую керамику, керамику славянскую, кочевническую IX-XII веков, тарную посуду, свидетельствующую о широких торговых связях. Здесь мы увидели впервые по существу тщательно и подробно разработанную типологию салтово-маяцкой керамики, которая стала базовой основой для рассмотрения керамических комплексов в последующих исследованиях С.А. Плетневой с определенными дополнениями и уточнениями для каждого конкретного памятника или варианта культуры.

[129] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 151.
[130] Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи //МИА СССР. – М., 1959. – № 75. – С. 212.

Вся салтово-маяцкая керамика Саркела по качеству теста и орнаментации была поделена С.А. Плетневой на 2 отдела: I – сероглиняная, желтоглиняная, красноглиняная, большинство сосудов покрыты лощением (кувшины разнообразной формы и пифосообразные горшки, пифосы, кружки, приземистые горшки); II – это керамика из серой и желтой глины с большим содержанием кварцевого песка: «почти все типы керамики этого отдела покрыты орнаментом в виде нарезных параллельных линий и волны».[131] В основном в этот отдел входила кухонная посуда (горшки, миски, светильники, котлы с внутренними ушками).

В данной работе С.А. Плетнева пишет, что линейно-волнистый орнамент на кухонных горшках сближает их со славянской керамикой, но считать «кухонные салтово-маяцкие горшки славянскими не представляется возможным, поскольку они отличаются от последних тестом, формой и манерой нанесения орнамента».[132]

Вместе с тем С.А. Плетнева считает, что только на основании керамического материала говорить об этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры «было бы опрометчиво». Этот источник лишь позволяет сделать вывод «об этнической пестроте салтово-маяцкой культуры».[133]

С.А. Плетнева отмечает, что изготовленная на круге салтово-маяцкая керамика является ведущей в хазарском слое, а значит в Саркеле было хорошо развито гончарное ремесло. Мастера изготавливали самые разнообразные виды керамических изделий и обжиг производился в печах, обнаруженных М.И. Артамоновым еще в 30 годах XX века в окрестностях Саркела. [134]

В работе «Средневековая керамика Таманского городища», написанной по материалам раскопок этого памятника экспедицией Б.А. Рыбакова в 1952-

[131]Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи. – С. 220.
[132] Там же. – С. 225.
[133] Там же.
[134] Там же. – С. 271.

1955 годах, в которой С.А. Плетнева принимала участие, она на основе стратиграфического типологического анализа керамического материала установила наиболее характерные типы керамических изделий для хазарского слоя данного памятника. Среди них, прежде всего, кухонные и гончарные горшки яйцевидной или шаровидной формы, «являющиеся характернейшей находкой на всех поселениях и могильниках VIII-X веков Подонья, Приазовья, отчасти Крыма, Северо-Восточной Болгарии».[135] Она в этой работе еще раз обращает внимание, что эти горшки с линейно-волнистым орнаментом нельзя отождествлять со славянской керамикой X века, что имело место у отдельных исследователей[136].

В этой статье С.А. Плетнева продемонстрировала свое умение сделать из археологического материала источник для решения общеисторических проблем. Она убедительно пишет, что керамический комплекс времени Таматархи свидетельствует о широком внедрении гончарного круга и появления в городе собственного городского ремесленного производства. И связано это с появлением нового населения, пришедшего сюда вместе с «хазарскими властями»: «Скорее всего, это были аланские и болгарские отряды и небольшие группы, сбежавшие с предгорий Кавказа и Прикубанья от опустошительных походов арабских полководцев Масламы и Мервана в первой половине VIII века».[137]

В итоговой книге на конец 60х гг. С.А. Плетнева помещает главу, посвященную анализу керамического комплекса, базируясь на своих двух обширных статьях о керамике Саркела и Таманского городища, а также работах своих предшественников по изучению салтово-маяцкой культуры – М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, Н.Я. Мерперта и других[138].

---

[135] Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища //Керамика и стекло древней Тьмутаракани. – М., 1963. – С. 20.
[136] Там же. – С. 23.
[137] Там же. – С. 67.
[138] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 103-134.

Всю керамику салтово-маяцкой культуры она делит по способу использования на группы: кухонная, столовая (парадная) и тарная. А затем каждая группа разделена на отделы, типы и виды. Необходимо сразу отметить, что эта типология довольно четкая и последовательная. Самая массовая группа, конечно, кухонная керамика, которая по технике производства делится на три отдела – лепная, изготовленная без гончарного круга; круговая, сделанная на ручном и, возможно, на ножном круге; лепная, но подработанная или изготовленная на ручном круге из теста с примесями шамота или дресвы. Затем каждый отдел рассмотрен с точки зрения формы, состава глиняного теста и самое главное – географии распространения. Горшки первого вида – лепные, изготовленные без гончарного круга, как правило, слабо профилированные, яйцевидной формы, с примесями дресвы, морской ракушки, речного песка, рубленой травы, чаще всего, без орнамента. Как отмечает С.А. Плетнева, этот тип посуды «появился в степях задолго до формирования салтово-маяцкой культуры».[139] Встречаются эти сосуды на значительной территории – на всех степных болгарских поселениях VIII-IX вв. – «северная граница их распространения совпадает с границей степи-лесостепи»[140].

Горшки второго отдела – круговые кухонные сосуды, которые С.А. Плетнева подразделяет на 2 типа: тип А – круговые кухонные горшки, составляющие «характернейшую находку на всех степных памятниках VIII-IX вв.».[141] Это горшки яйцевидной или шаровидной формы со слабо отогнутым венчиком, со специфическими примесями в каждом районе: в Подонье – кварцевый речной песок, в Приморье – морской песок с примесями белой ракушки. Эти горшки имеют чрезвычайно устойчивый орнамент - линейно-волнистый. Самые крупные сосуды использовались не только как кухонные, но и как тарные, и играли роль небольших пифосов.

[139] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 104.
[140] Там же. – С. 106.
[141] Там же.

Говоря о географии распространения данного типа горшков, С.А. Плетнева подчеркивает, что «граница массового распространения горшков исследуемого типа на севере, совпадает с границей степи и лесостепи»[142] и в основном они характерны для степных болгарских памятников. Но при этом она отмечает, что в небольшом количестве данный тип керамики встречается и на лесостепных поселениях. Рассматривая этот тип горшков, С.А. Плетнева еще раз обращает внимание на несостоятельность взглядов некоторых исследователей о принадлежности всех горшков с линейно-волнистым орнаментом славянам[143].

Рассматривая вопрос о географии распространения круговых кухонных горшков, она подчеркивает, что изготовляли их в различных ремесленных центрах. Она намечает два больших района производства горшков этого типа – приморский и донской, к которому относит Саркел и его округу. Но при этом обращает внимание на то, «что производство круговых горшков было налажено почти в каждом более-менее крупном земледельческом поселке»,[144] подчеркивая, что особенно развито было их производство в городских центрах, но «всюду, несмотря на частичное различие горшки эти были исключительно однообразны, что свидетельствует о высоком развитии производства».[145]

Во втором типе – Б – второго отдела кухонной керамики С.А. Плетневой рассматриваются глиняные котлы с внутренними налепными ушками для подвешивания над открытым очагом, которые появились в быту народов Подонья и Приазовья. Она отмечает их малочисленность на памятниках в Саркеле, на Правобережном Цимлянском городище, в Фанагории, в Таматархе и других поселениях. Она высказала весьма интересную мысль, что кочевники, оседая на землю и строя стационарные

[142] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 106.
[143] Плетнева С.А. Указ. соч. – С. 107.
[144] Там же.
[145] Там же. – С. 108.

жилища с традиционными открытыми очагами, начали более активно пользоваться глиняными котлами, которые удобно было вешать над очагом – «глиняные котлы стали специфической особенностью только что осевших кочевников».[146] В Саркеле они появились в слоях середины IX века, а к концу этого века их производство прекратилось. С.А. Плетнева особенно подчеркивает, что горшкообразные котлы, распространенные в Подонье и Приазовье, не следует смешивать с северокавказскими - «они имели другую форму и другое происхождение».[147]

К третьему отделу кухонной посуды С.А. Плетнева относит горшки яйцевидной формы, «изготовленные на малоподвижном ручном гончарном круге, а некоторые даже сформованы от руки на подвижной подставке».[148] Сделаны из теста с примесью шамота, выделены два вида горшков: первый – горшки, изготовленные из более качественного теста с мелкими примесями, сформированные на гончарном круге, украшенные линейным орнаментом. Второй вид – горшки, сделанные из довольно грубого вида теста с крупным шамотом, большинство из них также изготовлено с помощью круга, но есть и лепные сосуды. Эти горшки предназначены для хранения сухих продуктов. Горшки третьего отдела, по мнению С.А. Плетневой, в основном характерны для лесостепных районов Дона, но подчеркивая при этом, «что бросается в глаза разница между кухонной керамикой южных и северных районов Подонья».[149] Использование шамота в керамическом тесте С.А. Плетнева объясняет близостью славянского населения к салтово-маяцким поселениям и определенными связями их с северными соседями, от которых «был заимствован и навык приготовления теста для горшков». По мнению С.А. Плетневой, лесостепной регион был «глухой провинцией» Хазарии и сюда редко попадала высококачественная посуда из мастерских, а собственных

[146] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 109.
[147] Там же. – С. 110.
[148] Там же.
[149] Там же. – С. 112.

здесь не было. Сразу заметим, что в данном вопросе С.А. Плетнева ошибалась, ибо уже через несколько лет, во второй половине 70х гг. на Маяцком селище были открыты специализированные гончарные мастерские и печи для обжига керамики. О них будет сказано несколько ниже.

Вторая группа керамики, выделенная С.А. Плетневой, столовая: кувшины разнообразных типов, кубышки, пифосы. Посуда этой группы изготовлялась из хорошего плотного теста с лощеными поверхностями, ровным обжигом. Как отмечает С.А. Плетнева, столовая посуда на территории Подонья и Приазовья распространена довольно равномерно и на кочевьях, и на поселениях, и в городах, но «массовый материал, дающий представление во всем разнообразии этой группы, приносят раскопки могильников».[150] Среди лощенной посуды С.А. Плетнева выделяет горшки-корчаги с высоким вертикальным венчиком, крутыми плечиками, которые, по ее мнению, не свойственны салтовской керамике. Она обратила внимание, что это славянская форма сосудов (по И.И. Ляпушкину), но по технике изготовления (лощение, тесто) – салтовские, и большинство их встречено на памятниках волынцевской культуры, которая в основе своей славянская[151]. В настоящее время практически все археологи-слависты данный тип керамики рассматривают как синтез славяно-салтовских традиций в керамическом производстве, но С.А. Плетнева одна из первых обратила на это внимание.

Подводя общий итог рассмотрению керамики первых двух групп, С.А. Плетнева отмечает, что в целом керамический комплекс представляет единое целое, несмотря на некоторые различия в форме и технологии изготовления отдельных сосудов.[152]

В группу тарной керамики С.А. Плетнева включила амфоры, красноглиняные кувшины. Она намечает центр производства амфор: приазовские города, Восточный Крым, Саркел. Распространение амфор, по

[150] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 115.
[151]Там же. – С. 121.
[152] Там же. – С. 122.

мнению С.А. Плетневой, свидетельствует не только о центрах производства, но и о внутренней государственной торговле. А что касается верховьев Дона, то туда амфоры доходили очень редко, считает С.А. Плетнева.[153]

Заканчивая обзор салтово-маяцкой керамики, С.А. Плетнева подчеркивает, что она отличается большим «разнообразием форм, орнаментов и технических приемов» и свидетельствует о переходе в VIII-IX веках от ручного способа производства керамики к изготовлению посуды на гончарном круге[154]. При этом она отмечает, что и предложенный анализ керамики салтово-маяцкой культуры не исчерпывает всех проблем. Многие вопросы, особенно технология производства, освещены достаточно бегло. Это тема специального исследования.

В разделе «Салтово-маяцкая культура», помещенном в томе «Степи Евразии в эпоху Средневековья», характеристика керамики в основном повторяет то, что было изложено в книге «От кочевий к городам». Добавлено лишь упоминание о некоторых гончарных печах, открытых на Осколе, Северском Донце.[155]

К типологии салтово-маяцкой керамики С.А Плетнева вновь возвращается при публикации материалов Дмитриевского археологического комплекса памятников[156].

В основу анализа керамики положен керамический комплекс Дмитриевского могильника, который дал огромную коллекцию – около 400 сосудов. Практически все целые формы опубликованы в данной книге.[157]

И в этой книге С.А. Плетнева придерживается тех же принципов классификации керамики, что и в предыдущих, выше проанализированных работах. Прежде всего речь идет о делении по функциональному

[153] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 131.
[154] Там же. – С. 133.
[155] Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура. – С. 72-74.
[156] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 121-144.
[157] Там же. – С. 71-79.

предназначению, затем по технологическому принципу: сосуды, сделанные на ручном гончарном круге или подправленные на нем; лепные от руки сосуды без применения гончарного круга. Отдельно выделена импортная, привозная керамика. Относительно столовой керамики С.А. Плетнева отмечает, с одной стороны, что типология дает представление о многообразии и богатстве керамического материала могильника, с другой, типология позволяет увидеть своеобразие каждого комплекса и «необычайную перемешанность сосудов различных типов, видов, отделов в каждом из них».[158]

Относительно кухонной посуды - горшков, изготовленных на круге, С.А. Плетнева еще раз отмечает, что изготавливались они с примесью дресвы, шамота, что является признаком аланского варианта салтово-маяцкая культуры в отличие от кухонных горшков степного варианта (в основном болгарского), где использовался речной песок. Она просматривает разницу кухонных горшков этих двух вариантов и в характере нанесения линейно-волнистого орнамента сосудов. Но при этом она подчеркивает, что, несмотря на этническое различие и в характере теста, и в орнаментации, и в пропорциях, они достаточно единообразны в рамках единой культуры[159].

На Дмитриевском селище в ряде построек С.А. Плетнева проследила следы гончарного производства, квалифицировав их как мастерские. Она выделила отдельный район в границах поселения, в котором обнаружены, как она считает, производственные сооружения. С.А. Плетнева пишет: «выделение этого района является свидетельством начала гончарного ремесла на поселении», но тут же отмечает, что, несмотря на появление ремесла и возможно специалистов-ремесленников, «изготовление грубой керамики оставалось в руках женщин».[160]

---

[158] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 136.
[159]Там же. – С. 139-140.
[160] Там же. – С. 60.

Высокий уровень развития гончарного ремесла в лесостепном варианте проследила С.А. Плетнева на Маяцком селище во время работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Здесь на склоне северной части Маяцкого мыса, отделенного глубоким оврагом, выявлен комплекс построек, связанный с гончарным ремесленным производством.[161]

В течение 3 полевых сезонов (1979-1981 гг.) С.А. Плетневой совместно с К.И. Красильниковым была вскрыта площадь 330 кв. метров. Здесь были выявлены 4 мастерские, 4 гончарные печи. На поверхности и в раскопе обнаружено огромное количество обломков разнообразной посуды: горшки, котлы, лощеная керамика. Вся керамика без каких-либо следов ее использования в быту, в повседневной жизни. Точно также все вскрытые мастерские не содержат каких-либо материалов, свидетельствующих об их стационарном жилом характере. В данном случае перед нами чисто ремесленный комплекс, на что и обратили внимание авторы статьи.

Эти мастерские, как пишут С.А. Плетнева и К.И. Красильников, «снабжали керамическими изделиями разных типов, видимо, не только собственно Маяцкое поселение, но и синхронные с ними большие и мелкие окрестные поселки».[162] Наличие этого комплекса, изолированного специализированного района является, по мнению авторов этого открытия и публикации материалов, ярким свидетельством уже достаточно высокого уровня развития ремесла, «которое прочно перешло из рук женщин-хозяек в руки ремесленников мужчин».[163]

О высоком уровне развития гончарного ремесла в лесостепном варианте салтово-маяцкая культуры свидетельствуют выявленные раскопками горны и гончарные мастерские на Ольшанском городище,

---

[161] Плетнева С.А., Красильников К.И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса //Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 92-139.
[162] Там же. – С. 119.
[163] Там же. – С. 28.

расположенном несколько выше по течению реки Тихая Сосна от Маяцкого селища.[164]

Исходя из данного материала, трудно согласиться с С.А. Плетневой, утверждавшей, что удаленность лесостепного региона от экономически развитых центров южных районов салтово-маяцкой культуры сказалась на некотором отставании в развитии ремесла в этом регионе.

Но справедливости ради нужно отметить, что уже в совместной монографии с А.З. Винниковым, посвященной публикации материалов Маяцкого селища, в главе, написанной С.А. Плетневой, она внесла существенные уточнения о степени развития гончарного ремесла у населения Маяцкого селища. Она пишет: «На Маяцком поселении гончарное дело стало отдельной отраслью хозяйства и превратилось в товарное производство. Подобные территориально выделенные мастерские на землях Хазарии пока известны только в Крыму и в Саркеле, то есть в наиболее развитых экономически регионах каганата. Видимо, таким же развитым экономическим комплексом было и большое Маяцкое поселение».[165]

В «Очерках хазарской археологии» С. А. Плетнева подводит итоги своих многолетних исследований в области керамического производства и типологии керамики салтовской культуры. Она в основном повторила те же выработанные на огромном источниковом материале принципы деления керамики степного и лесостепного вариантов, изложенные в предыдущих работах: для лесостепного варианта характерны горшки с примесями толченого шамота, дресвы, иногда даже железного шлака, в степных вариантах в составе глиняного теста в качестве примесей использовался

---

[164] Якименко Е.В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988-1999 гг. //Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Воронеж, 1994. – №2. – С. 51-66.

[165] Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – С. 157.

речной и морской песок, дробленая ракушка. Она подчеркивала, что эти и другие «признаки кухонных горшков очень устойчивы и показательны».[166]

В последнее время Г.Е. Афанасьев издал ряд работ, в которых подверг сомнению некоторые принципы членения керамики по вариантам, предложенные С.А. Плетневой.[167] Основные выводы в работах Г.Е. Афанасьева сводятся к тому, что примеси, и в целом, формовочное тесто кухонных горшков населения салтово-маяцкой культуры не могут служить для определения каких-либо этнических групп данной культуры. «Ни морфологические, ни технико-технологические характеристики горшков салтово-маяцкой культуры не позволяют говорить об их этнокультурных свойствах».[168] Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу с Г.Е. Афанасьевым, это не входит в задачу нашей работы, отметим только, что выводы С.А. Плетневой построены и опираются на лично ею обработанные огромные керамические коллекции Саркела, Тамани, Правобережного городища, Дмитриевского могильника и поселения, и ряда других памятников. Ее система доказательств в данном случае выглядит более предпочтительно, чем выводы Г.Е. Афанасьева, базирующиеся на анализе отдельных фрагментов и взятых достаточно выборочно аналогиях и параллелях. Но в то же время, не учитывать взгляды Г.Е. Афанасьева на развитие керамического производства населения салтово-маяцкой культуры, также нельзя, ибо и сама С.А. Плетнева многократно подчеркивала, что изучение керамики салтово-маяцкой культуры «…нужно продолжать причем, естественно, на методическом более совершенном уровне».[169] Об

---

[166] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 17-19.

[167] Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? //РА. – 2013. – №3. – С. 13-25; Он же. Утолщители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак //Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. – М., 2013. – С. 34-50.

[168] Афанасьев Г.Е. Утолщители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак. – С. 23.

[169] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 17.

этом же она писала еще раньше при полной публикации материалов Правобережного Цимлянского городища.[170]

Что касается других ремесел, то С.А. Плетнева подчеркивала, что большинство предметов, характеризующих материальную культуру населения салтово-маяцкой культуры и «сделанных руками жителей Подонья и Приазовья… свидетельствуют о высоком развитии производительных навыков и ремесел».[171]

В работе «От кочевий к городам» С.А. Плетнева не дает характеристику самого ремесленного производства, его организации, мастерских. Речь не идет о специализации. С одной стороны, ей не позволяла имеющиеся на тот момент источниковая база, с другой – она ссылается на то, что салтовское ремесло являлось темой специального исследования харьковского археолога В.К. Михеева.[172] Она ограничилась лишь перечислением известных ремесленных орудий, которыми пользовались, по ее мнению, салтовцы - железные наковальни, молоты, напильники, ювелирные молотки, шарнирные ножницы для резки металла, пинцеты, сверла, резцы, долота и другие орудия. Исходя из этого самого общего перечня ремесленных орудий, С.А. Плетнева делает весьма обоснованный вывод, «что салтовские мастера обладали прочными технологическими навыками и работали они на заказ и на продажу».[173]

На обозначенной производственной базе мастера имели возможность изготавливать самый разнообразный бытовой инвентарь – оружие, сбруйные наборы, пояса, украшения с серебряными бляшками, пряжки, поясные наконечники. По всем этим категориям предметов С.А. Плетнева дает

---

[170] Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище: раскопки 1958-1959гг. – С. 326.
[171] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 151.
[172] Спустя почти 20 лет вышла работа В.К. Михеева - «Подонье в составе Хазарского каганата», Харьков, 1985. 148с. В книге даны характеристики ряда ремесел населения Хазарского каганата (гончарного, металлургии и металлообработки, включая и цветных металлов).
[173] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 153.

достаточно четкую типологию в книге «От кочевий к городам», получившую дальнейшее развитие и подтверждение в ряде других работ и прежде всего в публикации материалов Дмитриевского археологического комплекса.[174]

В ряде статей С.А. Плетнева обращается к проблеме ремесленного производства отдельных отраслей. Публикуя вместе с Т.И. Макаровой один из замечательных кладов, обнаруженных в 1949 году в культурном слое Саркела (работа Волго-Донской экспедиции), она рассматривает возможность местного производства поясных наборов ювелирного ремесла. Хотя статья совместная, но есть все основания предполагать, что основная ее часть, то есть то, что связано с анализом саркельского хазарского слоя, написана С.А. Плетневой.[175] Она связывает бляшки поясных наборов, оказавшиеся в саркельском кладе, с работой местных мастеров. В качестве аргументации, автор сравнивает бляшки, найденные в кладе и в культурном слое. Факт того, что стилистически одинаковые бляшки встречаются и в кладе и в общем культурном слое, С.А. Плетнева интерпретирует как «убедительное свидетельство хорошо налаженного производства». В качестве еще одного аргумента С.А. Плетнева приводит находки серебряных бляшек, которые были отштампованы на одной колодке – контуры бляшек совпадали.[176] Никаких данных о самом производстве и мастерских автор в данной статье не приводит. Раскопки Саркела и других памятников такие материалы не дает, но описывая одну из построек Саркела (15), она обращает внимание на то, что, судя по наличию в одной из ям в постройке «обожженного угля, а также кусочков меди, шлаков в заполнении, можно предположить, что постройка была связана с бронзолитейным производством. Однако дошедшие до нас остатки настолько сильно

[174] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 68-172.
[175] Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина //СА. – 1983. – №2. – С. 62-77.
[176] Там же. – С. 70-72.

разрушены, что уверено считать эту постройку бронзолитейной мастерской вряд ли можно».[177]

Черной металлургии и металлообработки у населения Хазарского каганата в литературе уделено гораздо больше внимания, нежели обработке цветных металлов. Еще задолго до того, как вышла книга «От кочевий к городам», во втором томе трудов Волго-Донской археологической экспедиции опубликована статья С.С. Сорокина «Железные изделия Саркела – Белой Вежи»,[178] Т.Н. Сильченко и С.С. Сорокина «Рентгенографические исследования железных изделий Саркела – Белой Вежи»[179], Ю.П. Бирюкова «Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции».[180] Эти работы, а также материалы отчетов о работе Волго-Донской экспедиции, работу над которыми С.А. Плетнева завершила к середине 90х гг., а также исследования ряда специалистов в области салтовского ремесла,[181] дали возможность С.А. Плетневой более глубоко посмотреть на данную проблему.

В результате в 1996 году ею опубликована статья, в которой автор несколько иначе интерпретировала некоторые комплексы из раскопок Саркела – Белой Вежи.[182] Связываемые ранее некоторыми исследователями

---

[177] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 69.

[178] Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II / МИА СССР. – 1959. – Вып. 75. – С. 135-199.

[179] Сильченко Т.Н., Сорокин С.С. Рентгенографические исследования железных изделий Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II / МИА СССР. – 1959. – Вып. 75. – С. 200-201.

[180] Бирюкова Ю.П. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II / МИА СССР. – 1959. – Вып. 75. – С. 202-211.

[181] Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата; Толмачева М.М. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам памятников междуречья Дона и Северского Донца): автореф. дисс. … канд. ист. наук. – М., 1990. – 19 с.; Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г. О салтовском типе сыродутного горна //СА. – 1982. – №2. – С. 168-175; Афанасьев Г.Е. Металлургический комплекс у с. Ездочного //Маяцкое городище: Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 261-270.

[182] Плетнева С.А. Металлургический и кузнечные комплексы Саркела //РА. – 1996. – №2. – С. 182-197.

ямы, обнаруженные на юго-западной окраине памятника, со следами сильного огня, в которых содержались «важные следы бывшего здесь производства, были окончательно и полностью уничтожены в период строительства»,[183] но, отмечает она, каких-либо характерных признаков, которые бы связывали их с гончарными печами не прослеживается. С.А. Плетнева подчеркивает, что представляется вполне правомерным связывать с металлургическим производством эти сооружения, в которых обнаружены куски шлака и железа. Отмечая, что первоначальная конструкция их не ясна, она приводит синхронные им аналогии из раскопок Б.А. Шрамко, К.И. Красильникова, Д.Я. Телегина. Но даже плохая сохранность саркельских горнов «…не снижает значения открытия их для истории Саркела», так как, по мнению С.А. Плетневой, «мы получили возможность говорить о существовании металлургического производства еще в период строительства крепости, то есть 30 гг. IX века».[184] И последнее, что касается металлургического производства - в заполнении горнов встречены кости коня и собаки, в чем С.А. Плетнева видит целенаправленность их помещения в заброшенный горн. Она считает, что в этом проявились определенные культовые представления населения, связанные с работой металлургов, с «огненной стихией». И при этом замечает, что «…исследователи, возможно, обратят внимание на случайные находки костей и зубов животных в горновых ямах или поблизости от них, что будет подтверждением высказанного здесь предположения».[185]

При исследовании Ютановского пункта древней металлургии (река Оскол Белгородская область, лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры) рядом с горном №17 была обнаружена яма, в которую целенаправленно были положены кости нескольких особей лошадей. Это

[183] Плетнева С.А. Металлургический и кузнечные комплексы Саркела. – С. 186.
[184] Там же. – С. 188.
[185] Там же.

открытие, вероятно, может служить подтверждением пророческих предположений С.А. Плетневой.[186]

Немало места в этой статье уделено кузнечному производству, которое развивалось в Саркеле вместе с железоплавильным. Она рассматривает кузницы, относящиеся к хазарской эпохе Саркела. При этом С.А. Плетнева достаточно аргументировано подвергла критике некоторые предположения С.С. Сорокина, относившего эти кузницы к беловежскому периоду, говоря о «неразвитости ремесла в хазарский период».[187] С.А. Плетнева, анализируя открытые в Саркеле производственные комплексы, делает вывод о выделении в Саркеле в первой половине X века (в хазарский период) «кузнечного дела в специализированное ремесло, оформившееся в отдельную отрасль хозяйства».[188]

На характеристике производственных комплексов Саркела С.А. Плетнева останавливается и в вышедшей в этом же 1996 году книге «Саркел и «шелковый путь»». Публикуя и анализируя материалы раскопок Саркела, С.А. Плетнева в данной книге, естественно, вновь возвращается к металлургическим комплексам, опубликованным ею в специальной статье, рассмотренной выше, уточняя и конкретизируя при этом некоторые ранее высказанные положения. Среди них ряд построек ремесленного назначения, входящих в караван-сарай, на описание которого мы остановимся ниже. Это жилая постройка №5, которая, по мнению С.А. Плетневой, судя по характеру в ней находок – шлаков, крицы, железных предметов, их обломков – принадлежала кузнецу, жившему и работавшему в ней.[189] Еще одна постройка (№10), входившая в комплекс караван-сарая, принадлежала гончарам.[190]

---

[186] Винников А.З., Степовой А.В. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). – С. 89-90.
[187] Плетнева С.А. Металлургический и кузнечные комплексы Саркела. – С. 195.
[188] Там же.
[189] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 40-42.
[190] Там же. – С. 43.

Датируются эти постройки, как отмечалось, не позже второй половины IX века, то есть по С.А. Плетневой, первым периодом существования саркельской крепости[191].

Она отмечает, что при караван-сараях, в частности в Средней Азии, «появились сопровождавшие их ремесленные мастерские обычно гончарные, ювелирные, кузнечные», которые стояли под защитой владетеля караван-сарая. Этот факт, как считает С.А. Плетнева, свидетельствует «о сложении в Хазарском каганате ведущих ремесел – кузнечного и гончарного».[192]

В этой работе она еще раз подчеркивает, что, несмотря на плохую сохранность в Саркеле горнов для плавки руды, можно говорить о существовании металлургического производства с самого начала функционирования крепости, предполагая при этом, что руду могли привозить из западных провинций Хазарского каганата (Керчи, Таматархи).[193]

Во второй период существования саркельской крепости, согласно С.А. Плетневой, после того, как караван-сараи «по неясной причине» были практически уничтожены и на их месте были сооружены новые строительные комплексы, в том числе и кузница, которая перекрыла котлован гончарной мастерской. В ней выявлен горн, наковальня, остатки деревянного корыта для закаливания железных изделий. Как считает С.А. Плетнева, кузница начала функционировать в начале X века, а «погибла» в 965 году. Она отмечает, что анализ железа показал, что получено оно было из керченской руды.[194] Это была специализированная кузнечная мастерская с большим запасом железа и, как еще раз подчеркивает С.А. Плетнева, «существование ее свидетельствует о выделении кузнечного производства в отрасль ремесла, прочно обосновавшегося в Саркеле».[195]

---

[191] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 48.
[192] Там же. – С. 43.
[193] Там же. – С. 70-75.
[194] Там же. – С. 93-96.
[195] Там же. – С. 99.

Этот вывод вполне сочетается с теми, которые были сделаны В.К. Михеевым об организации металлургического и кузнечного дела у населения салтово-маяцкой культуры, высказанные им еще в 1985 году. Он обратил внимание, что имеющиеся на тот период археологические материалы дают возможность рассмотреть салтовское металлообрабатывающее производство как особую отрасль хозяйства – ремесло, дифференциация которого происходила в зависимости от вида изготавливаемых изделий.[196] Но он тут же замечает, что такая организация ремесла у салтовцев прослеживается не столь ярко, как на древнерусских материалах.[197] Но С.А. Плетнева обратила внимание на это обстоятельство еще в книге «От кочевий к городам», заметив, что этот факт можно объяснить значительно большим масштабом исследований на древнерусских памятниках.[198]

М.М. Толмачева, специально занимавшаяся изучением салтовского железообрабатывающего производства и анализируя широкий круг материалов из различных регионов Хазарского каганата, пришла к выводу, что у населения салтово-маяцкой культуры в кузнечном деле прослеживается тенденция «перехода к специализированному городскому ремеслу».[199] Эта точка зрения, по меньшей мере, не противоречит высказанному С.А. Плетневой мнению об организации металлообрабатывающего ремесла у населения Саркела и в целом в Хазарском каганате.

Конечно, ремесленное производство металлургией, металлообработкой у населения салтово-маяцкой культуры не ограничивалось. С.А.Плетнева писала, на основе обнаруженного во время раскопок инструментария, о деревообрабатывающем и о косторезном ремесле. Безусловно, не без влияния

---

[196] Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – С. 96.
[197] Там же. – С. 97.
[198] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С.181.
[199] Толмачева М.М. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам салтово-маяцкой культуры) //Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М., 1990. – С.201.

С.А. Плетневой ее ученицей В.Е. Флеровой была обработана и опубликована коллекция изделий из костей и рога Саркела – Белой Вежи.[200] Коллекция, насчитывающая более тысячи предметов - орудия труда, вооружения, предметы быта, украшения, амулеты, отходы производства – дала возможность В.Е. Флеровой в полной мере раскрыть характер этого производства в Саркеле и сделать вполне аргументированные выводы о формах его организации, специфике данного вещевого комплекса, в котором, по ее мнению, нашло отражение характер памятника, основанного, прежде всего, как крепость и как торговая фактория.[201] Кроме того, В.Е. Флерова считает, что в Саркеле не существовало специализированной рогообработки. Это был домашнее местное производство. Лишь сложные предметы, возможно, по мнению В.Е. Флеровой, изготавливались профессионалами, передававшим свое мастерство по наследству.[202] Данный вывод был полностью поддержан С.А. Плетневой, которая, являясь редактором этого издания, отметила, что автор пришла к неоспоримым и весьма существенным выводам и «среди них наиболее важным является то, что собственно косторезное дело в Саркеле не перешагнуло порога домашнего».[203] Высказанное С.А. Плетневой предположение о возможности производства бляшек, поясных наборов в Саркеле и других центрах Хазарского каганата и в целом о развитии ювелирного ремесла в Хазарии получило дальнейшее развитие в работах Н.А. Фоняковой, защитившей кандидатскую диссертацию под ее руководством в 1989 году.[204] В ней не только достаточно убедительно говорится вслед за С.А. Плетневой о развитии местного ремесленного

[200] Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб., 2001. – 352 с.
[201] Там же. – С. 242.
[202] Там же. – С. 143.
[203] Плетнева С.А. От редактора // Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб., 2001. – С. VIII.
[204] Фонякова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство в Хазарии второй половины VIII – Хвв. По материалам художественной металообработки. – Казань, 2010. – 168 с.

ювелирного производства, но и намечаются определенные этапы в его эволюции, связанные с историей Хазарского каганата и ее внешнеполитическими факторами.[205]

Таким образом, в работах С.А. Плетневой в той или иной степени нашли отражение различные виды ремесел, достаточно разного уровня развития на территории Хазарского каганата. Многие ее предположения, догадки, гипотезы были подхвачены ее учениками и на более широком материале развиты и превращены в достаточно аргументированные научные теории, хотя может быть и не бесспорные.

3.4. Роль торговли и внешнеэкономических связей.

Проблеме торговли и внешнеэкономических связей населения Хазарского каганата в работах С.А. Плетневой уделено мало внимания, ибо археологический материал по данной проблеме дает весьма скудную информацию. Но тем не менее, нельзя сказать, что эти вопросы окончательно вышли из ее поля зрения. В работах, посвященных анализу керамики и Саркела[206], и Таматархи[207], и в книге «От кочевий к городам»[208] по распространению амфор, кувшинов, пифосов, в которых транспортировали вина, масла и другую продукцию, она отмечала достаточно широко развитую торговлю между отдельными провинциями Хазарского каганата. Кроме того, она подчеркивала, что в Саркеле встречена импортная посуда, доставленная из Закавказья, Ирана, Херсонеса, Византии.[209]

Проблеме торговых, экономических, политических, культурных связей Хазарского каганата с Византией С.А. Плетнева посвятила отдельную

[205] Фонякова (Чувило) Н.А. Указ. соч. – С. 97-101.
[206] Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи. – С. 241-249.
[207] Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища. – С. 46-60.
[208] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 129-131.
[209] Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи. – С. 253.

статью,[210] в которой пишет, что находки византийских монет, распространение тарной керамики византийского производства означает, «что развозимые в них продукты, скорее всего, производились в империи». Но при этом С.А. Плетнева подчеркивает неравномерность распространения амфорного материала на поселениях Хазарского каганата. Амфоры встречаются на городищах, которые, скорее всего, принадлежали «феодализирующейся знати каганата» и количество амфор уменьшается по мере удаления от Приазовья, что, по ее мнению, свидетельствует о различной степени связей Византии с разными районами каганата. Она предполагает, что до самых далеких районов каганата византийские караваны не доходили и привозимые в них товары сюда попадали в результате внутренней торговли[211].

Вопрос о роли и месте торговли в экономической жизни Хазарского каганата, особенно его южных районов и значимости отдельных памятников, прежде всего, Саркела, построенного при содействии Византии, поднят С.А. Плетневой в монографии «Саркел и «шелковый путь»», написанной, как уже отмечалось, по итогам работы над отчетом Волго-Донской археологической экспедиции 1949-1951 гг.

В результате исследования Левобережного Цимлянского городища, интерпретированного М.И. Артамоновым и большинством хазароведов как крепость Саркел, были вскрыты два интересных комплекса, сооруженные, по мнению С.А. Плетневой, в первый период строительства, «следовательно, заранее спланированных до его начала» – это два караван-сарая.[212]

Первый из них (здание 1) состояло из помещений для гостей (купцов), для их караванных животных и двора. Помещение для гостей включало пять комнат размером 5,5 Х 4, 15 - 6,1 м. Большое длиной около 25 метров

[210] Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники //РА. – 1993. – №3. – С. 98-107.
[211] Там же. – С. 104-105.
[212] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 34.

помещение без специального сделанного пола предназначалось для караванных животных. Большой двор площадью 27,2 Х 33,8 м, на территории которого было 15 «разных построек (жилища, производственные, хозяйственные) и множество хозяйственных ям».[213] Среди них упомянутое выше помещение для выплавки железа, кузница и гончарная мастерская.

Второй караван-сарай (здание №4) имеет размеры 48 Х 73 м (более 3,5 тысяч кв. метров). В нем также как и в первом прослежены отдельные помещения шириной 4,9, но разной длины. Здесь также С.А. Плетневой выявлены помещения для караванного скота и закрытый двор. Она отмечает, что помещения для гостей здесь были большими и, по всей видимости, «нижние этажи были складскими, а сами караванщики размещались на втором этаже».[214] В отличие от первого караван-сарая постройки здесь состояли только из жилых полуземлянок. Как замечает С.А. Плетнева, жители, размещавшие свои постройки на территории караван-сарая, обслуживали эти комплексы.[215]

С.А. Плетнева подчеркивает, что саркельские караван-сараи, датируемые первой половиной IX века, довольно сильно отличались от открытых исследователями караван-сараев Средней Азии, датируемых XI-XIV веками. С.А. Плетнева этот факт объясняет тем, что караван – сараи Саркела «самые ранние из известных нам», и в IX веке караван-сараи еще «только начали приобретать законченную форму замкнутых четырехугольников, которую они получили в дальнейшем».[216] Она считает, что одной из основных функций крепости являлась «охрана торговых караванов, проходивших через нее». И эта функция была заранее спланирована при строительстве крепости.

[213] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 35-39.
[214] Там же. – С. 52.
[215] Там же. – С. 55.
[216] Там же.

Рассмотрев материалы Саркела на всем протяжении его истории, С.А. Плетнева обращает внимание, что во второй период существования крепости караван-сараи прекратили свое существование и кирпичи, из которых они были сооружены, стали использоваться при строительстве домов, усадеб и при этом частично использовались стены караван-сараев.[217]

Охарактеризовав караван-сараи, определявшие значимость Саркела в ранний период его истории, С.А. Плетнева вносит некоторые коррективы в перевод названия Саркела – «белый дом» по Константину Багрянородному, и, ссылаясь на Т.В. Блаватскую, приводит перевод названия Саркела как «белой гостиницы». Это более правильный перевод именно текста Константина Багрянородного, по мнению С.А.Плетневой, является очень важным подтверждением первоначального назначения Саркела как «хорошо укрепленного и охраняемого караван-сарая».[218] И главную причину строительства этой крепости она видит в том, что здесь «скрещивались несколько наиболее крупных сухопутных дорог, пересекавших землю каганата».[219] И далее С.А. Плетнева дает характеристику этих дорог, опираясь на результаты анализа комплекса источников – археологических, письменных, весьма скромные сведения космических съемок. Дороги эти служили связующим звеном для внутренней торговли каганата, для связей с близкими и далекими его землями, а также, что особенно важно и это подчеркивает С.А. Плетнева, что рассматриваемые ею дороги «были в значительной степени связаны с «великим шелковым путем» и многие из них, несомненно, являются ответвлениями основных его направлений». Кроме того, она предполагает, что на одном из таких ответвлений северной дороги, проходившей по окрестностям каганата вдоль правого берега Тихой Сосны, обнаружены небольшие городки-крепости салтово-маяцкой

[217] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 110.
[218] Там же. – С. 143.
[219] Там же. – С. 144.

культуры, которые «могли служить такими же временными дорожными стоянками».[220]

С.А. Плетнева обращает внимание, что Саркел был построен на пересечении различных ветвей «шелкового пути» и был своеобразным «перевалочным пунктом и крупнейшей в стране таможней».[221]

Но при этом она отмечает, что характер сохранности слоев в Саркеле первого периода (время функционирования караван-сараев), дает очень мало материала, позволяющего говорить об экспорте – импорте товаров в Саркеле того времени. Но некоторые наблюдения ею сделаны и она отмечает, что их нельзя не учитывать. Это находки костей верблюдов (26 экземпляров) – животных, которые связаны с караванной торговлей и путями, шахматной фигурки слона согдийского производства, кусочка бумаги согдийского происхождения.

С.А. Плетнева прекрасно понимает, что каких-либо прямых источников о связи Саркелы с «шелковым путем» нет, и она это подчеркивает, но игнорировать вышеназванные источники тоже нельзя. И поэтому она достаточно гипотетично подчеркивает, что «у нас есть некоторые основания говорить о связи Саркела… с южным направлением «шелкового пути».[222] И даже после того, как исчезли караван-сараи и Саркел стал просто укрепленным поселением, он не потерял свою значимость в торговле каганата, как внутренней, так и внешней, отмечает С.А. Плетнева. Окрепли связи с западными провинциями каганата – Таматархой, Крымом, о чем свидетельствует большое количество привозной тарной керамики (амфоры, пифосы, кувшины). Развиваются водные торговые пути по Дону, Волге, Каспию. Не затихла торговля со Средней Азией, Ираном, Закавказьем, что, по мнению С.А. Плетневой, проявилось в воздействии «среднеазиатского и иранского искусства на сложение в первой половине X века хазарского

[220]Там же. – С. 144-148.
[221] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 150.
[222] Там же. – С. 153.

художественного стиля, который распространялся по всей восточноевропейской степи».[223]

Одним из наиболее серьезных оппонентов взглядам С.А. Плетневой по данному вопросу является В.С. Флеров, который выступил против интерпретации С.А. Плетневой ряда комплексов в Саркеле в качестве караван-сараев.[224] Одним из главных аргументов у В.С. Флерова являются некоторые противоречивые оценки места и роли Саркела, содержащиеся в книге С.А. Плетневой и определенная ее неуверенность в связи обозначенных ею караван-сараев с «шелковым путем». Он подвергает определенному сомнению наличие «регулярных торговых связей с Востоком… по ответвлению шелкового пути, ввиду недостатка археологических подтверждений».[225]

В совместной статье с И.Г. Равичем он пишет о случайном, а не в качестве товара, попадании в Саркел шахматной фигурки и бумаги среднеазиатского происхождения.[226] Сама по себе постановка вопроса о случайности попадания того или иного предмета на какой-либо памятник выглядит несколько странно. Любая случайность в археологии имеет свою закономерность и в данном случае также. Тем более В.С. Флеров подчеркивает, что «в культуре каганата и сопредельных территорий прослеживается много связей с культурой Средней Азии».[227] В подтверждение этой мысли можно привести ряд работ, в которых эти связи достаточно ярко продемонстрированы.[228]

---

[223] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 155.
[224] Флеров В.С. «Города» и «Замки» Хазарского каганата. – С. 32-33.
[225] Там же. – С. 33.
[226] Равич И.Г., Флеров В.С. Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии //РА. – 2000. – №3. – С. 134-146.
[227] Флеров В.С. «Города» и «Замки» Хазарского каганата. – С. 33.
[228] Фонякова Н.А. (Чувило) Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII-X вв. по материалам художественной металлообработки. – 168 с.; Флерова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII-XIII вв.: о происхождении накладок седла из Шиловского кургана //Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 2001. – С. 82-86; Львова З.А. Стеклянные

Не совсем понятен упрек В.С. Флерова в адрес С.А. Плетневой о неверном переводе топонима «Саркел». Во-первых, речь идет о древнегреческом языке, на котором писал Константин Багрянородный, а не о восточных языках, которыми С.А.Плетнева действительно не владела, впрочем, как и древнегреческим. Во-вторых, это не ее перевод. Она ссылается на Т.В. Блаватскую,[229] которая перевела «Саркел» в интерпретации именно Константина Багрянородного как «белая гостиница», в отличие от Продолжателя Феофана, у которого этот термин следует переводить как «белый дом». Но в итоге, В.С. Флеров делает достаточно категоричный вывод: «Раскопки не дали никаких оснований полагать главной функцией Саркела торгово-таможенную деятельность».[230] Но, наверное, прав В.С. Флеров, когда оценивает роль торговли у населения хазарского каганата и подчеркивает, что она была «не больше, чем у любого современного ему государству и не идет ни в какое сравнение с торговой активностью Китая, Византии, Ирана и Арабского Халифата».[231] При этом нужно заметить, что сама С.А. Плетнева никогда ни в одной из своих работ не делала даже попыток сравнить, сопоставить роль торговли Хазарского каганата и упомянутых В.С. Флеровым мировых держав эпохи существования каганата. О роли Саркела в караванной торговле Хазарии с Восточной Европой с ссылкой на С.А. Плетневу пишет и В.Я. Петрухин, подчеркивая при этом, что «в Хазарии формировалась сеть поселений, призванных контролировать не только речные магистрали, но и пути, ведущие с востока на запад».[232] Но в то же время он отмечает, что слабая насыщенность находками культурного слоя хазарской крепости «заставляет сводить их значение к функциям

бусы и браслеты Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II / МИА СССР. – 1959. – Вып. 75. – С. 307-332. И многие другие работы, в которых указан восточный импорт на памятниках салтово-маяцкой культуры.

[229] Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – С. 143.

[230] Флеров В.С. «Города» и «Замки» Хазарского каганата. – С. 34.

[231] Там же. – С. 108.

[232] Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. – М., 2013. – С. 128-129.

таможен и караван-сараев».[233] Тем самым подчеркивая их определенную значимость в торговой деятельности хазарского каганата. Но вместе с тем Н.Я. Петрухин считает вполне обоснованным некоторый скептицизм В.С. Флерова в отношении выделения С.А. Плетневой в Саркеле караван-сараев[234].

Еще до выхода книги С.А. Плетневой «Саркел и «шелковый путь»», на основе анализа многочисленных письменных источников А.П. Новосельцев отмечал, что Хазарское государство с самого начала своего существования утвердило контроль над возможными торговыми путями из Восточной Европы в страны передней Азии, и уже это говорит о большой роли в транзитной торговле каганата.[235]

Несмотря на некоторые разночтения в конкретном понимании роли и места торговли в Хазарском каганате, все исследователи сходятся в ее оценке, как одного из важнейших компонентов экономики этого государства и работы С.А. Плетневой в данном направлении дали новый и очень важный импульс для дальнейшей разработки данной проблемы.

Подводя итоги рассмотрения С.А. Плетневой хозяйственной деятельности полиэтничного населения Хазарского каганата, необходимо отметить, что многофункциональная экономика этого государства, обозначенная ею в ряде работ, прослеженная нами выше, весьма красноречиво подтверждена в более поздних исследованиях других авторов.[236] В своей итоговой работе по археологии Хазарского каганата[237] С.А.

---

[233] Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. – С. 130.

[234] Он же. Проблемы хазарских городов и процессов урбанизации в Восточной Европе. Вместо послесловия // В.С. Флеров «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М., 2011. – С. 114, 116.

[235] Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – 262 с.

[236] Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – Киев, 2010. – 216 с.; Горбаненко С.А., Колода В.В. Сільське господарство на славяно-хозарькому порубіжжі. – Київ, 2013. – 236 с.; Толмачева М.М. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам салтово-маяцкой культуры). – С. 159-214; Винников А.З., Степовой А.В. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). – Воронеж, 2012. –

Плетнева рассматривает общие черты в хозяйственной жизни населения каганата по его вариантам, обозначенным в данной книге, пытаясь показать, что объединяет народы, обозначенные понятием салтово-маяцкой культуры, с одной стороны, а с другой стороны, выявить там, где это возможно, определенную специфику, связанную с физико-географическими условиями обитания того или иного этноса или культурно-политическими процессами, происходившими на той или иной территории. Но каждый раз С.А. Плетнева подчеркивает необходимость дальнейших полевых археологических исследований, которые могут внести определенные коррективы в сложившиеся мнения, концепции по тому или иному сюжету, особенно с учетом все более расширяющихся возможностей археологической науки.

229 с. И работы других авторов, где затрагиваются вопросы хозяйственной деятельности населения Хазарского каганата.

[237] Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – 374 с.

Глава 4: Погребальный обряд и проблема социальной дифференциации салтово-маяцкого общества в отечественной археологии второй половины XX века.

Первым, кто обратил внимание на имущественную дифференциацию населения салтово-маяцкой культуры, был В. А. Бабенко. Различия в количестве инвентаря позволили В.А.Бабенко говорить о том, что население, оставившее салтовскую культуру, различалось по классам. Кроме того, исходя из находок предметов вооружения, он выделяет «особый военный класс», а находки богатых наборов серебряной и золоченых сбруй В.А.Бабенко связывает с классом «начальниковъ или правителей»[1]. В. А. Бабенко также попытался выделить отдельные группы катакомб по их размерам, ориентировке и прочим показателям[2]. Однако, достаточного обоснования это выделение не получило.

Интересно предположение В. А. Городцова – первооткрывателя Зливкинского ямного могильника, который связывал отличия в погребальном обряде Зливкинского и Верхне-Салтовского могильников с социальным рангом населения. Верхне-Салтовский могильник, характеризующийся богатыми комплексами погребений, автор относит к «городскому сословію», тогда как Зливкинский могильник связывает с принадлежностью к «небогатымъ поселянамъ»[3].

Подобные размышления можно встретить у Ю. В. Готье, который, сравнивая салтовские могильники с могильниками Северного Кавказа, пришел к выводу, что все они относятся к единой культуре, но из-за

[1] Бабенко В. А. Продолжение систематическихъ раскопокъ въ Верхнемъ Салтове // Труды XIV археологическаго съезда въ Чернигове в 1909. – М., 1911. – Том 3. – С. 239.
[2] Там же. – С. 239.
[3] Городцевъ В. А. Результаты археологическихъ изследованій въ Изюмскомъ уезде // Труды XII Археологическаго съезда въ Харькове в 1902 году. – М., 1905. – Том 1. – С. 212.

наименьшего количества инвентаря в салтовских могильниках, их можно отнести к наиболее бедным, нежели северокавказские[4].

Позже, в своей диссертации «Верхнее Салтово (салтовская культура)» Н. Я. Мерперт, с сожалением отмечал, что дневники В.А. Бабенко не всегда удовлетворяли даже элементарным требованиям фиксации, так как указывались далеко не все необходимые, по мнению Н.Я. Мерперта, размеры погребальных сооружений, также не была указана ориентировка костяков, не указано место находки материала, а сам материал описан не полностью[5].

Сам же Н. Я. Мерперт, говоря о социальной структуре салтовского общества, заострил внимание на выделении и обособлении воинских дружин. Этот факт, по мнению Н. Я. Мерперта, подтверждается наличием мужских погребений, как с оружием, так и без него. В среде дружинников, в свою очередь, автором были выделены военные вожди, погребения которых отличались от остальных большими размерами и присутствием сабель[6]. Низшее положение в обществе, по мнению Н. Я. Мерперта занимали люди, которых после смерти погребали в простых ямах и не снабжали инвентарем[7]. И, Н. Я. Мерперт прямо называет их рабами[8].

Стадию социального развития населения салтовской культуры Н.Я. Мерперт классифицировал как разложение первобытного общества, сопровождающееся интенсивно протекающим процессом классообразования и формированием феодальных отношений. В отличие от М. И. Артамонова (о концепции М.И. Артамонова см. ниже), Н. Я. Мерперт не признавал наличия

[4] Готье Ю. В. Кто были обитатели древнего Салтова? // Известия ГАИМК. – Л., 1927. – Вып. 5. – С. 67.
[5] Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово (Салтовская культура). Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук // НА ИА РАН. Р 2. № 884. 416 с.
[6] Там же. – С. 397.
[7] Там же. – С. 399.
[8] Там же. – С. 397.

у салтовцев феодальных или полуфеодальных отношений, и определял их - «высшая ступень варварства»[9].

И.И. Ляпушкин отмечает, что «самое сложное при изучении салтово-маяцкой культуры является исследование характера общественных отношений и объясняет это тем, что слишком незначителен хронологический отрезок существования этих памятников с одной стороны, а с другой - функционирование этих памятников в отрыве, как от предшествующего, так и от последующих этапов, «остающихся пока что неизвестными, вне связи с исторической перспективой».[10] Но, несмотря на такую ситуацию, И.И. Ляпушкин отмечал, что для освещения характера общественных отношений наиболее ценным источником являются материалы погребений, и для 50-х гг. XX века это был, конечно, Салтовский могильник. Он отмечал определенную разницу в катакомбном обряде отдельных комплексов: наряду с небольшими катакомбами с немногочисленным, бедным инвентарем, состоящим из сосуда, нескольких пастовых бус, встречаются довольно часто погребения в больших и достаточно сложных по устройству могилах с многочисленным и богатым инвентарем, состоящим из золотых и серебряных изделий, оружия, конского снаряжения и так далее. Эти захоронения, замечает И.И.Ляпушкин, иногда «сопровождаются отдельными захоронениями коня».[11] Он делает вывод о существовании явного имущественного неравенства в среде населения, которое связано с этим памятником. И.И. Ляпушкин подчеркивает, и с этим, безусловно, следует согласиться, что экономическое неравенство явилось результатом «сравнительно высокого состояния производительных сил, которое так отчетливо раскрывается в археологических памятниках земледелия, ремесла и торговли».[12]

[9] Мерперт Н. Я. Указ. соч. – С. 401.
[10] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I / МИА СССР. – 1958. – Вып. 62. – С. 136.
[11] Там же.
[12] Там же.

К сожалению, И.И. Ляпушкин не раскрывает дальше высказанное им предположение о имущественном неравенстве населения салтово-маяцкой культуры.

Для С.А. Плетневой погребальный обряд со всеми его элементами (прямыми и сопутствующими) является важнейшим источником для решения не только этнических проблем, на которых мы останавливались во второй главе, но и для освещения социальной структуры населения салтово-маяцкой культуры.

Еще до публикации книги «От кочевий к городам» ею в статье о Подгоровском могильнике обращено внимание на ряд специфических элементов погребального обряда, в частности, на присутствие угольных подсыпок под взрослыми погребениями, что, по ее мнению, «было связано с верой в очистительную и предохранительную силу огня», то есть с определенными религиозными представлениями.[13] В 1961 году С.А. Плетнева публикует работу, посвященную анализу некоторых элементов погребального ритуала аланских племен Подонья. В ней речь идет о выявленных кенотафах и тризнах на только что начатых ею раскопках Дмитриевского могильника.[14]

Обобщая весь доступный источник по погребальному обряду на середину 60-х гг. XX века, С.А. Плетнева выделяет три формы захоронений, существовавших в ареале салтово-маяцкой культуры, рассматривая каждый из них в отдельности: трупоположение в катакомбах, трупоположение в ямах и трупосожжение.[15]

Анализ катакомбного обряда она начинает с описания устройства и размеров отдельных элементов этого погребального сооружения, сразу

[13] Плетнева С. А. Подгоровский могильник // СА. – 1962. – № 3. – С. 247.
[14] Плетнева С. А. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья //Исследования по археологии СССР. Сборник в честь профессора М.И. Артамонова. – Л., 1961. – С. 182-193.
[15] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. // МИА СССР. – 1967. – № 142. – С. 71.

подчеркнув, что размеры камер, дромосов разнообразны по разным причинам. Но главная из них – это «имущественное неравенство погребенных. Большие камеры сооружались для богатых, тесные – для бедных».[16]

С таких же позиций она рассматривает и такой элемент погребального обряда, как плотная забутовка катакомб с большим дромосом материковым грунтом, что должно было, по ее мнению, предотвратить богатые могилы от разграбления и от осквернения.

Все катакомбные погребения С.А. Плетнева делит на группы: одиночные и коллективные. Одиночные (1 группа) ею делятся на типы по полу и по возрасту – на мужские, женские и детские. Для каждого типа первой группы ею определены основные элементы погребального ритуала. Погребенные мужчины лежат на спине головой слева от входа и, подчеркивая определенную социальную градацию, С.А.Плетнева еще раз отмечает, что в больших катакомбах с длинными дромосами, как правило сопровождающего инвентаря значительно больше, чем в могилах с небольшими камерами: конская сбруя, украшения и так далее.[17]

Что касается женских погребений (2 тип 1 группы), то она обращает внимание на скорченность положения захороненных и предлагает свое объяснение этого явления, исходя из критериев социального порядка. Она пишет, что «скорченность» женщин и в Дмитриевском, и в других аналогичных ему памятниках VIII-IX вв., по-видимому, отражало их неравноправное подчиненное по отношению к мужчинам положение.[18] И в женских погребениях С.А. Плетнева и по количеству вещей, и по размерам погребальных сооружений отмечает определенную социальную градацию погребенных.

[16] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 73.
[17] Там же. – С. 75.
[18] Там же. – С. 76.

Что касается детских погребений (3 тип 1 группы), то С.А. Плетнева обращает внимание на отсутствие вещей, высказывая вполне обоснованное предположение, что эти погребения детей 6-7 лет, не доживших до возраста посвящения в категорию взрослых, и они «не приобрели права на владение каким-либо имуществом».[19]

В заключении рассмотрения катакомбных погребений первой группы, С.А. Плетнева делает очень важный вывод: все захоронения дают возможность в какой-то мере определить по подбору вещей социальное общественное положение умерших - «люди верили в продолжение жизни за гробом, когда все эти вещи пригодятся и позволят занять то место, которое они занимали при жизни».[20]

Вторая группа катакомбных захоронений С.А. Плетневой также делится на два типа – парные или супружеские (1 тип) и так называемые семейные (2 тип). Среди погребений первого типа ею выделены три вида – мужчина и женщина; мужчина, женщина и дети; двое мужчин, две женщины и дети. Первый вид является наиболее характерным для первого типа второй группы захоронений. Здесь, как подчеркивает С.А. Плетнева, соблюдены многие элементы обряда, характерные для индивидуальных погребений (мужчина на спине, женщина в скорченном положении и другие признаки). С.А. Плетнева отмечает и богатый инвентарь в данных погребениях, и больший размер камер, угольные подсыпки под трупами, а иногда эти захоронения сопровождались погребением коня. Там, где удается определить возраст погребенных мужчин 25-35 лет, у женщин такой же. С.А. Плетнева полагает, что в данных погребениях похоронены супружеские пары, и угольная подсыпка в данном случае выполняла свадебные функции, ибо в данном случае роль жены исполняла наложница-рабыня. Это был посмертный брак, ибо убивать настоящую жену, как считает С.А. Плетнева,

[19] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 78.
[20] Там же.

было не целесообразно - на вдове оставались дети. Это были, по мнению С.А. Плетневой, захоронения богатых воинов. Обряд подчеркивает высокий статус погребенных.[21]

Погребения второго вида первого типа данной группы, то есть парные погребения, но с детскими захоронениями, по многим показателям обряда, включая угольную подсыпку, близки просто к парным (первый вид). Как подчеркивает С.А. Плетнева, «они являются по существу погребениями мужчины-воина с «посмертной» женой и ее детьми». Она особо отмечает, что убийство женщины и ее детей по смерти знатного воина было частью традиционного ритуала. Но часть погребений рассматриваемого вида содержит малое количество вещей – особенно оружия (лишь боевой топорик и пояс). Похороненные мужчины значительно старше, хотя женские захоронения также молодого возраста. Как предполагает С.А. Плетнева, это также погребения представителей воинского сословия, но участвовавших в военных действиях в крайних случаях. Общей чертой, объединяющей все парные захоронения обоих видов, является их одновременность. Все они были погребениями мужчин-воинов, «на похоронах которых убивали женщин, рабов и их детей», [22] но воинов разных категорий, как отмечает С.А. Плетнева. В основе деления, нашедшего отражение в некоторых деталях обряда и в вещевом комплексе, который сопровождал погребенного, лежал возраст погребенного и, возможно, его участие в военных мероприятиях. При этом С.А. Плетнева отмечает, что возможны многочисленные случаи, не редко нарушающие «эту стройную систему».[23]

Погребения второго типа второй группы (коллективные семейные усыпальницы), также делятся на несколько видов. К первому С.А. Плетнева относит коллективные захоронения женщин в скорченном положении на правом боку. Подсыпок под скелетами нет. Это женщины зрелого возраста. В

[21] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 79-80.
[22] Там же. – С. 82.
[23] Там же.

камерах нет оружия, но имелся набор бытовых предметов, украшения. Богатые погребения содержали пояса, украшенные бляшками, амулеты. Ко второму виду С.А. Плетнева относит погребения женщин и детей от года до 12 лет. Женщины лежат также в скорченном положении, подстилок под скелетами нет, большинство погребенных этого вида с богатым инвентарем - украшения, предметы туалета. Что касается мужских захоронений в семейных склепах, то как отмечает С.А. Плетнева, они по сравнению с захоронениями мужчин-воинов бедны инвентарем.[24] Но самым важным отличием семейных захоронений от парных, как особо подчеркивает С.А. Плетнева, является их разновременность, кроме достаточно редких случаев одновременной гибели похороненных людей.[25]

В результате анализа типологии погребальных комплексов С.А. Плетнева делает очень важный вывод для характеристики социального строя салтовского общества, во всяком случае, той его части, которая хоронила в катакомбах, то есть аланского населения. Она подчеркивает выявленную картину «резкого имущественного неравенства», наличие различных групп (категорий воинов), наметившийся в обряде погребения «обычай посвящения в зрелость в возрасте 6-8 лет», а также женские захоронения подчеркивают «подчиненное положение» женщин по отношению к мужчинам. Еще С.А. Плетнева отмечает такую важную деталь обряда, прослеженную в катакомбных погребениях (в различных группах, типах и видах), как разрушение полностью или частично скелетов, связывание ног покойного.[26] Определенное имущественное неравенство населения салтово-маяцкой культуры проявляется и в сооружении кенотафов – погребальных комплексов в память о воинах, не вернувшихся из похода. В качестве примера С.А. Плетнева приводит 2 дромоса без катакомбы, выявленные на Дмитриевском могильнике, один из которых содержал захоронение лошади,

[24] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 83-84.
[25] Там же. – С. 84.
[26] Там же.

богатого инвентарем погребения женщины «рабыни», а во втором лишь сосуд в том месте, где должен был быть вход в катакомбу.[27]

С.А. Плетнева отмечает, что в основу данной характеристики катакомбного погребального обряда легли материалы Дмитриевсого могильника, полученные ею за период подготовки и издания книги «От кочевий к городам». И проводя сравнительный анализ с материалами других доступных ей на тот период катакомбных могильников (Подгоровский - раскопки С.Н. Замятина, Салтовский – раскопки В.А. Бабенко, Д.Т. Березовца, Маяцкий - раскопки И.И. Милютина), она сделала вполне логичный вывод, что «каждый из могильников, обладая определенными чертами сходства с другими, все же своеобразен». Особенно это ярко, по ее мнению, видно при сопоставлении «сравнительно полно изученных памятников - Салтовского и Дмитриевского», которые географически довольно близки между собой – около 50 км. Она подчеркивает, что даже это небольшое расстояние не определяло ни племенную, ни родовую близость. Но в целом погребальный обряд, несмотря на массу особенностей был единым – катакомбным.[28] С.А. Плетнева еще раз подчеркивает, что, как И.И. Ляпушкин, она считает, что эти могильники «принадлежали выходцам из северокавказских областей – аланам, вынужденным покинуть насиженное предгорье на рубеже VII-VIII вв.»[29]

В ареале салтово-маяцкой культуры достаточно широко распространен и другой погребальный обычай – хоронить в ямах. К середине 60-х гг. XX в. ямных могильников, как пишет С.А. Плетнева, было известно 11 - это больше, чем катакомбных, хотя изучены они были к тому времени хуже.[30]

Анализ ямного погребального обряда дан С.А. Плетневой в основном по материалам Зливкинского и Саркельского могильников. Она приводит

[27] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 84-85.
[28] Там же. – С. 90.
[29] Там же. – С. 91.
[30] Там же.

описание погребальных сооружений из Зливкинского: ямы без ступенек, без подбоев, без следов перекрытия, остатков гробов. Погребения одиночные, обряд одинаков для всех, независимо от пола, возраста (вытянуты на спине, головой на запад). Очень небольшой набор инвентаря (сосуды, кости животных). Оружия нет, только иногда встречаются наконечники стрел.[31] С.А. Плетнева подчеркивает, что «большинство ямных могильников и отдельных погребений, обнаруженных в бассейне Дона и Приазовье, идентичны Зливкинским». При исследовании этих погребений большое значение имеют данные антропологии для определения их этнической и культурной принадлежности, считает С.А. Плетнева. Согласно данным антропологии все черепа из этих погребений имеют брахикранную форму.[32] При этом она отмечает, что различие ямных и катакомбных погребений не только в конструкции самих погребальных сооружений, а в том, что в катакомбах похоронены долихокраны-аланы, на что она ранее неоднократно обращала внимание, а в ямных погребениях лежат брахикранные, по мнению многих исследователей, болгары.[33] Рассматривая некоторые погребальные комплексы Дмитриевского могильника, она обращает внимание на перемешанность обрядов двух существовавших групп населения, подчеркивая, что «брахикраны входили в тесные, по-видимому, семейные, контакты с основным долихокранным населением». Результатом таких явлений стало появление смешанного – мезокранного населения, обнаруженного в некоторых дмитриевских катакомбах.[34]

С.А. Плетнева, обобщая материалы из ямных погребений, замечает, что, несмотря на общее единство данного типа захоронений, «прослеживается множество разных обрядов, нарушающих строгий и простой ритуал». Причиной этого, по ее мнению, является, прежде всего,

[31] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 92.
[32] Там же. – С. 94.
[33] Там же. – С. 98.
[34] Там же. – С. 95.

результат «взаимного влияния катакомбного и ямного обычаев».[35] Но одной из самых существенных черт ямного погребального обряда является отсутствие каких-либо признаков, свидетельствующих о социальном имущественном расслоении населения, которое его придерживалось. Сразу можно отметить, что проведенные полевые исследования ямных могильников салтово-маяцкой культуры за последнее десятилетие, дает возможность посмотреть на эту проблему несколько иначе, но в 60-х гг. XX вв. материалы, имеющиеся в распоряжении С.А. Плетневой, не дали возможность сделать иные выводы. Данные исследованного почти полностью Волоконовского могильника на реке Оскол дали много новых, ранее не известных черт погребального обряда, характеризующих ямные погребения болгарского населения в ареале салтово-маяцкой культуры, но для характеристики социальной стратификации этого населения информация не прослежена. [36]

Трупосожжения также встречены в ареале салтово-маяцкой культуры. Среди памятников, содержащих трупосожжения, С.А. Плетневой выделяется Ново-Покровский могильник на реке Уда. Здесь встречены остатки трупосожжения в ямах без сосудов. Рядом с некоторыми могилами, видимо, богатых покойников, как считает С.А. Плетнева, обнаружены тайнички с оружием (стрелы, колчаны, поясные пряжки и так далее). Как подчеркивает С.А. Плетнева: «Это были не аланы и не болгары, а какое-то тюркское племя».[37] Выявленные несколько других погребальных комплексов по обряду трупосожжения также, по мнению С.А. Плетневой, связанны с тюркским этносом и не имеют никакого отношения к славянам, как считают некоторые исследователи.[38]

---

[35] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 98.
[36] Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник //СА. – 1976. – № 3. – С. 279-298.
[37] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 100-101.
[38] Там же. – С. 103.

Рассмотрев и классифицировав погребальные комплексы населения салтово-маяцкой культуры, С. А. Плетнева особенно выделила катакомбный обряд как наиболее полно изученный, в том числе и ею, и наиболее информативный для социальной реконструкции общества. В отличии от ямных и кремационных погребений именно катакомбные памятники, по мнению С.А. Плетневой, содержат значительное количество показателей социального ранга. И одним из таких социальных рангов являются вещественные комплексы. А из вещей, сопровождающих погребения, она первостепенное значение придает оружию, сбруе и поясным наборам. Из оружейного набора наиболее социально значимым является сабля, которая была очень дорогим оружием, и «положить его в могилу могла только богатая семья».[39] Не столь важным, но более распространенным видом оружия, по мнению С.А. Плетневой, были боевые топоры, которые пользовались популярностью у «северокавказских аланов и у жителей лесостепного Подонья».[40] Кроме того, она дает анализ и других видов вооружения (копья, кинжалы, луки, стрелы, колчаны) с точки зрения значимости их в оснащении салтовского воина.[41]

Но наибольшее внимание она уделяет поясным наборам. В своем исследовании этой категории вещей она отталкивается от выводов, к которым пришли исследователи поясных наборов предшествующего времени – IV-VII вв., среди которых она выделает следующие: каждый кочевник, ставший воином, носил специальный «боевой пояс»; количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина – «чем знатнее он был, тем больше он имел бляшек на поясе»; особое значение при этом придавалось конечным длинным бляшкам – «наконечникам, свисавшим с пояса».[42] С.А. Плетнева хорошо понимала, что с конца VIII в. воинские

[39] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 157.
[40] Там же. – С. 158.
[41] Там же. – С. 160-161.
[42] Там же. – С. 161.

украшения претерпели определенные изменения, но их значение, как она считает, оставалось прежним.

За основу анализа поясных наборов она взяла материалы Дмитриевского могильника, как наиболее хорошо документированного. На этом источнике она сделала ряд принципиально важных выводов. Во-первых, поясами снабжали всех умерших мужчин-воинов, «прошедших, видимо, какой-то обряд посвящения», во-вторых, имущественное положение не оказывало особого влияния на состав поясного набора; в-третьих, поясные наборы отличались один от другого количеством бляшек, формой, сочетанием бляшек разных типов; в-четвертых, пояса заказывались не одновременно, а по мере продвижения воина дополнялись новыми бляхами – «бляшки явно попадали на пояс в разное время и изготовлялись разными ремесленниками».[43]

Анализируя комплекс вооружения, включая поясные наборы, встреченные в катакомбных могильниках, С.А. Плетнева мужские погребения делит на 10 групп (рис. 22).

К погребениям первой группы автор относит захоронения мужчин из беднейших слоев населения. С. А. Плетнева не относит их к всадникам, из-за отсутствия атрибутики в погребальном инвентаре, а относит к числу осевших на землю кочевников, которые занимались земледелием. Чаще всего эти погребения совершались в маленьких катакомбах, не редко погребенные находились в скорченном “подчиненном” положении. С. А. Плетнева предполагает, что данную категорию населения можно отнести к прослойке домашних рабов, к которым, возможно, «относились и убитые во время похорон мужчин-воинов женщины и дети».[44]

Вторая группа погребений, по классификации С. А. Плетневой, мало чем отличается от первой. В качестве погребального инвентаря в

[43] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 163-166.
[44] Там же. – С. 168.

захоронениях данной группы встречается лишь один-два ножа, несколько бусин, мотыжка. В подобных захоронениях иногда попадались погребения женщин и детей. Из всего вышесказанного автор делает вывод, что мужчины, принадлежавшие к данной группе населения, были «более обеспечены», нежели представители первой группы, но никто из них не принадлежал к категории «воинов-всадников»[45].

Третью группу погребений С. А. Плетнева характеризует как погребения воинов. В имущественном отношении данная группа в большинстве случаев близка к наиболее «богатым» мужчинам второй группы, однако, по предположению С. А. Плетневой, представители третьей группы прошли некий обряд посвящения в воины[46].

К четвертой группе исследователь относит небольшое количество погребений воинов, похороненных с топорами, но без поясов, и не прошедших по каким-то причинам обряд посвящения в воины[47].

Представителей захоронений остальных шести групп С. А. Плетнева характеризует как воинские захоронения. Из анализа погребального инвентаря данных групп, автор делает вывод о том, что только сравнительно обеспеченные члены общества становились воинами: «именно в погребениях мужчин с поясами и оружием обнаружено большое количество вещей, скелетов женщин, детей, остовов коней со сбруей и прочего».[48]

Таким образом, делает вывод С.А. Плетнева, если не все обитатели Подонья, то довольно большое их количество было воинами-всадниками, особенно много их было в пограничных землях Хазарского каганата, «там, где стояли феодальные замки».[49]

[45] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 168.
[46] Там же. – С. 170.
[47] Там же.
[48] Там же. – С. 70.
[49] Там же.

Подводя общий итог исследования проблемы социальной стратификации салтово-маяцкого общества по материалам катакомбного погребального обряда, С.А. Плетнева пишет, что в целом, можно разделить население Подонья VIII–IX веков на два класса. Один класс составляли земледельцы, ремесленники и беднейшие кочевники. Члены этого класса, по мнению С.А. Плетневой, были лишены права становиться воинами. Даже тот, кто достигал имущественной состоятельности и фактически был воином и носил оружие, не получал звания воина.

Другой класс, по классификации С. А. Плетневой, составляли всадники. Все они «с молодых лет» получали право носить боевой пояс. Класс воинов-всадников, по мнению С. А. Плетневой, был господствующим классом, несмотря на то, что в погребениях «опоясанных» воинов встречался и богатый и довольно-таки скудный набор инвентаря.[50] Это деление, как считает С.А. Плетнева, нашло отражение и в письменных источниках у арабских авторов.

В совместной статье с Т.И. Макаровой, посвященной поясному набору из саркельского клада, о котором речь шла выше, еще раз поднят вопрос о статусе и значимости поясов для освещения проблемы социальной стратификации воинского сословия в Хазарском каганате.[51]

В статье дается реконструкция поясных наборов, содержащихся в кладе, типология бляшек, поясных наконечников и еще раз довольно убедительно подчеркивается, что «можно считать вполне доказанным, что пояс являлся признаком воинско-рыцарского достоинства», чем больше было на нем бляшек, тем знатнее был воин. Особенно большую значимость имел наконечник пояса. Выводы, сделанные по саркельскому кладу С.А. Плетневой, подкрепляются материалами Дмитриевского могильника.[52] Сразу

[50] Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 70.
[51] Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела //СА. – 1983. – №2. – С. 62-77.
[52]Там же. – С. 68.

отметим, что не все исследователи согласны с такой трактовкой поясных наборов, но на альтернативных точках зрения по этому поводу мы остановимся несколько ниже.

Еще раз возвращается С.А. Плетнева к проблеме социальной стратификации салтово-маяцкого общества в своем фундаментальном труде, вышедшем более чем через 20 лет после книги «От кочевий к городам», но на значительно более широком археологическом источнике, который был получен в ходе дальнейших раскопок Дмитриевского могильника.[53]

Книга содержит полную публикацию всего Дмитриевского могильника - более 170 могил, в том числе 152 катакомб, с разнообразным вещевым комплексом, который в монографии подвергнут тщательному и подробнейшему типологическому анализу.

Погребальный обряд, выявленный в катакомбных сооружениях, в данной работе С.А. Плетневой рассмотрен с тех же классификационных позиций, что и в работе «От кочевий к городам». Только эта типология более подробная и более детализированная. Но она при этом подчеркивает сходство основных элементов катакомбного погребального обряда в разных группах, типах, что «свидетельствует о его несомненном единстве». При этом некоторые элементы обряда, отмечает С.А.Плетнева, «встречены во всех группах, но с разной степенью частоты». К этим элементам относятся забивка камер материковой глиной, угольные подсыпки, разрушение скелетов, помещение в дромосы убитых животных, инвентаря и сосудов.[54]

Естественно, С.А. Плетнева в этой книге на более высоком, детально разработанном погребальном обряде и вещевых комплексах поднимает вопрос об экономическом и социальном статусе населения и вычленении его различных социально-экономических категорий. В данном случае для решения этой проблемы она привлекает:

---

[53] Плетнева С. А. На славяно-хазарском Пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – 285 с.
[54] Там же. – С. 243.

1. Сопровождающий инвентарь. Подчеркивая, что для наиболее богатых захоронений характерны наборы оружия, воинских поясов разного состава, золотые и серебряные серьги, наборы украшений, зеркала, наборы амулетов;

2. Погребальный обряд, включающий «захоронения воинов с посмертными женами на угольной подсыпке», захоронение женщин с оружием, помещение в дромосе туш коней и частей других животных;

3. Катакомбы с длинными дромосами и просторными камерами, многие из которых «засыпаны или полузасыпаны плотной материковой глиной».[55]

Всего она выделяет 19 признаков для определения экономического статуса захоронения мужчин и 18 для захоронения женщин (рис. 23; 24).

С.А. Плетнева обращает внимание на то, что в каждой богатой катакомбе могут быть не все обозначенные признаки, но обязательно должен присутствовать вполне определенный комплекс, «который дает право считать похороненного воина или женщину богатой».[56] По мере уменьшения в погребении признаков, характерных для богатых захоронений, «меняется, видимо, экономический (и общественный) статус погребенных в них людей». Наиболее многочисленные признаки (8-14) – это первая категория, для которой характерны большие катакомбы, «опоясанные воины с набором оружия…, с посмертной женой (на угольной подсыпке)» и другие признаки. Вторая категория мужских захоронений объединяет катакомбы, содержащие 5-7 признаков. И, как она подчеркивает, уменьшение количества признаков означает «принадлежность этой категории мужчин не только к менее обеспеченной, но и к менее влиятельной части населения». Третья категория катакомб определялась 3-4 признаками – это рядовые воины, как считает С.А. Плетнева. И, наконец, четвертая категория определялась 1-2

[55] Плетнева С. А. На славяно-хазарском Пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 273-276.
[56] Там же. – С. 273.

признаками, которые, по ее мнению, могут носить случайный характер. Но, тем не менее, некоторые из этих катакомб, как предполагает С.А. Плетнева, могут содержать захоронения людей, принадлежавших к воинскому сословию.

Практически с этих же позиций, с аналогичными критериями рассматривает С.А. Плетнева и женские захоронения, выделяя четыре категории по степени причастности к богатому (зажиточному) сословию в той или иной форме.

Что касается пятой категории мужских и женских захоронений, для которых характерно или вообще отсутствие вещей или их очень малое количество, то это самая многочисленная категория – 35-40% всех раскопанных катакомб, отмечает С.А. Плетнева.[57]

Она считает, что полученные результаты «в какой-то степени отражают реальное соотношение различных сословий в общественной структуре дмитриевского населения того времени».[58] Этот вывод достаточно убедителен и хорошо подкреплен археологическими источниками. Безусловно, права С.А. Плетнева, отмечая высокую степень военизированности населения, как мужчин, так и женщин на окраине Хазарского каганата.[59]

В заключительном разделе книги С.А. Плетнева еще раз возвращается к проблеме интерпретации воинских поясов и их значимости в социальной иерархии воинов. И уже на значительно большем материале, чем в предыдущих работах, она подчеркивает, что «право ношения любых составов поясов определялось не общественным и экономическим положением воинов и не их возрастом», а достижениями в воинском деле.[60] Но в то же время она

[57] Плетнева С. А. На славяно-хазарском Пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 277-278.
[58] Там же. – С. 278.
[59] Там же.
[60]Там же. – С. 280.

признает, что помимо воинских поясов были и рабочие пояса, «являвшиеся неотъемлемой частью одежды».[61]

К проблеме социальной дифференциации населения салтово-маяцкой культуры по археологическому материалу в самых общих чертах обращался и В.К. Михеев. Он отмечал, что исследования археологических памятников подтверждают определенное расслоение в среде населения салтово-маяцкой культуры и здесь нужно выделить различные его категории: «зависимые скотоводы, земледельцы, рядовые общинники, ремесленники, существенно привилегированные и зажиточные слои».[62]

В своей докторской диссертации В.К. Михеев развил дальше и детализировал свои взгляды на проблему социальной дифференциации населения салтово-маяцкой культуры. Анализируя материалы Верхнесалтовского могильника, он высказал предположение о возможности выделения трех общественных групп: бедняки (низшая), земледельцы и ремесленники (средняя), военная служилая аристократия (высшая). Причем он отмечал, что для большинства населения социальное положение определялось с момента рождения и передавалось по наследству в определенной группе. [63]

Выводы В.К. Михеева в целом не противоречат разработкам в этой области С.А. Плетневой.

К социальной дифференциации аланского населения лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры обращается Г.Е. Афанасьев. В своей монографии, посвященной этой проблеме, он подверг критике взгляды С.А.Плетневой, посчитав, что ее «система обработки материала сильно грешила методической и информационной противоречивостью и неполноценностью».

---

[61] Плетнева С. А. На славяно-хазарском Пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 281.

[62] Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С.99.

[63] Михеев В.К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья- Приазовья (середина VIII – середина X веков): автореф. дис. … док. ист. наук. – Киев, 1986. – С. 21-28.

Одна из главных претензий Г.Е. Афанасьева к С.А. Плетневой – неправомерное, слишком обобщенное в ряде случаев распределение вещевого погребального инвентаря по признакам, в результате чего, по мнению Г.Е. Афанасьева, некоторые признаки «получили неоправданное значение». [64]

В своей монографии Г.Е. Афанасьев дает характеристику целого ряда «взаимосвязанных иерархических структур» салтовского общества: социальных статусов индивидов; форм семейной организации; родоплеменных структур; макрорегиональных поселенческий объединений. Из этих четырех структур С.А. Плетнева в своем исследовании касалось только перовой – социального статуса индивидов.[65] Поэтому мы останавливаемся на взглядах Г.Е. Афанасьева на эту проблему.

Г.Е. Афанасьев считает, что к началу 90-х гг. XX в. салтовская археология находилась в «глубоком кризисе», а «главной причиной являлось то, что в последние 25-30 лет она развивалась преимущественно в соответствии с концепцией накопления полевого материала», что не привело исследователей к историческим выводам принципиально нового характера. Не будем вступать в полемику по этому достаточно спорному тезису, ибо, во-первых, совершенно очевидно, что без накопления материала невозможно никакое археологическое исследование, что прекрасно демонстрирует и сам Г.Е. Афанасьев в данной монографии. И во-вторых, рассмотрение и анализ взглядов С.А. Плетневой по салтовской археологии в предыдущих и последующих разделах диссертации призваны опровергнуть данную точку зрения и показать, что данное направление археологической науки развивалось достаточно динамично именно благодаря пополнению источниковой базы. В то же время С.А. Плетнева в своей статье в 1990 году, 25 лет тому назад, (за несколько лет до выхода книги Г.Е. Афанасьева)

[64] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М., 1993. – С. 7.
[65] Там же. – С. 7-8.

отмечала, что «в археологической науке идут интенсивные поиски новых путей обработки материала», но некоторые исследователи «при этом увлекаются больше методикой, а не материалом, которого не редко бывает маловато или он за методическими штудиями просто не виден».[66] Г.Е. Афанасьев для преодоления и выхода из «кризиса», сложившегося в салтовской археологии, обратил внимание на необходимость применения комплексного разностороннего подхода в исследовании археологического источника при изучении «социальной дифференциации исследуемого общества». Этот комплексный метод должен включать в себя: строгий отбор анализируемого материала; четко оговоренные исследовательские приемы; многовариантные рабочие гипотезы и их статистические проверки; тесное сотрудничество с антропологами «в рамках объединенной стратегии исследования на современном методическом уровне».[67]

Следует сразу же оговориться, исследование С.А. Плетневой в области социальной дифференциации салтовского общества базировалось именно на большинстве обозначенных Г.Е. Афанасьевым методических подходах.

Г.Е. Афанасьев по примеру западных коллег создал поисково-информационную систему «Буртас», которая по выражению автора «выполняет роль важного технического инструмента резко повышающего производительность труда археолога». Кроме того, он достаточно активно использует в своей работе различные статистические методы.[68]

Г.Е. Афанасьев, проведя определенные палеодемографические исследования населения салтово-маяцкой культуры, использовавшего катакомбный обряд, определил основные детали этого обряда по возрастным и половым группам. Эту работу он провел в отдельности по памятникам – Дмитриевскому могильнику (на основе раскопок и публикаций С.А.

[66] Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии //СА. – 1980. – №2. – С. 89.
[67] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 10.
[68] Там же. – С. 11.

Плетневой) и Верхнесалтовскому могильнику (раскопки В.А. Бабенко, Н.Е. Макаренко, А.С. Федоровского, П.С. Уваровой, Н.В. Покровского).

Для одиночных детских захоронений Дмитриевского могильника, как определил Г.Е. Афанасьев, характерны: меньшие размеры дромоса и камеры, отсутствие сопровождающих вещей, наличие горшков в дромосе и кружек в камере и ряд других признаков. «Лиц, не достигших репродуктивного возраста, по традиции дмитриевской общины хоронили практически без вещей, редкие находки отдельных предметов отражали отклонение от существовавших обрядовых форм» - пишет Г.Е. Афанасьев.[69] Данный вывод вполне согласуется с тем, на что обращала внимание С.А. Плетнева при анализе детских захоронений.

Погребальный ритуал для погребения взрослых (не разделяя на мужские и женские) характеризуется Г.Е. Афанасьевым следующими основными признаками: большими размерами дромоса и камеры, прямоугольной формой камеры, наличием вещей всех категорий, наличием в дромосе кувшинов и кружек.[70]

Затем им рассмотрены отдельно мужские и женские захоронения для определения специфики погребального обряда для каждой из этих групп. Он устанавливает некоторые общие и отличительные черты не принципиального характера в конструкции погребальных сооружений (дромоса и камеры). Не наблюдается разница и в укладывании погребенных в камере – мужчины и женщины укладывались, как правило, головой в лево от входа. На это же обращала внимание и С.А. Плетнева. Г.Е.Афанасьев, как и ранее С.А. Плетнева, подчеркивает, что мужские скелеты, там, где удалось установить, лежат на спине, женщины на правом боку, реже - на левом. Достаточно четкую дифференциацию мужских и женских погребальных обрядов Г.Е. Афанасьев прослеживает в сопровождающем инвентаре, на что неоднократно

[69] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 21.
[70] Там же.

обращала внимание и С.А. Плетнева. Как проследил Г.Е. Афанасьев, «для мужских погребений характерны элементы конской сбруи, упряжи, оружия, некоторые виды орудия труда (тесла, мотыги), остатки одежды, поясная гарнитура»; для женских погребений – некоторые виды орудий труда (ножницы, прясла), разнообразные украшения, зеркала. Кроме того, он отмечает определённую специфику мужских и женских захоронений, проявляющуюся в керамических наборах и в месте их установки. [71]

Г.Е. Афанасьев делает вполне очевидный вывод, что «погребальный обряд лиц, не достигших репродуктивного возраста, отличается от ритуала захоронения взрослых, а погребальная традиция мужчин отличается от обряда захоронения женщин.»[72]

Приступая к сравнительному анализу мужских погребений с точки зрения их дифференциации, Г.Е. Афанасьев исходит из «общепринятого допущения, что захоронения индивидуумов высокого ранга должно сопровождаться более обширным набором вещей»[73], что, в общем-то, характерно для процедуры исследования традиционными археологическими методами. Затем Г.Е. Афанасьев путем проведения факторного анализа и других процедур с «вещевым набором» в мужских погребениях установил, что в дмитриевской общине существовал дифференцированный подход в подборе вещей в том или ином погребении. Г.Е. Афанасьев пришел к выводу о возможности выделения в мужской части данного коллектива «двух общественных рангов» – первый ранг составляет 19,23 % и второй ранг - 80,77% от всех погребений.[74]

При этом Г.Е. Афанасьев подчеркивает, что причины принадлежности того или иного погребенного мужчины к определенному рангу определялись

[71] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 20-25.
[72] Там же. – С. 26.
[73] Там же.
[74] Там же. – С. 28.

прежде всего отношением к системе воинской организации, что влияло на формирование «погребального набора».[75] Причем Г.Е. Афанасьев выявил и различия в погребальных сооружениях первого и второго ранга, показав, что камеры с погребениями первого ранга значительно больше камер с погребениями второго ранга.[76]

Проводя аналогичные исследовательские процедуры с женскими погребениями Дмитриевского могильника, Г.Е.Афанасьев также выявил «два основных общественных ранга, которые характерны для представителей женской части дмитриевской общины» – первый ранг - 33,33% и второй ранг - 66,66% всей выборки погребений. При этом он отметил, что женщины, погребенные совместно с мужчинами, как правило, входили в состав первого социального ранга, а женщины, похороненные в одиночных камерах, принадлежали ко второму социальному рангу.[77] И заканчивая анализ процесса социальной стратификации населения дмитриевской общины, Г.Е. Афанасьев подчеркивает, что он в большей степени затронул мужскую часть и регулировался отношениями индивидуума к воинской организации, «при этом в совместном захоронении мужчин и женщин ранг женщин определялся не рангом мужчины, а причинами их совместного погребения, то есть, вероятно, фактом брака».[78]

Рассмотрев предложенную Г.Е. Афанасьевым схему социальной дифференциации дмитриевской общины по материалам могильника этого комплекса памятников, необходимо отметить, что каких-либо резко принципиальных отличий от рассмотренной ранее концепции по данному вопросу С.А. Плетневой не прослеживается, хотя взгляды этих двух исследователей и не во всем тождественны. Но и С.А. Плетнева, и Г.Е.

---

[75] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 29.
[76] Там же. – С. 29.
[77] Там же. – С. 33.
[78] Там же.

Афанасьев отмечают практически безинвентарность и малые размеры погребальных сооружений у детей, не достигших репродуктивного возраста; отмечают наличие воинского сословия, которое в погребальной обрядности отмечено большими размерами погребальных сооружений (дромоса и катакомбы), а также определенным набором вещей.

Но если Г.Е. Афанасьев выделает в этой социальной категории два ранга, то С.А. Плетнева предлагает более дифференцированный подход к группе воинов. В совместных погребениях мужчин и женщин один ранг женщины определялся, вероятно, фактом брака, как отмечает Г.Е. Афанасьев. Но если Г.Е. Афанасьев ограничивается констатацией данного факта, во всяком случае, в данном разделе монографии, то С.А. Плетнева предлагает к рассмотрению некоторые варианты форм брака, в том числе и посмертный брак воина с рабыней-наложницей, свидетельством чего, по ее мнению, является угольная подстилка под погребенными, на что обращалось внимание выше.

Г.Е. Афанасьев исследовал и социальную дифференциацию индивидуумов верхнесалтовской общины также по материалам могильника. С.А. Плетнева не стала столь детально разбирать, как Дмитриевский могильник, материалы этого памятника, аргументируя недостаточностью и противоречивостью информации, которая содержится в публикации, ограничившись самой общей его характеристикой и некоторыми сопоставлениями с Дмитриевским могильником.[79]

Г.Е. Афанасьев провел исследования Верхнесалтовского могильника по тем же программам и процедурам, что и Дмитриевского, выявив общее и особенное в погребальной обрядности этих двух памятников и в социальной дифференциации населения у двух общин. Он отметил, что общее у двух общин прослеживается в размерах погребальных детских сооружений, но отмечал разницу вещевых комплексов этих захоронений. Если в детских

[79] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 86-91.

захоронениях Дмитриевского могильника нет вещей, то в Верхнесалтовском «они довольно обычны, хотя состав детских вещевых наборов там отличается от взрослых». Но обращает внимание Г.Е. Афанасьев на то, что «в них полностью отсутствуют орудия труда и предметы вооружения», то есть и в Верхнесалтовском могильнике, как и в Дмитриевском, орудия труда и оружие является принадлежностью лиц, достигших репродуктивного возраста, что неоднократно подчеркивала и С.А. Плетнева. Далее Г.Е. Афанасьев отмечает, что наблюдается сходство в основных направлениях социальной иерархии у мужчин верхнесалтовской и дмитриевской общин. В обоих случаях выделяется два основных общественных ранга.[80]

Вместе с тем Г.Е. Афанасьев полагает, что социальное расслоение у населения, оставившего Верхнесалтовский могильник, проходило более интенсивно, нежели в дмитриевской общине. Об этом, по его мнению, свидетельствует, во-первых, значительное число погребений мужчин, которым «не полагалось класть вещей», во-вторых, очень незначительный процент, по сравнению с Дмитриевским могильником - 5,88% погребений мужчин первого ранга и 91,18% - второго ранга. Но в обоих случаях, подчеркивает Г.Е. Афанасьев, принадлежность к тому или иному рангу «зависела от того места, которое занимал мужчина в системе воинской организации», что полностью согласуется со взглядами С.А. Плетневой на проблему социальной стратификации мужской части дмитриевской общины.[81]

Что касается женских захоронений на Верхнесалтовском могильнике, то Г.Е. Афанасьев также вычленяет два основных общественных ранга, но отмечает при этом, что в отличие от дмитриевской общины, где ранг женщины определялся ее семейным положением, в верхнесалтовской

[80] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 45-50.
[81] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 273.

общине принадлежность женщины к тому или иному рангу определялась наследственностью, происхождением. Этот факт также является для Г.Е. Афанасьева аргументом для вывода, что «верхнесалтовское общество в социальном отношении было более дифференцировано, по сравнению с дмитриевским».[82]

С.А. Плетнева еще в книге «От кочевий к городам» (1967 год) обратила внимание на наличие определенных различий в погребальном обряде Дмитриевского и Верхнесалтовского могильников.[83] Но отличие одного могильника от другого она никак не связывала с какими-либо социальными процессами в том и другом коллективе. С.А. Плетнева эти явления рассматривала, вероятно, как определенную этнографическую специфику племенной или родовой организации,[84] на что выше обращалось внимание.

Г.Е. Афанасьев с ссылкой на исследование В.И. Абаева приводит лингвистические свидетельства о двух социальных статусах у мужчин, существовавших в социально-политической структуре Осетии. Из них наивысший общественный ранг, обозначавшийся термином «алдар», который имел первоначальное значение «военный предводитель». Остальная масса свободных членов осетинского общества обозначалась «афсад» - «войско, масса». В «афсад» не входили пленные и рабы. Далее Г.Е. Афанасьев отмечает, что можно говорить о том, что выделенные им на археологическом материале два социальных ранга среди мужской части аланского населения лесостепной зоны Среднего Дона нашли полное подтверждение в исследованиях этого вопроса лингвистами. И он обращает внимание на замечание Ж. Дюмезиля, который считал, что свободные общинники (второй ранг, «афсад» по Г.Е. Афанасьеву) также были

[82] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 50.
[83] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С.88.
[84] Там же. – С. 90.

«одинаково равны», что согласуется с аналитическими материалами по Дмитриевскому могильнику, считает Г.Е. Афанасьев.[85]

Определенное внимание проблеме социального устройства салтово-маяцкого общества уже после выхода двух основных монографий С.А. Плетневой уделил В.С. Флеров, но лишь одна небольшая статья, посвящена специально этому вопросу[86], в которой он на основе материалов Маяцкого могильника пришел к выводу об отсутствии какого-либо имущественного расслоения населения, оставившего этот памятник, и в социальном плане оно выглядит, по мнению В.С. Флерова, достаточно однородным. Сразу отметим, что в монографическом исследовании Маяцкого могильника, вышедшем 1993 году, эта проблема освещена не столь категорично и однозначно. Говоря о конструктивных особенностях катакомб Маяцкого могильника, В.С. Флеров отмечает, что ряд катакомб имели несколько увеличенные размеры, которые определяются социальным статусом погребенных, но тут же он подчеркивает, что если исходить из «незначительной вариабельности размеров погребальных камер в совокупности с незначительными различиями в длине дромосов, то мы приходим к одному из важнейших выводов… - о социальной однородности погребенных во всей серии раскопанных катакомб».[87]

Проблему социальной дифференциации населения салтово-маяцкой культуры по материалам Маяцкого могильника освещать достаточно сложно, ибо, как установил В.С. Флеров, «большая часть вещей, бывших при погребенных, извлекалась в процессе обряда обезвреживания».[88] Но некоторые наблюдения им отмечены. Анализируя одиночные мужские

---

[85] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 50.

[86] Флеров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате //Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. – Пенза, 1990. – С. 84-87.

[87] Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – Волгоград, 1993. – С. 14.

[88] Там же. – С. 24.

погребения, он подчеркивает отсутствие какой-либо зависимости наличия поясных наборов в большинстве погребений от возраста погребенных, при этом они являются «самыми характерными вещами мужских погребений и по частоте встречаемости в них занимают первой место». В то же время он выделяет отдельные погребения, в которых захоронения, судя по инвентарю, в том числе и бляшкам от поясных наборов, по выражению автора, причастны к «воинскому делу». [89]

Анализируя одиночные женские погребения, он обращает внимание на скорченную позу погребенных, подчеркивая близость в этом компоненте обряда с рядом других могильников, в том числе и с Дмитриевским. Но не соглашается с высказанным С.А. Плетневой предположением, что такая поза погребенных символизировала определенную социальную неравноправность по отношению к мужчинам. В качестве примера В.С. Флеров приводит женские захоронения Верхнесалтовского могильника, где погребенные лежат вытянуто на спине, замечая при этом, что «вряд ли социально-семейный статус женщин Верхнего Салтова был выше, чем у женщин из общины, практиковавших скорченную позу». В.С. Флеров считает, что женские захоронения Верхнесалтовского могильника в этом компоненте погребального обряда отражают «древние сарматские традиции», а у других группировок в салтово-маяцкой культуре они уже были изжиты.[90] Но, во-первых, В.С. Флеров не объясняет все-таки причины появления в женских погребениях обряда скорченности; во-вторых, как уже отмечалось, Г.Е. Афанасьев показал, что уровень социального развития населения верхнесалтовской общины был несколько выше, чем в дмитриевской (В.С. Флеров, вероятно, не был знаком с упомянутой монографией Г.Е. Афанасьева в период подготовки монографии о Маяцком могильнике, ибо обе они вышли в одном году – 1993); в-третьих, еще С.А. Плетнева

[89] Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – С. 24.
[90] Там же. – С. 25.

неоднократно подчеркивала, на что нами обращалось внимание, что каждый катакомбный могильник имеет свою специфику в деталях обряда, но всех их объединяет само погребальное сооружение – катакомба.

Далее В.С. Флеров характеризует вещевой инвентарь в женских захоронениях и отмечает, что «выделить среди женских погребений бедные» или «богатые» невозможно, но в то же время, не отрицает возможности связи «количества бус с имущественным положением» …, хотя в целом считает, что малочисленность бус в наборе украшений, является «этнографической особенностью маяцого населения».[91]

Вторая группа катакомб, выделенных на Маяцком могильнике В.С. Флеровым, это так называемые «семейные». Они составляют на данном памятнике чуть более 16% всех раскопанных катакомб. Анализируя данные комплексы, В.С. Флеров отмечает, что говорить о «посмертных» браках, символом чего, по мнению С.А. Плетневой, является угольная подсыпка, довольно сложно. Материалы Маяцкого могильника не позволяют ни опровергнуть, ни подтвердить точку зрения С.А. Плетневой для салтово-маяцкой культуры в целом. Но преобладание на могильнике индивидуальных погребений не дает повода, по ее мнению, говорить о существовании в маяцкой общине обычая посмертных браков и в связи с этим насильственного умерщвления женщин.[92] И в заключение данного раздела автор обращает внимание на невозможность применительно к этой категории погребенных «что-либо определенное сказать о системе имущественной дифференциации погребенных». [93]

В 1993 году в журнале «Российская археология» в разделе «Дискуссии» опубликованы статьи Г.Е. Афанасьева[94] и С.А. Плетневой, [95] посвященные

[91] Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – С. 28.
[92] Там же. – С. 32.
[93] Там же. – С. 33.
[94] Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан //РА. – 1993. – № 4. – С. 131-144.

проблеме социальной дифференциации у населения салтово-маяцкой культуры аланского варианта лесостепной зоны бассейна Дона.

И хотя статьи помещены в разделе «Дискуссии», обе статьи не носят взаимополемический характер. Каждый автор излагает свою позицию, в основном известную по предыдущим работам, внеся лишь некоторые уточнения, конкретизирующие основные выводы.

Г.Е. Афанасьев в этой статье признает, что предложенная С.А. Плетневой социальная дифференциация донских алан на две группы еще в книге «От кочевий к городам» «полностью подтверждается путем многомерного статистического анализа значительно большей по объему выборки».[96] Далее Г.Е. Афанасьев предлагает более дробное деление выделенных им двух рангов в мужской воинской иерархии салтовского населения в лесостепной зоне бассейна Среднего Дона.[97]

Необходимо отметить, что более дробная стратификация донских алан, прослеженная Г.Е. Афанасьевым, довольно четко перекликается с достаточно дробной дифференциацией, отмеченной С.А. Плетневой по материалам Дмитриевского могильника.[98]

В статье С.А. Плетневой в качестве источника снова выступают катакомбные погребения Дмитриевского могильника. Обращение к этой проблеме вновь на материалах опубликованного и довольно глубоко проанализированного Дмитриевского могильника С.А. Плетнева аргументирует тем, что проблема общественного и социального статуса погребенных, по ее мнению, в книге «не развернута и отражена фактически

---

[95] Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. – 1993. – № 4. – С. 160-172.

[96] Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан. – С. 140.

[97] Там же. – С. 141-142.

[98] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 273-276.

только (как и сам материал) в некоторых сводных таблицах».[99] Как и в предыдущих своих работах в основе выделения «критериев богатства» С.А. Плетнева рассматривает 3 комплекса признаков:

1. Наличие определенных предметов в составе погребального инвентаря для мужчин - различного типа оружие, сбруя, воинские пояса, сбруйные украшения; для женщин – украшения из драгоценных металлов, зеркала, амулеты, бусы;

2. Элементы погребального обряда - сопровождение погребенного животным, угольная подсыпка. Помещение в дромосах животных, является, считает С.А. Плетнева, «по существу так же как и помещение в могилу дорогих вещей вложением в погребальный ритуал «предметов», имевших безусловную ценность при жизни». [100] Что касается захоронений на угольной подсыпке мужчин и женщин или мужчин, женщин и детей, то С.А. Плетнева еще раз подчеркивает, что это свидетельство, так называемого, посмертного брака, когда женщины и дети убивались «так же как и убивались при похоронах конь и собака» - это имущество умершего.[101]

3. Большие размеры погребального сооружения и наличие плотного заполнения дромоса - целенаправленно сооруженного препятствия на пути потенциальных грабителей. Но этот признак, как неоднократно подчеркивала С.А. Плетнева, самый неустойчивый, ибо и большие катакомбы, и забивка камер встречается и в абсолютно безинвентарных погребениях.[102]

Объединив три комплекса признаков, она выделила 18 признаков (рис. 25-27), при определенном сочетании которых она выстраивает иерархические ступени захоронений. И далее практически повторяет те же социальные группы, только количество признаков, их характеризующих, какие были

[99] Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. – С. 160.
[100] Там же.
[101] Там же. – С. 161.
[102] Там же. – С. 162.

выделены в монографии при публикации материалов Дмитриевского могильника несколько видоизменено, но эти изменения не принципиального характера.

В этой же статье С.А. Плетнева еще раз обращает внимание, несмотря на определенную критику оппонентов, на значение поясов для «военизированного мужского и женского населения хазарского пограничья». Она и здесь подчеркивает, что право ношения поясов имели отличившиеся в боях воины и «принадлежность к определенной категории не влияла на право ношения поясов».[103]

Таким образом, проведенный анализ погребального обряда Дмитриевского могильника позволил С. А. Плетневой говорить о наличии в аланском обществе социально экономической иерархии, на вершине которой находились воины-всадники и их жены, основную массу населения представляли пешие воины с семьями, низшую ступень занимали рабы.

С. А. Плетнева обращает внимание на то, что выделенные категории не могут абсолютно точно отражать структуру аланского общества, так как есть некоторые дополнительные факторы, которые влияют на общую характеристику погребений, то есть на количество признаков в каждой из них. Погребальный обряд подвергается влиянию целого рада факторов, таких как хронологические изменения, антропологическая неоднородность, проникновение иноэтничных элементов, распространение обряда ритуального разрушения и других явлений, среди них и зависимость от исследователя этого памятника в наши дни. Все это, по мнению С. А. Плетневой, не позволяет считать статистические методы абсолютно доказательными[104]. Помимо учета всего вышеперечисленного следует принимать во внимание локальные особенности, присущие каждому памятнику.

---

[103] Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. – С. 167-168.
[104] Там же. – С. 170.

В заключении статьи С. А. Плетнева ещё раз подчеркивает, что лишь учет всех возможных факторов, вкупе с индивидуальным подходом к каждому памятнику позволит говорить о правомерности выделения социально-экономических категорий для салтово-маяцкой культуры в целом[105].

Рассматривая проблему социальной дифференциации населения салтово-маяцкой культуры в интерпретации С.А. Плетневой, ее значения и влияния на исследование всего круга вопросов, связанных с этой большой темой в отечественной археологии, необходимо отметить, что изучение проблем экономического и социального неравенства, которое достаточно четко проявляется в археологическом материале ряда памятников, довольно высокий уровень экономики (земледелия, ремесла, торговли), требует ответа или постановки вопроса – на какой ступени (стадии общественного развития) находилось исследуемое общество? Ответить на этот вопрос или хотя бы наметить пути его решения можно только при комплексном исследовании всего круга источников по истории Хазарского каганата, включая и население салтово-маяцкой культуры, в котором археологические материалы, безусловно, играют очень важную роль, и естественно, что С.А. Плетнева не могла в своем творчестве обойти и этот вопрос.

Еще в работе 1940 года М.И. Артамонов достаточно уверенно отмечал, что укрепленные поселения салтово-маяцкой культуры, такие как Маяцкое, Правобережное, Цимлянское городища и другие, можно рассматривать, как центры «формирующихся феодальных образований», которые господствовали «не только над населением, которое жило непосредственно возле его стен, но и над жителями неукрепленных поселений».[106]

---

[105] Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. – С. 172.

[106] Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. – С. 159.

О патриархально-феодальных отношениях и углублении экономического расслоения в кочевом обществе, в котором «собственность на землю фактически уже сосредоточилась в руках родовой знати, а эксплуатация маркируется родственными отношениями», - писал М.И. Артамонов применительно к ситуации, сложившейся в Хазарском каганате к VIII веку и в работе 1958 года «Саркел - Белая Вежа».[107]

В таком ключе характеризует М.И. Артамонов социально-общественную систему Хазарского каганата в своем фундаментальном труде «История Хазар».[108]

И.И. Ляпушкин поддержал М.И. Артамонова и писал, что «трудно что-либо возразить против оценки салтово-маяцкого общества как общества феодализирующегося. Нам кажется, что это положение вполне может быть принято как рабочая гипотеза».[109]

Будучи в хазароведении ученицей М.И. Артамонова и, отвечая на запросы советской исторической науки, С.А. Плетнева восприняла концептуальные разработки в этой области исторического знания и попыталась их развить дальше на археологическом материале, с использованием, конечно, доступных письменных источников.

В первой же монографии, в которой закладывались основы ее хазароведческих археологических исследований, С.А. Плетнева поставила своей целью проследить путь кочевых народов, составивших этническую основу Хазарского каганата, к оседлости или к полуоседлому образу жизни. Не случайно образное название книги - «От кочевий к городам».

Как отмечалось в предыдущих разделах работы, С.А. Плетнева предприняла попытку проследить определенную эволюцию поселений, связав их со ступенями кочевания, с формами собственности на скот и землю. Появление первых поселений с «земляными укреплениями» она

[107] Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. – С. 47-48.
[108] Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 400-402.
[109] Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – С. 137.

связывает не с «какими-то внешними событиями, а с теми процессами, которые протекали внутри феодализирующегося общества Хазарского каганата». Это, по ее мнению, были «первые своеобразные замки феодалов, предназначенные для защиты лишь части населения…, связанного в единое целое уже не родовыми, а феодальными связями».[110]

Городища с каменными стенами, которые С.А. Плетнева обозначила как «белокаменные замки», по ее мнению, были «крупными феодальными гнездами», сооружавшимися, с одной стороны, для контроля над водными торговыми путями, с другой – «для возвышения над оседлым или полуоседлым местным населением». Кроме того, как считает С.А. Плетнева, эти крепости имели определенное «оборонное значение для салтовской земли».[111]

Рассмотрев весь комплекс материалов в археологии Хазарского каганата, имевшегося на середину 60-х гг. XX века, в комплексе с этнографическими данными и сообщениями письменных источников, С.А. Плетнева пришла к выводу, который фактически повторяет заключение М.И. Артамонова о патриархально-феодальных отношениях, сложившихся в Хазарском каганате. Она пишет в заключении книги «От кочевий к городам»: «Родовая аристократия превратилась в феодальную, а каган – в верховного сюзерена-феодала. Каган, главы крупных племен, родов и даже богатых семей составили феодальную иерархическую лестницу». Феодалы-кочевники уже к VIII веку «стремились поддерживать видимость патриархально-родового строя».[112]

В исследовании по средневековому кочевничеству С.А. Плетнева развивает и конкретизирует свои представления об общественном строе, который созревал в недрах Хазарского каганата. В введении она отмечает, что в период VII-IX вв., «то есть фактически эпоха Хазарского каганата», у

[110] Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 24.
[111] Там же. – С. 43.
[112] Там же. – С. 183.

населения степей Восточной Европы складывались классовые отношения, «соответственно феодальное владение землей», которое началось на второй стадии кочевания, «когда произошло разделение пастбищ на отдельные участки кочевания».[113] Далее она отмечает, что сами хазары, создав свое государство – Хазарский каганат, в отличие от других народов в него входящих, у которых активно шел процесс перехода к оседлости, «постоянно оставались на второй, а некоторые орды даже на первой стадии кочевания».[114] Из контекста взглядов С.А. Плетневой на эволюцию социального развития этносов в Хазарском каганате, становится очевидным, что эти процессы были далеко не одинаковы для каждого из них. Одни уходили вперед в своем развитии, у других они или консервировались или протекали несколько в замедленном темпе.[115] Но в целом она отмечает, что, «несмотря на своеобразную характерную для кочевников «вуаль» патриархальных отношений, наброшенную на все стороны жизни населения каганата, его социальный строй можно вполне считать развитым феодализмом».[116]

В своей итоговой работе по Дмитриевскому могильнику С.А. Плетнева, как уже само собой разумеющееся, пишет о феодалах, которые строили замки на севере Хазарского каганата, в частности, феодалу принадлежала Дмитриевская крепость и ряд других крепостей с белокаменными стенами.[117]

Ряд критических замечаний С.А. Плетневой по поводу феодализма, классовых отношений в Хазарском каганате высказал В.С. Флеров.[118] С ним

---

[113] Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – С. 10.
[114] Там же. – С. 51.
[115] Там же. – С. 99.
[116] Там же. – С. 103.
[117] Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – С. 271.
[118] Флеров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате. – С. 84-87.

солидаризировался Г.Е. Афанасьев.[119] Эту же критику В.С. Флеров повторил и в своей более поздней работе, вышедшей уже после смерти С.А. Плетневой, справедливо указав на определенную противоречивость в ее характеристике феодализма в Хазарском каганате.[120]

Вместе с тем Г.Е. Афанасьев подчеркивает, что, выделяя у алан два общественных ранга – алдар и афсад, отмечает и отсутствие каких-либо оснований «видеть в них уже сформировавшиеся классы феодалов и зависимых крестьян». Вместе с тем он считает, что у населения салтово-маяцкой культуры «ряд социальных характеристик и тенденций общественного развития вполне укладываются в рамки раннеклассового общества».[121]

Какие же это характеристики и тенденции, по мнению Г.Е. Афанасьева? Во-первых, ремесленная специализация и развитие торговли, что «порождает обмен продуктами между производителями в различных отраслях хозяйства» и «стимулирует производство товаров на рынок»; во-вторых, формирование ранних городских центров с сельско-хозяйственной округой - в качестве примера Г.Е. Афанасьев приводит Ютановский комплекс, который содержит признаки раннегородского центра; в-третьих, одним из индикаторов раннеклассового общества является письменность, о наличии которой свидетельствуют эпиграфические памятники, обнаруженные на меловых стенах Маяцкой крепости. На основании этих факторов Г.Е. Афанасьев делает вывод, «что рассматриваемое общество донских алан перешло ту незримую черту, которая отделяет патестарную организацию от раннеклассовой»[122] и определил его как «вождество», для

[119] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 7, 152.
[120] Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – С. 208-210.
[121] Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 152.
[122] Там же. – С. 153.

которого характерно, по его мнению, далеко зашедшее разложение первобытного общества, выделение родоплеменной верхушки, «занятой контролем за общественными ресурсами и организацией общественных работ, военным предводительством».[123] С таким выводом Г.Е. Афанасьева может быть следует согласиться, но только применительно к донским аланам, занимавшим самые окраинные районы Хазарского каганата – его северное, северо-западное пограничье. С.А. Плетнева смотрит на эту проблему несколько шире, она рассматривает в целом Хазарский каганат, в котором, как она многократно отмечала, и на это в данной работе акцентируется внимание, входило несколько сильных этнических общностей, отличавшихся друг от друга по многим параметрам – по языку, антропологии – и каждая из них имела «свои экономические и этнографические особенности, свою территорию».[124] Безусловно, были свои особенности у каждого этноса, входившего в Хазарский каганат. Но при этом, привлекая достаточно широко, на сколько это было возможно, письменные источники, отмечает, «что в государстве (Хазарском каганате Т.С.) был развит бюрократический аппарат: правители портовых городов и завоеванных даннических областей (тудуны), сборщики податей, судьи и, вероятно, даже полиция, роль которой могли выполнять воины из царского войска (лариссии)».[125] Эта характеристика в большей степени относится к хазарам и, возможно, к их сателлитам – болгарам. Именно эти факты дали возможность С.А. Плетневой утвердиться во мнении, что в Хазарском каганате «социальный строй мы вполне можем считать развитым феодализмом».[126] К сожалению, С.А. Плетнева не раскрывает полностью свое понимание понятия «феодализм» применительно к Хазарскому каганату особенно в

[123] Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – С. 152.
[124] Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – С. 105.
[125] Там же. – С. 103.
[126] Там же.

формах землевладения, на что обратил внимание В.С. Флеров.[127] Может быть по причине критики со стороны своих оппонентов, прозвучавшей в работах в начале 90-х гг. XX в., или по причине собственного переосмысления источников, прежде всего, археологических, в заключительной своей большой работе – «Очерки хазарской археологии» о феодализме в Хазарском каганате речи уже практически не идет, включая даже заключительный раздел «Сложение государственной культуры».

И вопрос об общественном строе Хазарии и по сей день не получил своего окончательного решения.

[127] Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – С. 210.

Заключение

Вторая половина XX века в археологическом хазароведении ознаменовалась определёнными успехами и это безусловно связано, прежде всего, со всесторонней деятельностью в этой области С.А. Плетневой.

Активное участие в Волго-Донской экспедиции (руководитель – М.И. Артамонов) и исследование С.А. Плетневой Саркельского могильника во многом предопределили ее будущие место и роль в отечественной науке, как ведущего специалиста по археологии Хазарского каганата на протяжении многих десятилетий второй половины XX века.

Ее разведками и исследованиями ряда других археологов (Г.Е. Афанасьев, В.К. Михеев и его ученики, В.С. Флёров, К.И. Красильников и другие) обнаружено и введено в разной степени в научный оборот «не менее восьми сотен археологических памятников – от крепостей и крупных поселений до следов кочевий», так или иначе связанных с Хазарским каганатом.[1] Из этого числа отрядом под руководством С.А. Плетневой в период с 1954 по 1966 открыто, как уже отмечалось, более 120 новых памятников и обследованы почти все ранее известные. Кроме разведок, С.А. Плетневой раскопано ряд памятников, которые вошли в «золотой фонд» хазарской археологии. Среди них Дмитриевский комплекс (1957-1973 годы с перерывами), Правобережное Цимлянское городище (1958-1959), общее руководство Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией по исследованию Маяцкого городища, селища, могильника (1975, 1977-1982 годы) и некоторые другие памятники.

Кроме работ С.А. Плетневой необходимо отметить исследования Г.Е. Афанасьева на Маяцком городище и на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в целом; В.С. Флерова на Правобережном Цимлянском и на Семикаракорском городищах, Маяцком могильнике; В.К.

[1] Петрухин В.Я. Послесловие // С.А. Плетнева «Очерки хазарской археологии». – М., Иерусалим. – 1999. – С. 222-223.

Михеева и К.И. Красильникова в бассейне Северского Донца; А.З. Винникова на Маяцком селище и ряда других исследователей. Все эти работы дали в руки археологов-хазароведов исключительно важный и информативный материал для решения ряда проблем истории общества, объединенного в рамках салтово-маяцкой культуры, по представлению многих исследователей культуры Хазарского каганата. К сожалению, не все материалы раскопанных памятников опубликованы и стали доступны специалистам, на что С.А. Плетнева неоднократно обращала внимание в своих работах. В этом отношении памятники, исследованные С.А. Плетневой, выгодно отличаются. Все материалы, полученные ею, тщательно обработаны и опубликованы, причем объем и качество публикаций позволяет их использовать как полноценный исторический источник для решения многих проблем истории Хазарского каганата. В своих исследованиях С.А. Плетнева отталкивается от работ своих предшественников археологов-хазароведов (М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, Н.Я. Мерперта), постоянно подчеркивая значимость их разработок.

С.А. Плетнева активно использовала в своих работах и материалы, полученные и опубликованные в той или иной степени, другими исследователями, чьи взгляды и концепции рассматривались в диссертации. Эти взгляды не всегда совпадали со взглядами, концепциями и построениями С.А. Плетневой, но она никогда на страницах печати не вступала в прямую полемику со своими оппонентами. Она просто отвечала новыми книгами и статьями, в которых пыталась какими-то дополнительными аргументами, новыми материалами и фактами отстоять свою точку зрения, а если была необходимость в силу появления новых источников ее как-то видоизменить, найти новые подходы к материалу.

В археологическом хазароведении второй половины XX века, прежде всего в работах С.А. Плетневой, нашли отражение ряд проблем, принципиально важных для освещения в целом истории Хазарского каганата.

Среди них, конечно, в первую очередь вопрос о формировании и происхождении отдельных групп (вариантов) населения салтово-маяцкой культуры. В вопросе о происхождении лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева придерживалась позиции И.И. Ляпушкина и других исследователей, согласно которой они оставлены северокавказскими аланами, переселившимися на Дон. Уже в первых своих работах, посвященных данной проблематике, она уточняет и дополняет этот тезис – время переселения датируется 30-ми годами VIII и в качестве причины переселения называется вторжение арабов в степи Предкавказья. В дальнейшем, высказываются предположения об исходном районе миграции – районе современного Пятигорска, где в начале VIII века перестает функционировать ряд аланских могильников. В вопросе миграции алан С. А. Плетнева не исключает и других, причин, в частности высказанных А. В. Гадло, В.К. Михеевым, Г.Е. Афанасьевым.

Одним из важнейших выводов С. А. Плетневой, позволившим объединить достаточно сильно отличающиеся друг от друга памятники в рамках единой культуры, является тезис о локальных вариантах. Первоначально, С. А. Плетнева разделяла мнение М.А. Артамонова и И.И. Ляпушкина о существовании степной и лесостепной групп памятников салтовского типа. Однако позже она предложила разделить салтово-маяцкую культуру на семь локальных вариантов. В дальнейшем, количество локальных вариантов уменьшилось, а само их выделение получило стройную археологическую аргументацию. Следует отметить, что, несмотря на возражения оппонентов, система локальных вариантов достаточно точно отражает сочетание общих черт и региональных особенностей памятников хазарского времени восточноевропейской степи и лесостепи.

Значительный вклад был внесен С.А. Плетневой в разработку проблем хронологии памятников VIII-X вв. Основу исследований составили материалы Дмитриевского могильника. Корреляции некоторых категорий

металлических предметов с различными типами бус позволили ей выделить три группы внутри материалов Дмитриевки. На основании аналогий, а также анализа планиграфии могильника их удалось расположить в хронологической последовательности и привязать к абсолютной хронологической шкале. Следует отметить, что в настоящий момент хронологическая схема, предложенная С. А. Плетневой, с учетом некоторых корректив остается единственной для салтово-маяцких памятников, развернутой и аргументированной системой датирования, охватывающей основные категории вещей, которой пользуются многие исследователи как салтовских, так и славянских древностей.

В археологическом хазароведении получили освещение, прежде всего в работах С.А. Плетневой, многие вопросы, связанные с характеристикой материальной культуры Хазарского каганата: поселения, постройки, хозяйственная деятельность. С.А. Плетнева и поселения и постройки рассматривала в эволюционном плане, стремясь показать, что их развитие, переход от одного типа к другому, отражает с одной стороны, путь кочевого общества к оседлости, появление у населения элементов культуры, не без влияния оседлых народов, с другой – это отражение процесса складывания феодальных отношений внутри кочевнического общества. Конечно, этот тезис С.А. Плетневой не получил полной поддержки у ряда исследователей-хазароведов, на что обращалось внимание в диссертации, но он и не был полностью и окончательно отклонен, так как стало очевидным, что для решения вопроса об общественном строе Хазарии требуются дополнительные источники.

На протяжении практически всей второй половины XX века у археологов-хазароведов одной из разрабатываемых проблем были поиски и соотнесение какой-либо группы памятников с хазарскими древностями. Попытки исследователей соотнести тот или иной вид памятников с этническми хазарами, неизменно вызывали справедливую критику.

Исключительно взвешенную позицию занимала С. А. Плетнева в этом вопросе. Лишь после того, как был накоплен сравнительно обширный корпус источников по подкурганным погребениям хазарского времени, С.А. Плетнева сочла возможным с определенными оговорками допустить их хазарскую атрибуцию.

Значительный интерес представляют разработки С.А. Плетневой в области социальной дифференциации населения салтово-маяцкой культуры, прежде всего среди алан, по материалам катакомбного обряда на базе Дмитриевского могильника. И, несмотря на то, что ее разработки в этой области были подвергнуты критике Г.Е. Афанасьевым, предложенные С.А. Плетневой социальные группы «дмитриевской» общины выглядят достаточно универсально для аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Несмотря на то, что она неоднократно подчеркивала, что каждый катакомбный могильник (община) в этой зоне имеет свою специфику. И нужно иметь ввиду, что и предложенная Г.Е. Афанасьевым схема социальной дифференциации аланского общества в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры по принципиальным показателям не противоречит разработкам С.А. Плетневой.

Следует отметить, что С.А. Плетневой были, в той или иной степени, затронуты все основные проблемы хазарской археологии. Естественно, расширение источниковой базы, привело к тому, что часть предположений, высказанных С.А. Плетневой не подтвердились. Однако, в большинстве своем, ее взгляды на процессы, протекавшие в восточневропейской степи и лесостепи в VII-X веках, сохранили свою актуальность и по сей день.

Конечно, не все проблемы изучения салтово-маяцкой культуры как культуры Хазарского каганата получили одинаковое освещение в литературе. Некоторые из них были просто как бы обозначены, но в полном объеме не проработаны, возможно из-за нехватки источников.

И среди них прежде всего вопрос о связи, контактах алано-болгарского мира, то есть северо-западного пограничья Хазарии, с восточными славянами.

Нельзя сказать, что эта тема полностью отсутствовала в исследовательском арсенале археологов-хазароведов. Еще И.И. Ляпушкин в своей работе 1958 года обратил внимание на некоторое славянское влияние на салтовское домостроительство. Затем, в 1962 году, за пять лет до выхода книги «От кочевий к городам» появилась статья С.А. Плетневой, посвященная данной проблеме.[2] Она выделяет район наиболее тесных контактов этих двух этносов – верховья Северского Донца, Оскола и Дона (рис. 28), отмечает некоторые общие со славянами строительные приемы в оборонительной системе городищ, подчеркивает влияние славян на сооружение жилых полуземляночных построек (рис. 29), проявившееся прежде всего в сооружении славянских отопительных устройств. По мнению С.А. Плетневой, в результате тесных экономических связей пограничного славянского населения с алано-болгарами и те, и другие приобрели ряд новых навыков в гончарном производстве (рис. 30). Речь идет прежде всего о некоторых типах волынцевского керамического производства. Завершая данную статью С.А. Плетнева пишет, что «на протяжении VIII-IX веков происходило смешение двух совершенно различных по складу культур», которое было прервано хлынувшими сюда кочевниками.[3] Конечно, столь радикального вывода С.А. Плетнева не повторяла ни в одной из последующих своих работ, но проблема славяно-алано-болгарских контактов, нашедших проявление в салтовском домостроительстве и в керамическом производстве неоднократно звучала в ее исследованиях.

С. А. Плетнева предполагает даже возможность прямой инфильтрации отдельных групп славянского населения в алано-болгарскую среду. В

[2] Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IX веках //СА. – 1962. – №1. – С. 83-94.
[3] Там же. – С. 94.

качестве свидетельств подобного процесса она рассматривала наличие трупосожжений пеньковского облика на Дмитриевском могильнике, а также факты выявления пеньковской керамики на поселениях салтово-маяцкой культуры.[4] На основании этих данных автор делает вывод от том, что отдельные группы пеньковского населения, локализующиеся на северной окраине салтовской лесостепи, сохраняются до конца IX вв., пережив основной массив памятников данной культуры более чем на сто лет.[5]

Идея о возможной связи салтовских трупосожжений с пеньковским населением была подхвачена и Г.Е. Афанасьевым,[6] при этом им полностью отрицается какое-либо влияние славян в других областях салтово-маяцкой культуры, но что обращалось внимание в данной работе.

В 1965 году появилась статья Д.Т. Березовца «Славяне и племена салтовской культуры», в которой он в отличие от С.А. Плетневой отрицал какую-либо возможность взаимовлияния и смешения алано-болгар и славян, но в тоже время отмечал, что там, где славяне и население салтово-маяцкой культуры вступали в контакт, эти процессы протекали по-разному.[7]

В связи с исследованием отношений восточных славян и населения салтово-маяцкой культуры следует назвать статью А.З. Винникова «Контакты донских славян с алано-болгарским миром», которая по существу развивает взгляды С.А. Плетневой на эту проблему на конкретном материале, полученном в процессе исследования славянских памятников на

---

[4] Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного Хазарского пограничья // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского. – М., 1972. – С. 112–114; Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – М., 1999. – 248 с.

[5] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – С. 47.

[6] Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона //Археологические открытия на новостройках. – 1987. – С. 152-153;
Афанасьев Г.Е. Некоторые проблемы в исторической интерпретации археологических памятников Волго-Донского междуречья //Древности юга России: памяти А.Г. Атавина. – М., 2008. – С. 9.

[7] Березовец Д.Т. Слов'яне и племена салтівскоі культури //Археологія. – Кіев, 1965. – Т. XIX. – С. 65-83.

юго-восточной окраине славянского мира, непосредственно в пограничье с Хазарским каганатом. А.З. Винников выделяет три основных направления этих контактов: торгово-экономические связи; возможность взаимного обогащения отдельными производственными навыками; определенные этнокультурные процессы, выражавшиеся прежде всего в проживании на одних поселениях славян и алано-болгар в связи с вынужденным продвижением салтовского населения в более северные безопасные районы из-за внешних факторов.[8]

Трудно считать эту проблему, как и многие другие, раскрытой исчерпывающе. Как отмечал В.Я Петрухин, отношения восточных славян и Хазарского каганата «получили в новейшей историографии противоположные трактовки»,[9] то есть дискуссия по этому вопросу далеко не завершена, как и по многим другим вопросам археологии Хазарии.

В последнее десятилетие, после прекращения активной научной деятельности С.А. Плетневой, появилось значительное число работ, в которых ее некоторые взгляды подверглись критике, не всегда в корректной форме. С новой силой и активностью стали обсуждаться вопросы, которые С.А. Плетнева разрабатывала на уровне возможностей источниковой базы своего времени и предлагала их решение. Но она всегда отмечала и подчеркивала, что не претендует на окончательные те или иные выводы.

Увеличивается источниковая база, совершенствуется методика ее полевого исследования, появились новые научно-технические возможности обработки массового археологического и антропологического материала – все это дает возможность по-новому посмотреть на «старые» проблемы археологии Хазарии. Среди них:

[8] Винников А.З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром //СА. – 1990. – №3. – С. 124-138.
[9] Петрухин В.Я. Послесловие // С.А. Плетнева «Очерки хазарской археологии». – С. 225.

- о культурном единстве населения восточноевропейской степи и лесостепи в хазарское время;

- правомерность выделения тех или иных локальных вариантов;

- керамика салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий источник;

- о характере этнических процессов в Хазарском каганате;

- о локализации этнических хазар;

- вопросы хронологии салтово-маяцкой культуры, как общей, так и внутренней; и ряд других проблем.

И как в свое время С.А. Плетнева опиралась на фундаментальные исследования М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, так и сейчас, вероятно, двигаться дальше, продолжать исследование хазарских проблем без учета и глубокого анализа работ С.А. Плетневой невозможно.

Список использованных источников и литературы

I Источники

1. Архивные материалы

а) Научный архив Российской академии наук

Ф. 457 (Отделение истории Российской академии наук)

Оп. 4. Отчеты учреждений Отделения истории.

Ед. хр. 40. Отчет о научно-исследовательской работе в 1974 году. 256 л.

Ф. 1909 (Институт археологии Академии наук СССР)

Оп. 1. Управленческая документация Института археологии.

Ед. хр. 1126. Отчет о работе отдела славяно-русской и средневековой археологии ИА РАН СССР за 1974 год. 120 л.

Ед. хр. 1150. Отчет о работе отдела славяно-русской и средневековой археологии ИА РАН СССР за 1975 год. 135 л.

б) Научный архив Института археологии Российской академии наук (НА ИА РАН)

Мерперт Н.Я. Верхнее Салтово (Салтовская культура). Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук // НА ИА РАН. Р – 2. № 884. 416 с.

С.А. Плетнева. Личный фонд С.А. Плетневой // НА ИА РАН. Р – 6. № 25. 1605 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1954 года. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 1025. 49 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда близ с. Мохнач Змиевского района Харьковской области в 1955 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 1132. 28 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда летом 1956 года. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 1230. 45 л.

Плетнева С.А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1957 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 1446. 73 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции в 1958 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 1742. 110 л.

Плетнева С.А. Отчет об археологических раскопках Северо-Донецкого отряда на территории Ростовской области и раскопках городища у с. Дмитриевское в 1961 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 2242. 75 л.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища и могильника у с. Дмитриевское Шебекенского района Белгородской области в 1962 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 2471 50 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции в 1966 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 3222. 166 л.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда о раскопках городища, селища и могильника у с. Дмитриевское Шебекинского района Белгородской области в 1967 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 3633. 158 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1975 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 5313. 100 л.

Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1977 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 6959. 101 л.

Ед. хр. 7288. Плетнева С.А. Отчет о работе Советского отряда в Плиске в 1977 году. 72 л.

Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1978 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 7204-7207. 55 л., 67 л., 74 л., 132 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советского отряда в Плиске в 1978 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 7379. 67 л.

Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком городище в 1979 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 7583. 128 л.

Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции о работах на Маяцком городище в 1980 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 8154. 82 л.

Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1981 году. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 9055. 115 л.

Плетнева С.А., Афанасьев Г.Е., Винников А.З. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982. // НА ИА РАН. Ф -1. Р – 1. № 8946. 111 л.

в) Опубликованные источники (работы С.А. Плетнёвой)

Артамонов М.И. Еще раз о степной культуре Евразии / М.И. Артамонов, С.А. Плетнева // Народы Азии и Африки. – М.: «Наука», 1970. – №3. – С. 89-92.

Винников А.З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. / А.З. Винников, С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – 216 с.

Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи / С.А. Плетнева // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – №75. – С. 212-272.

Плетнева С.А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца / С.А. Плетнева // КСИИМК. – 1960. – Вып. 79. – С. 3-20.

Плетнева С.А. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья / С.А. Плетнева // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М.И. Артамонова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – С. 182-193.

Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IXвв. / С.А. Плетнева // СА. – 1962. – №1. – С. 83-94.

Плетнева С.А. Подгоровский могильник / С.А. Плетнева // СА. – 1962. – №3. – С. 241-251.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи / С.А. Плетнева // МИА СССР. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – №109. – С. 216-259.

Плетнева С.А. Рец. На кн.: М.И. Артамонов. История хазар / С.А. Плетнева // СА. – 1963. – №3. – С. 279-283.

Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища / С.А. Плетнева // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 5-72.

Плетнева С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи / С.А. Плетнева // СА. – 1964. – №3. – С. 133-140.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище / С.А. Плетнева // Сообщ. Гос. Эрмитажа. – Л.: Сов. художник, 1964. – Вып. 25. – С. 55-59.

Плетнева С.А. Рецензия на кн.: Шрамко Б.А. Древности Северского Донца (Харьков, 1962) / С.А. Плетнева // СА. –1964. – №3. – С. 343-344.

Плетнева С.А. Народы Юго-Восточной Европы в VIII-IX веках / С.А. Плетнева // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. – Кишинев, 1967. – С. 26-28.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: «Наука», 1967. – №142. – 198 с.

Плетнева С.А. Работа Северодонецкого отряда / С.А. Плетнева // АО. – 1967. – С. 54-55.

Плетнева С.А. Работа Северодонецкого отряда / С.А. Плетнева // АО. – 1968. – С. 62-63.

Плетнева С.А. По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдейи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в Средние века» / С.А. Плетнева // СА. – 1970. – №3. – С. 279-283.

Плетнева С.А. Работа Левобережного днепровского отряда / С.А. Плетнева // АО. – 1971. – С. 72-74.

Плетнева С.А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья / С.А. Плетнева // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-тию А.В. Арциховского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 108-118.

Плетнева С.А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях / С.А. Плетнева // Кавказ и Восточная Европа в древности. Сборник, посвященный памяти Е.И. Крупнова. – М.: «Наука», 1973. – С. 205-212.

Плетнева С.А. Работа Северодонецкой экспедиции / С.А. Плетнева, Т.И. Макарова // АО. – 1974. – С. 69-70.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / С.А. Плетнева // САИ. – 1974. – 200 с.

Плетнева С.А. Волоконовский древнеболгарский могильник / С.А. Плетнева, А.Г. Николаенко // СА. – 1976. – №3. – С. 279-298.

Плетнева С.А. Работы Советско-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева // АО. – 1976. – С. 80-81.

Плетнева С.А. Хазары / С.А. Плетнева. – М.: «Наука», 1976. – 93 с.

Плетнева С.А. Болгаро-Советская экспедиция / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев // АО. – 1978. – С. 579-580.

Плетнева С.А. Работы Советско-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.Г. Атавин, А.З. Винников, А.В. Кашкин, В.С. Флеров // АО. – 1978. – С. 77-78.

Плетнева С.А. Сектор славяно-русской археологии (проблемы и планы) / С.А. Плетнева // КСИА. – 1978. – Вып. 155. – С. 3-9.

Плетнева С.А. Болгаро-Советская экспедиция / С.А. Плетнева, Т.И. Макарова, Г.Е. Афанасьев // АО. – 1979. – С. 600-601.

Плетнева С.А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья / С.А. Плетнева // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 24-36.

Плетнева С.А. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // АО. – 1979. – С. 80.

Плетнева С.А. Болгаро-Советская экспедиция / С.А. Плетнева // АО. – 1980. – С. 489-490.

Плетнева С.А. Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева // АО. – 1980. – С. 69-70.

Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники / С.А. Плетнева // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980. – М.: «Наука», 1980. – С. 19-20.

Плетнева С.А. Древните българи в Източна Европа / С.А. Плетнева // Известия на българското историческо дружество. XXXIII. – София: Университетское издательство Св. Климент Охридски, 1980. – С. 29-40.

Плетнева С.А. «Исчезнувшие народы». Хазары / С.А. Плетнева // Природа. – М.: «Наука», 1980. – №1. – С. 59-70.

Плетнева С.А. Балкано-Дунайская культура / С.А. Плетнева // Археология СССР в 20 томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1981. – С. 75-77.

Плетнева С.А. Варианты и основные памятники салтово-маяцкой культуры и синхронных с ней степных культур Восточной Европы (карта) / С.А. Плетнева // Археология СССР в 20 томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1981. – С. 152.

Плетнева С.А. Введение / С.А. Плетнева // Археология СССР в 20 томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1981. – С. 5-8.

Плетнева С.А. Историческая карта Хазарского каганата / С.А. Плетнева // Археология СССР в 20 томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1981. – С. 153.

Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге / С.А. Плетнева // Археология СССР в 20 томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1981. – С. 77-80.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева // Археология СССР в 20 томах. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1981. – С. 62-75.

Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья / С.А. Плетнева // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. – София: Българска академия на науките, 1981. – Т. 2. – С. 9-19.

Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья / С.А. Плетнева // ВИ. – М., 1981. – №6. – С. 50-63.

Плетнева С.А. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников // АО. – 1981. – С. 72-73.

Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники / С.А. Плетнева // Славяни и прабългари. – София: Българска акад. на науките, 1982. – С. 31-43.

Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей / С.А. Плетнева. – М.: «Наука», 1982. – 188 с.

Плетнева С.А. Совместные советско-болгаро-венгерские археологические исследования / С.А. Плетнева, В.С. Титов // Вестник АН СССР. – 1982. – С. 94-107.

Плетнева С.А. Проблема «протоболгар» в работах советских археологов / С.А. Плетнева // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. – М.: «Наука», 1983. – С. 17-22.

Плетнева С.А. Раскопки бескурганных могильников средневековых кочевников / С.А. Плетнева // Методика полевых археологических исследований. – М.: «Наука», 1983. – С. 40-55.

Плетнева С.А. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников // АО. – 1983. – С. 77-78.

Плетнева С.А. Средневековые «амазонки» в европейских степях / С.А. Плетнева // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 9-20.

Плетнева С.А. Маяцкое городище / С.А. Плетнева // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: «Наука», 1984. – С. 3-19.

Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища / С.А. Плетнева // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: «Наука», 1984. – С. 57-94.

Плетнева С.А. Работа Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в СССР и Болгарии (1975-1982 гг.) / С.А. Плетнева // КСИА. – 1984. – Вып. 180. – С. 11-19.

Плетнева С.А. Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников // АО. – 1984. – С. 73.

Плетнева С.А. Хазары / С.А. Плетнева. – М.: «Наука», 1986. – 92 с.

Плетнева С.А. Города кочевников / С.А. Плетнева // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М.: «Наука», 1987. – С. 198-212.

Плетнева С.А. Хазары / С.А. Плетнева // Исчезнувшие народы. – М.: «Наука», 1988. – С. 20-33.

Плетнева С.А. Предисловие / С.А. Плетнева // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. – М., 1988. – С. 3-7.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / С.А. Плетнева. – М.: «Наука», 1989. – 285 с.

Плетнева С.А. Проблемы хазарской археологии / С.А. Плетнева // СА. – 1990. – №2. – С. 77-91.

Плетнева С.А. Стратиграфические исследования в древней болгарской столице – Плиске / С.А. Плетнева // Проблемы изучения древних поселений в археологии (Социологический аспект). – М.: Институт археологии АН СССР, 1990. – С. 99-127.

Плетнева С.А. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса / С.А. Плетнева, К.И. Красильников // Маяцкий археологический комплекс. – М.: Ин-т археологии, 1990. – С. 92-139.

Плетнева С.А. Отношения восточно-европейских кочевников с Византией и археологические источники / С.А. Плетнева // СА. – 1991. – №3. – С. 98-107.

Плетнева С.А. История одного хазарского поселения / С.А. Плетнева // РА. – 1993. – №2. – С. 48-69.

Плетнева С.А. Сложение городской многоэтничной культуры / С.А. Плетнева // Археология и история юго-востока Древней Руси: материалы научной конференции. – Воронеж, 1993. – С. 16-21.

Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности / С.А. Плетнева // РА. – 1993. – №4. – С. 160-172.

Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь» / С.А. Плетнева // Византия и народы Причерноморья в ранее средневековье (VI-IXвв.): материалы международной конференции. – Симферополь, 1994. – С. 49-51.

Плетнева С.А. О «гнездовой» планировке жилищ в Саркеле / С.А. Плетнева // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. – СПб.: АРТ-СОНТАСТ, 1994. – С. 183-197.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 годов / С.А. Плетнева // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1994. – Вып. IV. – С. 271-396.

Плетнева С.А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела / С.А. Плетнева // РА. – 1996. – №2. – С.182-197.

Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь» / С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 168 с.

Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях / С.А. Плетнева // Татарская археология. – Казань, 1997. – №1. – С. 31-60.

Плетнева С.А. Проблемы хазарской археологии и Саркел – Белая Вежа / С.А. Плетнева // Скифы, хазары, славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 193-196.

Плетнева С.А. Вспоминая М.И. Артамонова / С.А. Плетнева // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1998. – Вып. VI. – С. 20-33.

Плетнева С.А. Южно-русские степи в IX-XII вв. / С.А. Плетнева // Славяне и кочевой мир. Сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. – М.: Институт славяноведения РАН, 1998. – С. 114-117.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии / С.А. Плетнева. – М.: «Мосты культуры», Иерусалим: «Гешарим», 1999. – 248 с.

Плетнева С.А. Группа «Археология евразийских степей эпохи средневековья» / С.А. Плетнева // СА. – 1999. – №2. – С. 99-105.

Плетнева С.А. О заселении славянами Саркела-Белой Вежи / С.А. Плетнева // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья, серия. – Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – С. 82-98.

Плетнева Светлана Александровна // Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 221-222.

Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) / С.А. Плетнева // Хазарский альманах. – Харьков: «Каравелла», 2002. – Т. 1. – С. 110-124.

Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат / С.А. Плетнева // Хазары. 2-ой Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 81-84.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века) / С.А. Плетнева. Уч. Пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 247 с.

Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат / С.А. Плетнева // Хазары. Евреи и славяне. – М.: «Мосты культуры», 2005. – Т. 16. – С.17-24.

Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование / С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2006. – 392 с.

Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / С.А. Плетнева // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. – 248 с.

Федоров О. Аланы. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата / О. Федоров, С.А. Плетнева // Журнал «Цейгауз». Российский военно-исторический журнал. – М.: Фонд «Русские витязи», 2006. – №22. – С. 4-7.

Финно-угры и балты в эпоху Средневековья // Археология СССР в 20 томах. – М.: «Наука», 1987. – 513 с.

II Специальная литература

Аксенов В.Ф. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII – X века / В.Ф. Аксенов, В.К. Михеев // Хазарский альманах. – Киев-Харьков, 2006. – Т. 5. – 306 с.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции) / М.И. Артамонов // Известия ГАИМК. – Л.: Гос. соц.- экон. изд-во. Ленингр. отд-ние, тип. «Печатня», 1935. – Вып. 131. – С. 1-118.

Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар / М.И. Артамонов. – Л.: «Соцэкгиз», 1937. – 136 с.

Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии / М.И. Артамонов // СА. – 1940. – Вып. VI. – С. 130-165.

Артамонов М.И. Саркел-Белая Вежа / М.И. Артамонов // МИА СССР. – №62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 7-84.

Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Л.: Издательство Гос. Эрмитажа, 1962. – 524 с.

Артамонова О.А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) / О.А. Артамонова, С.А. Плетнева // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1998. – Вып. VI. – С. 539-624.

Археологические источники об общественных отношениях эпохи Средневековья. – М.: «Наука», 1988. – 195 с.

Афанасьев Г.Е. Работа сектора славяно-русской археологии в 1977-1978 годах / Г.Е. Афанасьев // КСИА. – 1981. – Вып. 164. – С. 120-122.

Афанасьев Г.Е. Работа сектора славяно-русской археологии в 1979-1980 годах / Г.Е. Афанасьев, Н.А. Макаров // КСИА. – 1982. – Вып. 171. – С. 106-109.

Афанасьев Г.Е. О салтовском типе сыродутного горна / Г.Е. Афанасьев, А.Г. Николаенко // СА. – 1982. – №2. – С. 168-175.

Афанасьев Г.Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977-1979 годах / Г.Е. Афанасьев // Маяцкое городище. Труды Советско-болгаро-венгерской экспедиции. – М.: «Наука», 1984. – С. 26-56.

Афанасьев Г.Е. Металлургический комплекс у с. Ездочного / Г.Е. Афанасьев // Маяцкое городище. Труды Советско-болгаро-венгерской экспедиции. – М.: «Наука», 1984. – С. 261-270.

Афанасьев Г.Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII – начале X вв. / Г.Е. Афанасьев // СЭ. – М.: «Наука», 1984. – №4. – С. 28-41.

Афанасьев Г.Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А.Х. Халикову) / Г.Е. Афанасьев // СЭ. – М.: «Наука», 1985. – №5. – С. 164-169.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-Xвв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г.Е. Афанасьев // Археологические открытия на новостройках. – М.: «Наука», 1987. – Вып. 2. – 200 с.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асса-буртасского населения бассейна Среднего Дона / Г.Е. Афанасьев. – М.: «Наука», 1993. – 184 с.

Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан / Г.Е. Афанасьев // РА. – 1993. – №4. – С. 131-144.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? / Г.Е. Афанасьев // РА. – 2001. – №2. – С. 43-55.

Афанасьев Г.Е. Некоторые проблемы в исторической интерпретации археологических памятников Волго-Донского междуречья / Г.Е. Афанасьев // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина. – М.: «Таус», 2008. – С. 5-14.

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников / Г.Е. Афанасьев // Форум "Идель – Алтай". Материалы научно-практической конференции

«Идель – Алтай: истоки евразийских цивилизаций» I международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, тезисы. – Казань, 2009. – С. 7-17.

Афанасьев Г.Е. О византийских линейных мерах в Маяцкой крепости / Г.Е. Афанасьев // Верхне-донской археологический сборник. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2010. – Вып. 5. – С. 123-148.

Афанасьев Г.Е. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища / Г.Е. Афанасьев // Дивногорский сборник. – Воронеж: «Научная книга», 2012. – Вып. 3. – С. 93-122.

Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? / Г.Е. Афанасьев // РА. – 2013. – №3. – С. 13-25.

Афанасьев Г.Е. Отощители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак / Г.Е. Афанасьев // Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-тию со дня рождения В.А. Кузнецова. – М.: «Таус», 2013. – С. 34-50.

Афанасьев Г.Е. Об авторстве и первоначальном значении термина “Салтовская археологическая культура” / Г.Е. Афанасьев // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2014. – Вып. 6. – С. 407.

Бабенко В.А. Продолжение систематическихъ раскопокъ в Верхнемъ Салтове / В.А. Бабенко // Труды XIV археологическаго съезда въ Чернигове в 1909. Т. III – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера, 1911. – С. 238-254.

Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на юге России / В.А. Бабенко // Труды XV Археологическаго съезда въ Новгороде в 1911. Т. I – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера, 1914. – С. 435-445.

Багалей Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии / Д.И. Багалей // Труды XII археологического съезда въ Харькове в 1902. Т. I – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. Леонтьевский пер., дом №5, 1905. – С. 1-92.

Багалей Д.И. Русская история / Д.И. Багалей. – Харьков: Типолитография С. Иванченко, 1909. – Ч.1. – 217 с.

Березовец Д.Т. Слов'яне и племена салтівскоі культури / Д.Т. Березовец // Археологія. – Кіев: «Наукова думка», 1965. – Т. XIX. – С. 65-83.

Биджиев Х.Х. Материальная культура Карачая XIII-XVIII вв.. Автореф. дис. … канд. ист. наук / Х.Х.Биджиев. – М., 1972. – 24 с.

Бирюкова Ю.П. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции / Ю.П. Бирюкова // МИА СССР. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 75. – С. 202-211.

Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья (сер. II – сер. XIV вв.). Автореф. дис. … канд. ист. наук / С.Г. Боталов. – Уфа, 1994. – 24 с.

Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII-XXвв. / Э.Д. Ващенко. – СПб.: Тип. Изд-ва СПбГУ, 2006. – 195 с.

Винников А.З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром / А.З. Винников // СА. – 1990. – №3. – С. 124-138.

Винников А.З. Культовые комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / А.З. Винников, Г.Е. Афанасьев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 191 с.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье / А.З. Винников. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 162 с.

Винников А.З. Светлана Александровна Плетнёва и развитие археологии в Воронежском государственном университете / А.З. Винников, А.Д. Пряхин //

Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – Вып. 15. – С. 14-17.

Винников А.З. Археологические уроки С.А. Плетнёвой / А.З. Винников // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. – Вып. 1. – С. 5-14.

Винников А.З. Анатолий Григорьевич Николаенко – учитель, краевед, археолог / А.З. Винников, А.В. Степовой // Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2012. – С. 6-11.

Воронина Р.Ф. Средне-Цнинская мордва VIII-XI вв. (по материалам могильников). Автореф. дис. …канд. ист. наук / Р.Ф. Воронина. – М., 1992. – 17 с.

Гаврилина Л.М. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X-XIV вв.. Автореф. дис. …канд. ист. наук / Л.М. Гаврилина. – М., 1986. – 20 с.

Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) / И.О. Гавритухин // Хазары. Евреи и славяне. – Иерусалим: «Гешарим», М.: «Мосты культуры», 2005. – Т. 16. – С. 378-426.

Гаджиев М.С. Южный Дагестан в III – Vвв. н.э.. Автореф. дис. …канд. ист. наук / М.С. Гаджиев. – М., 1982. – 17 с.

Гаджиев М.С. Древний город Дагестана (опыт историко-топографического и социального анализа). Автореф. дис. … д-ра ист. наук / М.С. Гаджиев. – Махачкала, 1999. – 20 с.

Гадло А.В. Северный Кавказ в IV-X веках / А.В. Гадло. – М., 1984. – 256 с.

Гмыря Л.Б. «Царство гуннов» (Савир) в Дагестане (IV-VII вв. н.э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук / Л.Б. Гмыря. – М., 1980. – 20 с.

Голубовский П.В. Болгары и хазары – восточные соседи Руси при Владимире Святом / П.В. Голубовский // Киевская старина. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1888. – Т. 22. – 521 с.

Горбаненко С.А. Сільське господарство на славяно-хозарькому порубіжжі / С.А. Горбаненко, В.В. Колода. – Київ, 2013. – 236 с.

Городцевъ В.А. Результаты археологическихъ изследованій въ Изюмском уезде / В.А. Городцевъ // Труды XII археологического съезда въ Харькове в 1902. Т. I. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. Леонтьевский пер., дом №5, 1905. – С. 174-225.

Городцов В.А. Бытовая археология / В.А. Городцов. – М.: Моск. археол. ин-т, 1910. – 474 с.

Готье Ю.В. Кто были обитатели древнего Салтова? / Ю.В. Готье // Известия ГАИМК. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. Ленингр. отд-ние, тип. «Печатный двор» и тип. «Печатня», 1927. – Вып. 5. – С. 65-84.

Грушевский М.С. Історія України / М.С. Грушевский. – Кіев, 1913. – 626 с.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд) / Л.Н. Гумилёв. – М.: «Наука», 1966. – 192 с.

Гумилев Л.Н. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в Средние века (опыт анализа) / Л.Н. Гумилев, И. Эрдейи // Народы Азии и Африки. – М.: «Наука», 1969. – №3. – С. 78-87.

Данилевич В.Е. Курс русских древностей / В.Е. Данилевич. – Киев: Изд. слушательниц, 1908. – 187 с.

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племен Забайкалья как исторический источник по истории религиозных верований скотоводческих народов. Автореф. дис. … канд. ист. наук / С.В. Данилов. – Кемерово, 1988. – 23 с.

Даркевич В.П. [Рец.] Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981 / В.П. Даркевич, Т.И. Макарова // СА. – 1983. – №4. – С. 258-264.

Древняя Русь. Город. Замок. Село. // Археология СССР в 20 томах. – М.: «Наука», 1985. – 431 с.

Захарова Е.Ю. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е.Ю. Захарова, С.К. Кондратьева. – Воронеж: «Кварта», 2011. – 216 с.

Зиливинская Э.Д. О вероятности локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги / Э.Д. Зиливинская, Д.В. Васильев // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II. – С. 224-226.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. … канд. ист. наук / А.А.Иванов. – Волгоград, 2000. – 24 с.

Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н.э.. Автореф. дис. …докт.ист.наук / В.А. Иванов. – М., 1990. – 45 с.

Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников) / Т.М. Калинина. – М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2015. – 288 с.

Клейн Л. С. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону / Л. С. Клейн, Б. А. Раев, И. А. Семенов, А. В. Субботин // Археологические открытия. – М.: «Наука», 1972. – С. 133-134.

Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 томах / В. О. Ключевский. – Т.1. – М.: «Мысль», 1987. – 430 с.

Ковалевская (Деопик) В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. / В. Б. Ковалевская (Деопик) // СА. – 1959. – № 3. – С. 48-65.

Ковалевская (Деопик) В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IXвв. / В.Б. Ковалевская (Деопик) // СА. – 1961. – № 3. – С. 202-232.

Ковач Ласло Вооружение венгров – обретателей Родины: сабли, боевые топоры, копья. Автореф. дис. … канд. ист. наук / Ласло Ковач. – М., 1981. – 19 с.

Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI веков н.э. (Балкано-дунайская культура). Автореф. дис. … канд. ист. наук / В.И. Козлов. – Л., 1991. – 29 с.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / П.К. Коковцов. – Л.: Акад. наук СССР, 1932. – 134 с.

Колода В.В. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне / В.В. Колода, С.А. Горбаненко. – Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. – 216 с.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) / А.В. Комар // Vita Antiqua. – Киев, 1999. – №2. – С. 111-136.

Кочкаров У.Ю. Вооружение средневекового всадника VIII-XIV вв. по материалам Северо-Западного Предкавказья: оружие ближнего боя. Автореф. дис. … канд. ист. наук / У.Ю. Кочкаров. – М., 2005. – 27 с.

Красильников К.И. Население среднедонечья в VIII – начале X веков (салтово-маяцкая культура на Среднем Донце). Автореф. дис. … канд. ист. наук / К.И. Красильников. – М., 1980. – 23 с.

Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда протоболгар у с. Желтое / К.И. Красильников // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: АН СССР Казанский науч. центр, 1990. – С. 28-44.

Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIVвв.). Автореф. дис. … канд. ист. наук / В.А. Кригер. – М., 1985. – 26 с.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века) // Археология. – М.: «Наука», 2003. – 533 с.

Кузнецов В.А. [Рец.] С.А. Плетнева «От кочевий к городам», 1967 / В.А. Кузнецов // СА. – 1969. – №2. – С. 296-300.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X-XIVвв.). Автореф. дис. … канд. ист. наук / И.Л. Кызласов. – М., 1977. – 22 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения. Автореф. дис. … д-ра ист. наук / И.Л. Кызласов. – М., 1990. – 44 с.

Кызласов И.Л. Рунические надписи Маяцкого городища / И.Л. Кызласов // Маяцкий археологический комплекс. – М: «Наука», 1990. – С. 10-40.

Кызласов И.Л. О творческом пути Светланы Александровны Плетнёвой. Список работ С.А. Плетнёвой / И.Л. Кызласов, Т.И. Макарова // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – Вып. 15. – С. 3-13.

Кызласов И.Л. Предисловие / И.Л. Кызласов // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. – М.; Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2006. – С. 5-6.

Кызласов И.Л. Список работ доктора исторических наук, профессора Светланы Александровны Плетнёвой / И.Л. Кызласов, Т.И. Макарова, В.Н. Чхаидзе // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. – М.; Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2006. – С. 7-18.

Львова З.А. Стеклянные бусы и браслеты Саркела – Белой Вежи / З.А. Львова // МИА СССР. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 75. – С. 307-332.

Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XIV века / М.К. Любавский. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1916. – 306 с.

Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX-XII веков на Дону и Тамани по археологическим памятникам / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 6. – С. 191-246.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И.И. Ляпушкин // МИА СССР. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Вып. 62. – С. 85-150.

Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии / М.Г. Магомедов // СА. – 1975. – №3. – С. 63-74.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным / М.Г. Магомедов. – М.: «Наука», 1983. – 224 с.

Мажитов Н.А. Творческое наследие выдающегося историка-археолога Светланы Александровны Плетнёвой / Н.А. Мажитов, И.Л. Кызласов // Вопросы востоковедения. – Уфа, 2010. – № 2. – С. 50-54.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907-1909 гг. / Н.Е. Макаренко // Известия ИАК. – СПб., 1911. – Вып. 43. – С. 1-47.

Макаров Н.А. Сектор славяно-русской археологии в 1981-1982 годах / Н.А. Макаров // КСИА. – 1983. – Вып. 179. – С. 97-101.

Макаров Н.А. Сектор славяно-русской археологии Института археологии АН СССР в 1983-1984 годах / Н.А. Макаров // КСИА. – 1986. – Вып. 187. – С. 89-93.

Макаров Н.А. Отдел славяно-русской и средневековой археологии в 1985-1986 годах / Н.А. Макаров // КСИА. – 1987. – Вып. 195. – С. 98-101.

Макарова Т.И. Пояс знатного воина из Саркела / Т.И. Макарова, С.А. Плетнева // СА. – 1983. – №2. – С. 62-77.

Мастыкова А.В. Типология бус из погребений Маяцкого селища / А.В. Мастыкова // А.З. Винников, Г.Е. Афанасьев «Культовые комплексы Маяцкого селища». – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – С. 170 – 182.

Маяцкий археологический комплекс: материалы советско-болгаро-венгерской экспедиции. – М.: Ин-т археологии, 1990. – 235 с.

Маяцкое городище: Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. – М.: «Наука», 1984. – 279 с.

Медведенко Н.А. Проблемы археологии и истории Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н.А. Медведенко. – Воронеж, 2004. – 22 с.

Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И.Артамонова / Н.А. Медведенко. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 173 с.

Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах / Н.Я. Мерперт. – Казань: [б.и.], 1957. – 37 с.

Милютин А.И. Раскопки 1906 года на Маяцком городище / А.И. Милютин // Известия ИАК. – СПб, 1909. – Вып. 29. – С. 153-163.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. – 148 с.

Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII-Хвв. / В.К. Михеев // Археология славянского юго-востока. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – Ч.1. – С. 43-49.

Михеев В.К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII – середина X веков). Автореф. дис. … док. ист. наук / В.К. Михеев. – Киев, 1986. – 28 с.

Мошкова М.Г. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году / М.Г. Мошкова, В.Е. Максименков // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: «Наука», 1974. – Ч II. – Табл. XXVIII-XXIX. – С. 45-48.

Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII-XVIIвв.. Автореф. дис. … канд. ист. наук / М.Б. Мужухоев. – М., 1972. – 27 с.

Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа как исторический источник (к истории религиозных верований в X-XIX веках). Автореф. дис. … д-ра ист. наук / М.Б. Мужухоев. – М., 1985. – 27 с.

Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в период позднего средневековья. Автореф. дис. … канд. ист. наук / А.Х. Нагоев. – М., 1972. – 21 с.

Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в Железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) / Л.Г. Нечаева // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 22-32.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. – М.: «Наука», 1990. – 262 с.

Памяти Светланы Александровны Плетневой (1926-2008) // РА. – 2009. – № 4. – С. 180-183.

Петрухин В.Я. Послесловие / В.Я. Пертрухин // С.А. Плетнева «Очерки хазарской археологии» – М.: «Мосты культуры», Иерусалим: «Гешарим», 1999. – С. 223-230.

Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры / В.Я. Петрухин – М.: Форум: Неолит, печ., 2013. – 464 с.

Петрухин В.Я. Проблемы хазарских городов и процессов урбанизации в Восточной Европе. Вместо послесловия / В.Я. Петрухин // В.С. Флеров «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: «Мосты культуры», 2011. – С. 243-250.

Плетнева Светлана Александровна // Большая российская энциклопедия. – М.: «Большая российская энциклопедия», 2014. – Т. 26. – С. 410-411.

Плетнева Светлана Александровна // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. – М.: Изд-во МГУ; Изд-во РОССПЭН, 2004. – С. 365-366.

Покровский А.М. Верхне-Салтовскій Могильникъ / А.М. Покровский // Труды XII археологическаго съезда въ Харькове в 1902 году. – М.:

Товарищество типографии А.И. Мамонтова. Леонтьевский пер., дом №5, 1905. – Т. I. – С. 465-491.

Полубояринова М.Д. Сектор славяно-русской археологии в 1974 году / М.Д. Полубояринова // КСИА. – 1976. – Вып. 146. – С. 105-107.

Равич И.Г. Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии / И.Г. Равич, В.С. Флеров // РА. – 2000. – №3. – С. 134-146.

Рикман Э.А. Очерки истории культуры Молдавии (II-XIV вв.) / Э.А. Рикман, И.А. Рафалович, И.Г. Хынку. – Кишинев: «Штиинца», 1971. – 179 с.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках / С.И. Руденко // Материалы по отделению этнографии. – Л.: Изд-во Географ. об-ва СССР, 1961. – Вып. 1. – С.6-7.

Рябой Т.Ф. Шехр-ал-Джедид – золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья. Автореф. дис. … канд. ист. наук / Т.Ф. Рябой. – М., 1993. – 24 с.

Самоквасов Д.Я. О донецком городище и прилегаемом к нему могильнике / Д.Я. Самоквасов // Труды XII археологическаго съезда въ Харькове в 1902 году. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. Леонтьевский пер., дом №5, 1905. – Т. I. – С. 330-344.

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли / Д.Я. Самоквасов. – М.: Синод. тип., 1908. – 271 с.

Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX веке. Автореф. дис. … канд. ист. наук / Л.В. Седикова. – М., 1997. – 23 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIIIвв. / В.В. Седов // Археология СССР в 20 томах. – М.: «Наука», 1982. – 326 с.

Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону / А.И. Семенов // Проблемы археологии. II сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 180-183.

Сильченко Т.Н. Рентгенографические исследования железных изделий Саркела – Белой Вежи / Т.Н. Сильченко, С.С. Сорокин // МИА СССР. Труды

Волго-Донской археологической экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 75. – Т. II. – С. 200-201.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 810 с.

Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи / С.С. Сорокин // МИА СССР. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 75. – С. 135-199.

Спицын А.А. Археологические материалы и мелкие заметки / А.А. Спицын // Известия ИАК. – Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1902. – 42 с.

Спицын А.А. Историко-археологическія разыскания // А.А. Спицын // Журналъ Министерства народного просвещения. Новая серія. – С.-Петербургъ: Сенатская типографія, январь, 1909. – Ч. XIX. – С. 67-98.

Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР в 20 томах. – М.: «Наука», 1981. – 303 с.

Татищев В.Н. История Российская: в 7 томах / В.Н. Татищев. – М., Л.: «Наука», 1962. – Т. 1. – 500 с.

Толмачева М.М. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам памятников междуречья Дона и Северского Донца). Автореф. дисс. … канд. ист. Наук / М.М. Толмачева – М., 1990. – 19 с.

Толмачева М.М. Обработка черного металла в Хазарском каганате (по материалам салтово-маяцкой культуры) / М.М. Томачева // Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М.: «Металлургия», 1990. – С. 159-214.

Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX веках / С.Е. Толыбеков. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. – 448 с.

Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1958. — Вып. 62. — 427 с.

Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1959. — Вып. 75. — 390 с.
Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1963. — Вып. 109. — 530 с.
Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая лука» в Нижнем Поволжье / Г.А. Федоров-Давыдов // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово: [б.и.], 1984. – С. 80-94.
Флеров В.С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореф. дис. … канд. ист. наук / В.С. Флеров. – М., 1981. – 17 с.
Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (маяцкий могильник) / В.С. Флеров. – Волгоград: «Перемена», 1993. – 143 с.
Флеров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990 годов / В.С. Флёров // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1994. – Вып. IV. – С. 441-516.
Флеров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате / В.С. Флеров // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. – Пенза, 1990. – С. 84-87.
Флеров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (Проблемы планиграфии и стратиграфии) / В.С. Флеров // РА. – 1996. – №1 – С. 100-113.
Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы / В.С. Флеров. – М.: Институт археологии РАН, 1996. – 100 с.
Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим и «Краткая еврейская энциклопедия о Хазарах) / В.С. Флеров // РА. – 2000. – №3 – С. 229-234.
Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья в V-VII вв.: обряд обезвреживания погребенных / В.С. Флеров // Труды Клин-Ярской экспедиции. – М.: «Полимедиа», 2000. – Т. I. – 164 с.
Флеров В.С. Были ли в Хазарском каганате города? / В.С. Флеров //Тюркологический сборник 2003-2004 (Тюркские народы в древности и средневековье). – М.: «Восточная литература», 2005. – С. 312-349.

Флеров В.С. «Города» Хазарии. Что это такое? / В.С. Флеров // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 2007. – Т. 4. – С. 53-76.

Флеров В.С. Хазарский каганат: крепости, значительные населенные места или города? / В.С. Флеров // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии. Тезисы докладов Международной научной конференции. – М., 2008. – С. 46-47.

Флеров В.С. Итиль: Что может ждать археологов на месте столицы Хазарского каганата / В.С. Флеров // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника Дивногорье. – Воронеж: изд-во ВГУ, 2009. – Вып. 1. – С. 123-142.

Флеров В.С. «Города», «замки» и феодализм в Хазарском каганате. Проблема исследования / В.С. Флерова // Хазары: миф и история. – М.: «Мосты культуры», Иерусалим: «Гешарим», 2010. – С. 114-126.

Флеров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность / В.С. Флеров. – М.: «Мосты культуры», 2010. – 260 с.

Флерова (Нахапетян) В.Е. Раннесредневековые граффити Юго-Восточной Европы (VIII-Хвв.). Автореф. дис. …канд. ист. наук / В.Е. Флерова (Нахапетян). – М., 1990. – 21 с.

Флерова В.Е. Граффити Хазарии / В.Е. Флерова. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 172 с.

Флерова В.Е. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии / В.Е. Флерова // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2001. – С. 163-190.

Флерова В.Е. Резная кость юго-восточной Европы IX-XIII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи, из коллекции Государственного Эрмитажа / В.Е. Флерова. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.

Флерова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII-XIII вв.: о происхождении накладок седла из Шиловского кургана / В.Е. Флерова // Средневековые

древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 82-86.

Фонякова Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII-начала X вв. / по материалам художественной металлообработки. Автореф. дис. … канд. ист. наук / Н.А. Фонякова. – М., 1988. – 24 с.

Фонякова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство в Хазарии второй половины VIII – Хвв. по материалам художественной металлообработки / Н.А. Фонякова (Чувило). – Казань, 2010. – 168 с.

Халиков А.Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X веков / А.Х. Халиков // СЭ. – М.: «Наука», 1985. – №5. – С. 161-164.

Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей / Н.Н. Харузин. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1896. – 124 с.

Чучукало Г.И. Черепа из Верхне-Салтовского могильника / Г.И. Чучукало // Оттиск из Трудов Укр. Психо-Неврологического Института. Материалы по антропологии Украины. – Харьков, 1926. – Сборник второй. – С. 207-214.

Чхаидзе В.Н. Хазарская Таматарха (культурный слой Таманского городища VII-Хвв.). Автореф. дис. …канд. ист. наук / В.Н. Чхаидзе. – М., 2007. – 28 с.

Шикаева Т.Б. Марийцы конца XVI – начала XVIII вв. (по материалам могильников). Автореф. дис. … канд. ист. наук / Т.Б. Шикаева. – М., 1988. – 23 с.

Юшко А.А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы / А.А. Юшко // СА. – 1976. – №2. – С. 287.

Языков Д.И. Опыт о истории хазаров / Д.И. Языков // Труды российской АН. – СПб., 1840. – Ч.1. – С. 155-240.

Якименко Е.В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в

1988-1999 гг. / Е.В. Якименко // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Воронеж, 1994. – №2. – С. 51-66.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук Союза советских социалистических республик

ИАК – Императорская Археологическая Комиссия

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской Академии наук

НА РАН – Научный архив Российской Академии наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

ИЛЛЮСТРАЦИИ

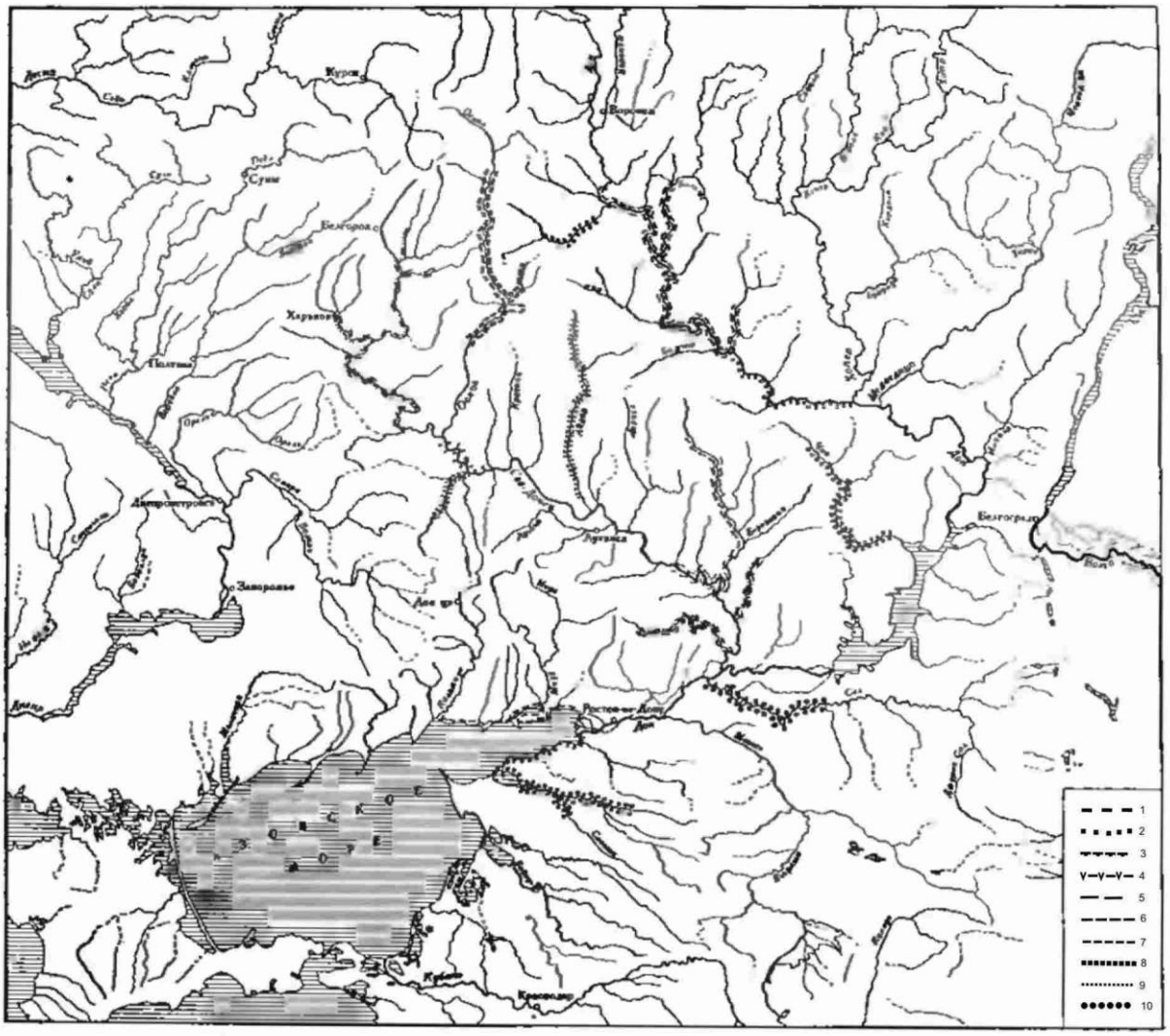

Рис.1. Маршруты разведок С.А. Плетневой (Плетнева, 1967. С. 9, рис.1). 1 – маршруты 1954-1955, 1957 годов; 2 – маршрут 1956 года; 3 – маршрут 1958 года; 4 – маршрут 1959 года; 5 – маршрут 1960 года; 6 – маршрут 1961 года; 7 – маршрут 1962 года; 8 – маршрут 1963 года; 9 – маршрут 1964 года; 10 – маршрут 1965 года.

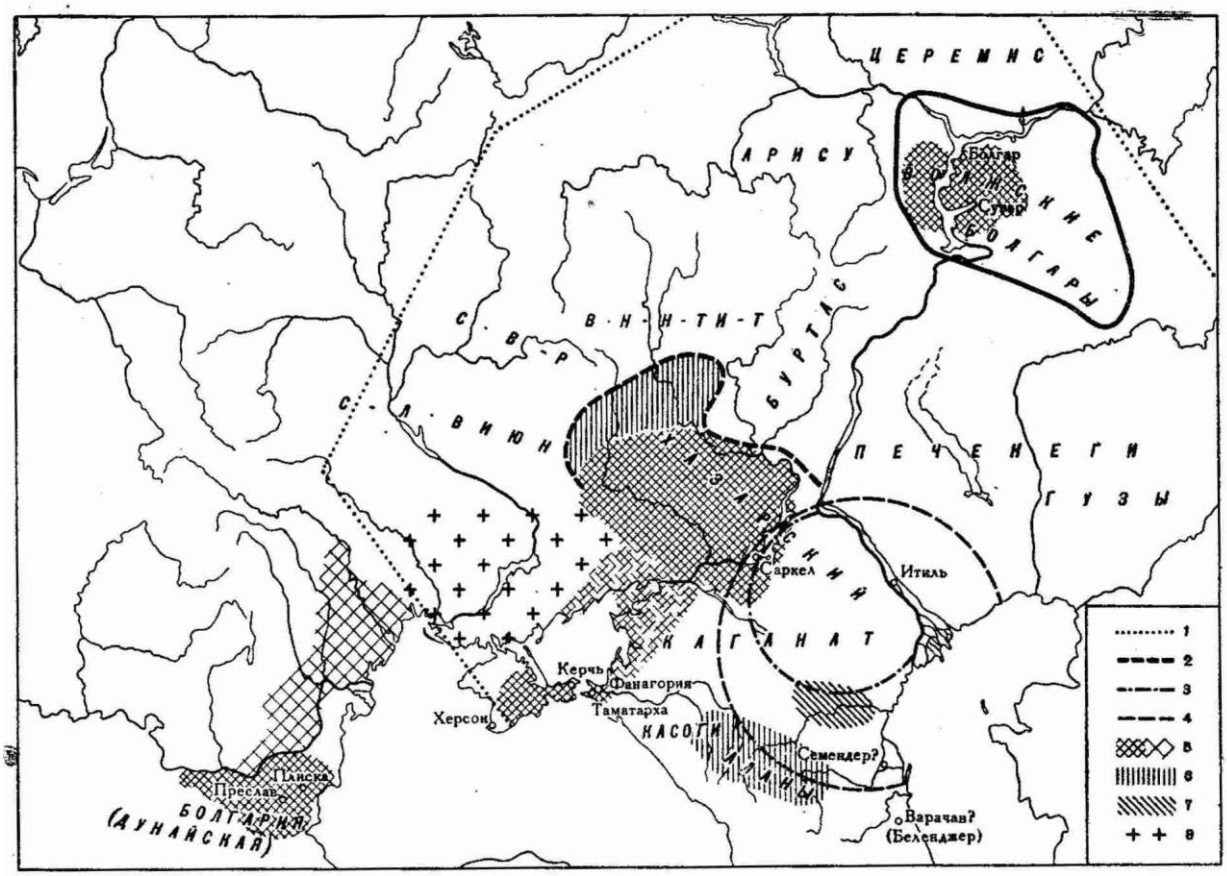

Рис. 2. Локальные варианты салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, С. 187, рис. 50)
1 – граница Хазарского каганата по С.П. Толстову; 2 – граница домена хазарского кагана по М.И. Артамонову; 3 – границы Хазарии по Б.А. Рыбакову; 4 – северо-западная, северная и северо-восточная границы каганата по М.И. Артамонову и С.А. Плетневой; 5 – болгарские варианты салтово-маяцкой культуры; 6 – аланские варианты салтово-маяцкой культуры; 7 – хазарский вариант салтово-маяцкой культуры; 8 – степной, неизученный вариант салтово-маяцкой культуры.

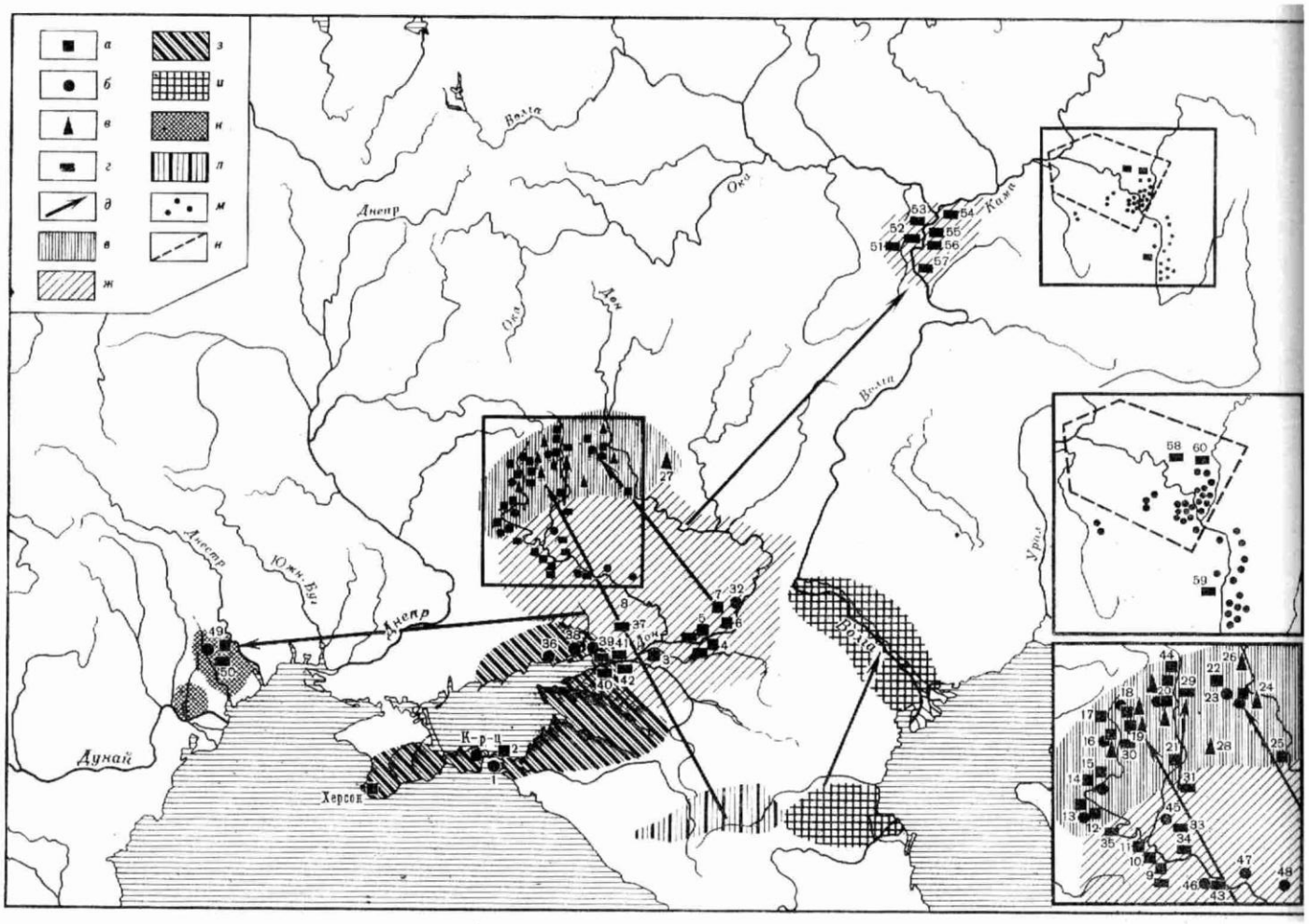

Рис.3. Локальные варианты салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1981, С. 152, рис. 38)

а – городища салтово-маяцкой культуры; б – раскапывавшиеся поселения; в – катакомбные могильники; г – ямные могильники; д – возможные направления передвижений отдельных групп населения, оставившего салтово-маяцкую культуру; е – «аланский» лесостепной вариант; ж – «праболгарский» вариант Подонья; з – «праболгарский» вариант Приазовья; и – территория распространения нижневолжских памятников салтово-маяцких типов; к – «балкано-дунайская культура»; л – «аланская культура»; м – памятники турбаслинской культуры; н – границы бахмутинской культуры.

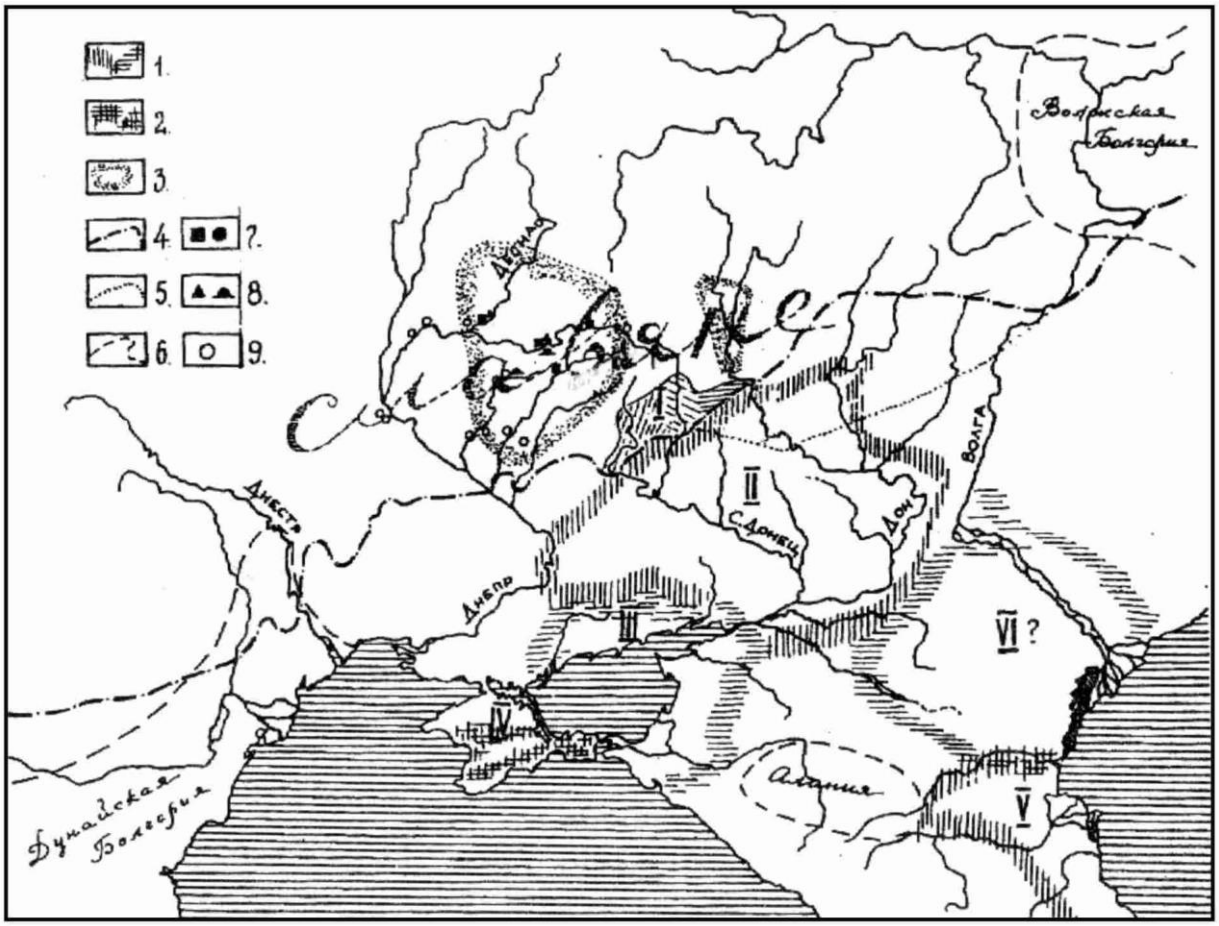

Рис. 4. Локальные варианты салтово-маяцкой культуры (Винников, Плетнева, 1998, С.19, рис. 4; Плетнева, 2000, С. 241, рис. 1)
1 – условные границы вариантов; 2 – Крымский вариант; 3- условные границы славянских культур: роменской и боршевской; 4 – границы степи с лесостепью; 5 – вариант восточного отрезка этой границы; 6 – границы соседних с Хазарией государств; 7 – волынцевские городища и селища (славянские?); 8 – волынцевские погребальные памятники; 9 – волынцевские памятники неясного назначения. Варианты салтово-маяцкой культуры обозначены римскими цифрами.

№/№		варианты				
	признаки	I	II	III	IV	V
1	белокаменные стены	●*	⊕	–	–	–
2	сырцовые стены	⊕	⊕	⊕	–	●
3	сырцово-каменные и каменные стены	–	–	–	●	●
4	земляные (глиняные) стены	⊕	●	–	–	–
5	бесфундаментные стены	●	●	●	●	●
6	стационарные поселения	●	●	●	●	●
7	«кочевья»	⊕	●	●	–	–
8	«обитаемые полосы»	–	●	●	–	–
9	полуземлянки с очагами	●	●	●	●	●
10	полуземлянки с печами	●	⊕	–	–	–
11	жилища на каменных цоколях, с каменными стенами	–	–	●	●	–
12	юртообразные жилища-полуземлянки	⊕	●	–	–	⊕
13	юртообразные наземные	–	●	–	–	–
14	катакомбные погребения	●	⊕	–	⊕	⊕
15	ямные и подбойные погребения	⊕	●	●	●	●
16	погребения-трупосожжения	●	–	–	–	–
17	подбойные подкурганные погребения (с ровиками)	–	●	●	–	●
18	долихокраны	●	⊕	–	⊕	⊕
19	брахикраны	⊕	●	●	●	●

Рис. 5. Таблица признаков локальных вариантов салтово-маяцкой культуры (Винников, Плетнева, 1998, С. 21; Плетнева, 2000, С. 13)

Корреляция признаков с пятью вариантами салтово-маяцкой культуры: I – лесостепной Донской; II – степной Донской; III – степной Приазовский; IV – Крымский; V – Дагестанский.

*Черный кружок – преобладающий признак; крест в круге – наличие данного признака; прочерк – отсутствие признака.

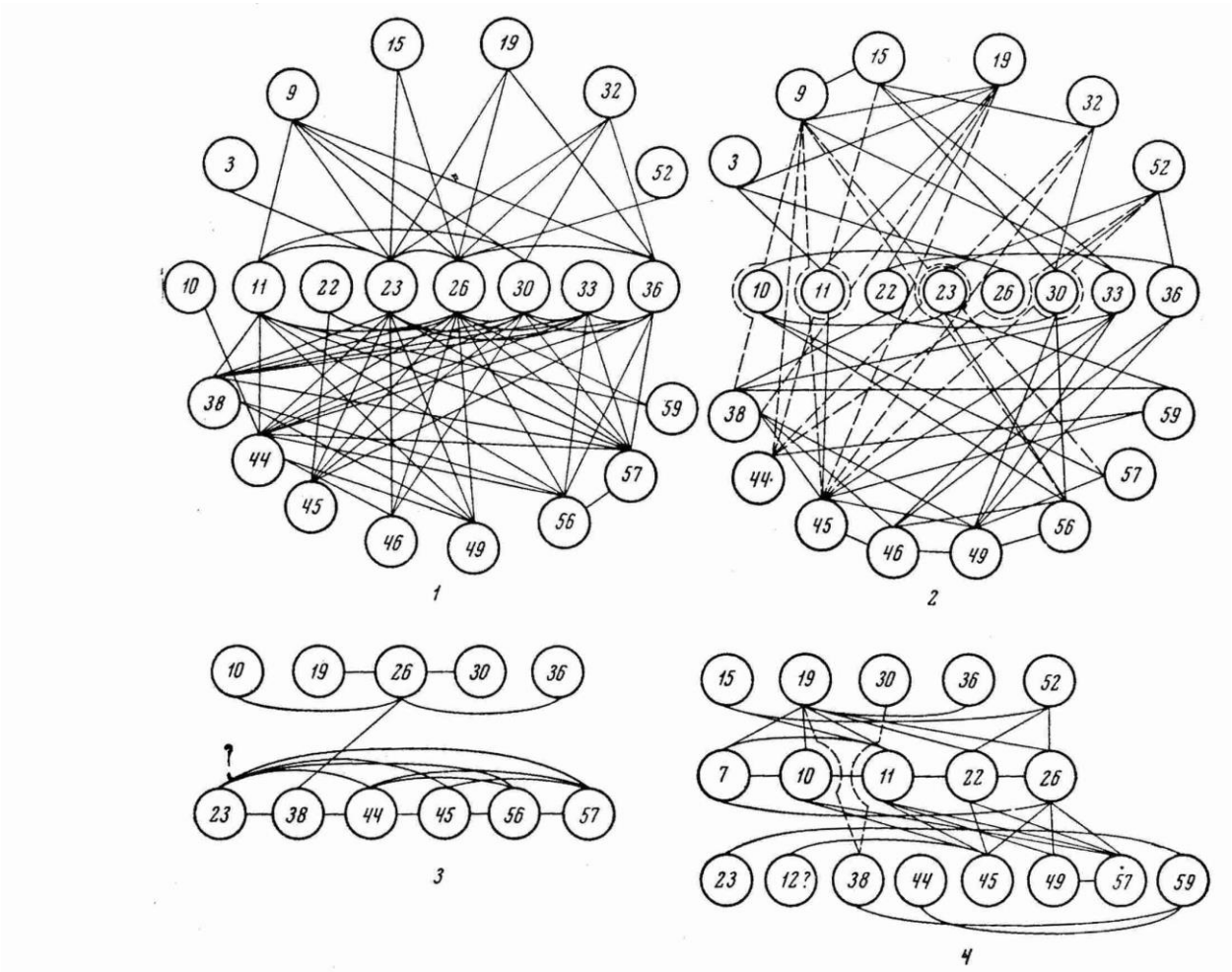

Рис. 6. Связи катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1967, С. 136, рис. 35)
1 – по взаимовстречаемости бус 10 и более сочетаний; 2 – то же по 5-8 сочетаниям; 3 – по взаимовстречаемости бус с другими категориями вещей 8-10 сочетаний; 4 – то же по 3-7 сочетаниям.

Виды бус																	
1	56	23, 38, 44	7, 10, 11, 26, 45, 49, 57		23, 44, 45, 56, 57	11	10, 26, 36	38	7, 26, 30, 38	23, 44, 45, 56	7, 10, 11	33	38, 23	45	10, 46	46
2			11, 19			11	19	19			11					
3		23, 38	11, 19, 26		23	11	19, 26	19, 38		23	11	3	38, 23		3	
4							36									
5	56	23, 38, 44, 59	11, 22, 26, 45, 49, 57	33, 44, 56	23, 44, 45, 56, 57	11	26, 36	38	26, 30, 38	23, 44, 45, 56	11	33	38, 23	45	46	22, 46
6	56	23, 38, 44, 59	10, 11, 15, 26, 45, 49, 55, 57	33, 44, 56	23, 44, 45, 56, 57	11, 15	2, 10, 26, 36	38	26, 30, 38	23, 44, 45, 56	10, 11	33	38, 23	45, 55	10, 46	46
7			26				26		26							
8			26				26		26							
9	56	23, 38, 44	57	33, 44, 56	23, 44, 56, 57			38	30	23, 44, 56		33	38, 23			
10	56	23, 38, 44	49. 57	44, 56	23, 44, 56, 57			38		23, 44, 56			38, 23			
11	56		7, 8, 10, 11, 19, 26	56	56	11	10, 19, 26, 36	19	7, 19, 26	56	7, 10, 11	3			3, 10	
12		23			23					23		3	23		3	
13		23, 44	26	33, 44	23, 44		26, 36		26, 30	23, 44		33	23			
14		44	26, 52	44	44	52	26, 36		26	44						52
15		44	52, 57	44	44, 57	52			30	44						52
16		44, 59	57	44	44, 57					44						
17	56	23, 38, 44	11, 15, 26, 49, 52, 55, 57	33, 44, 56	21, 23, 44, 56, 57	11, 15, 52	26, 36	38	26, 30, 38	23, 44, 56	11	33	21, 23, 38	55	6, 46	52, 46
18		23, 38, 44, 59	11, 15, 26, 49	44	23, 44	11, 15	26	38	26, 38	23, 44	11		23, 38			
19	56	44	11	44, 56	44, 56	11				44, 56	11					
20		44	19, 26	44	44		19, 26	19	19, 26	44						
21		23, 38	10, 26, 45, 52		23, 45	52	10, 26, 36		26	23, 45	10		23, 38	45	10	52
22		23, 59	10, 11, 19, 22, 26		23	11	10, 19, 26	19	19, 26	23	10, 11	3	23		10	22
23	56	44	5, 10, 57	44, 56	44, 56, 57		10			44, 56	10				5, 10	
24		38, 44. 59	11, 22, 26, 45, 57	44	44, 45, 57	11	26	38	26, 30, 38	44, 45	11		38	45		22
25			26				26		26							
26			22, 26				26		26							22
27		23 44	22, 26, 45, 52, 57	44	23, 44, 45, 57	52	26, 36		26, 30	23, 44, 45			23	12, 45	46	22, 46, 52
28		44	10, 15, 45, 57	44	44, 45, 57	15	10		30	44. 45	10			12, 45	10	
29		23	15, 19, 22, 26, 45, 52	33	23, 45	15, 52	19, 26, 36	19	19, 26, 30	33, 45		33	23	12, 45	6	22, 52
30		23	26		23		26		26, 30	23			23			
31			26, 52			52	26		26							52
32		44	26	44	44		26		26	44						
33		23, 38	7, 19 22, 26, 45, 55		23, 45		19, 26, 36	19, 38	7, 19, 26, 38	23, 45	7	3	23, 38	45, 55		22
34		23, 38	45		23, 45			38	38	23, 45			23	45	46	46
35			26				26		26				38			
36		23 44	45	33, 44	23, 44, 45, 57					23, 44, 45		33	23	45		
37			11			11					11					
38		38														
39			49	33				38	38			33	38			

Рис. 7. Типология серег, перстней, копоушек и топоров Дмитриевского могильника и корреляция их с бусами (Плетнева, 1967, С. 138-139, таблица 4)

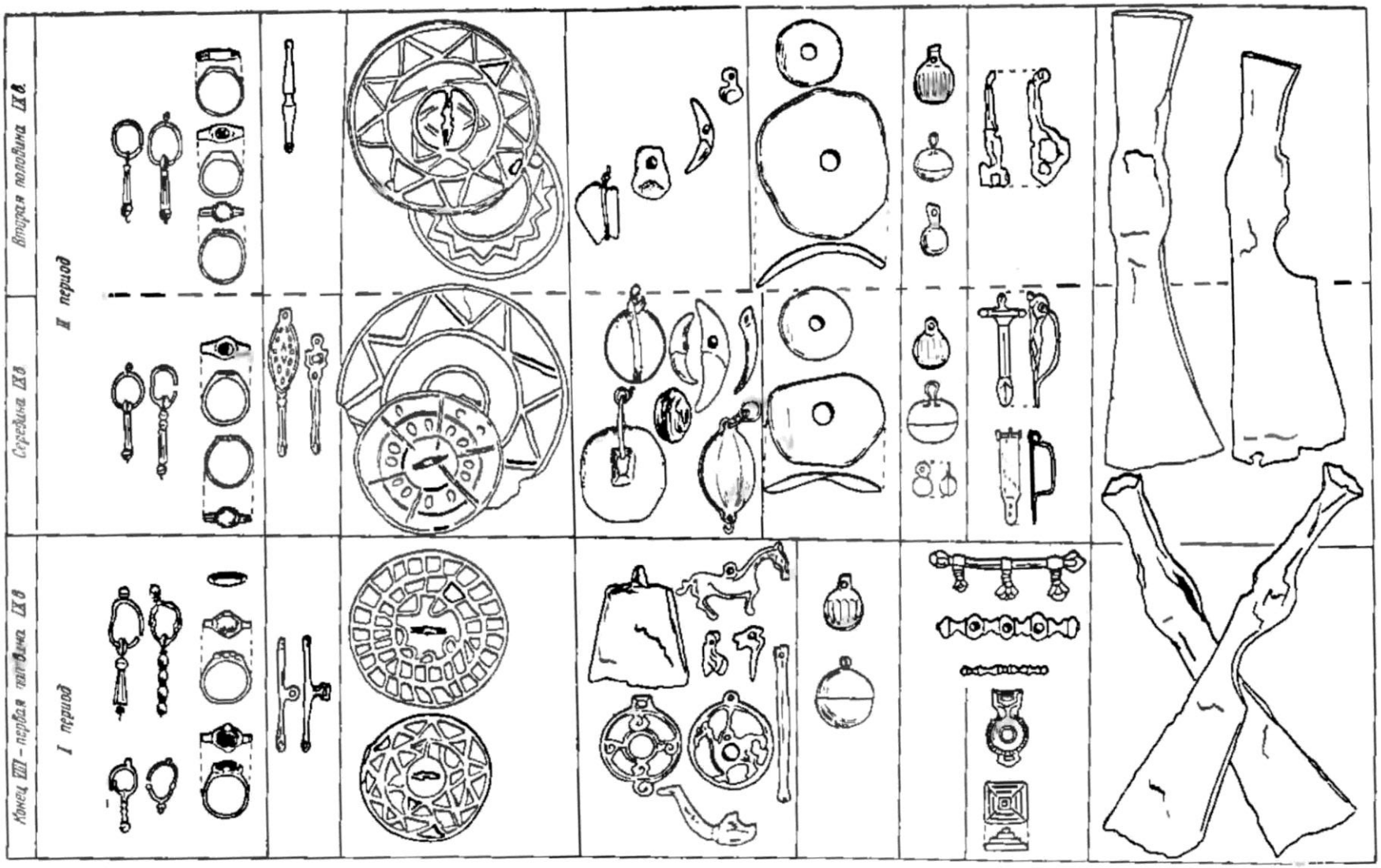

Рис. 8. Хронологическая таблица вещей из катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева 1967, С. 141, рис.36).

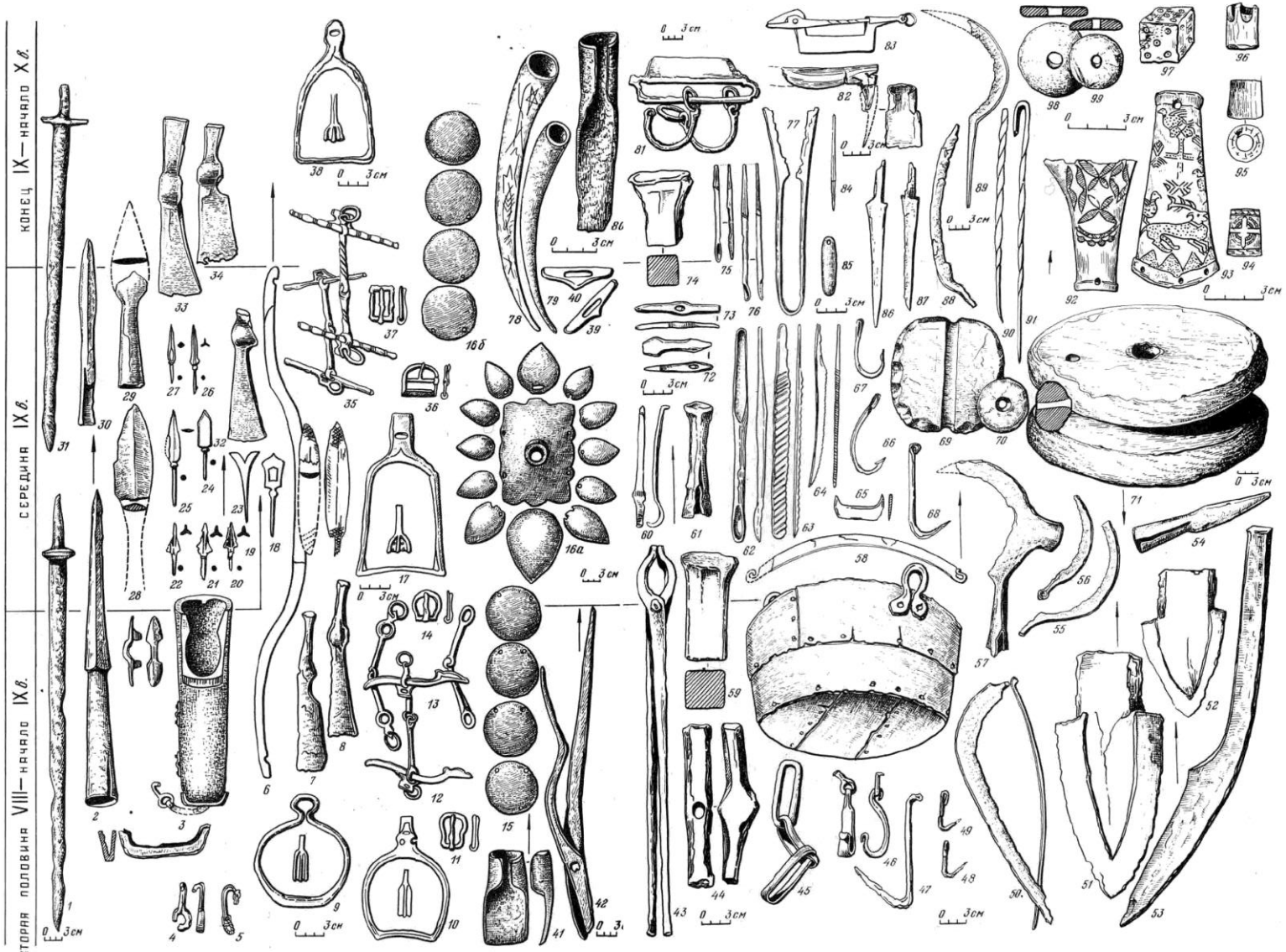

Рис. 9. Хронологическая таблица орудий труда, быта, оружия, сбруи салтово-маяцкой культуры. Составлена по материалам раскопок Дмитриевских могильников и селищ, Саркела – Белой Вежи, Правобережного цимлянского городища (Плетнева, 1981, С. 148-149, рис. 36)

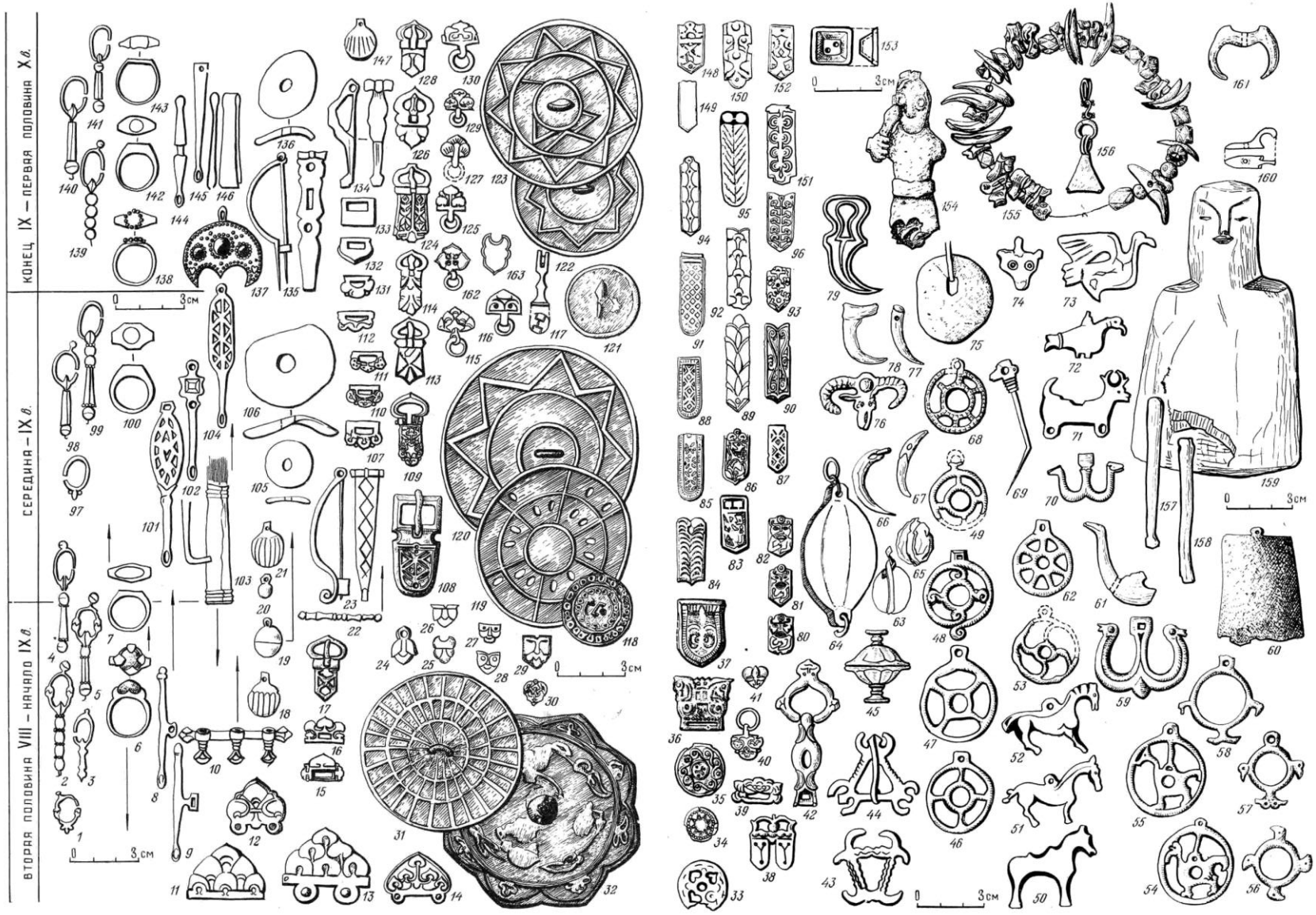

Рис. 10. Хронологическая таблица украшений, амулетов, поясов салтово-маяцкой культуры. Составлена по материалам раскопок Дмитриевского, Салтовского, Маяцкого могильников и Саркела – Белой Вежи (Плетнева, 1981, С. 150-151, рис. 37)

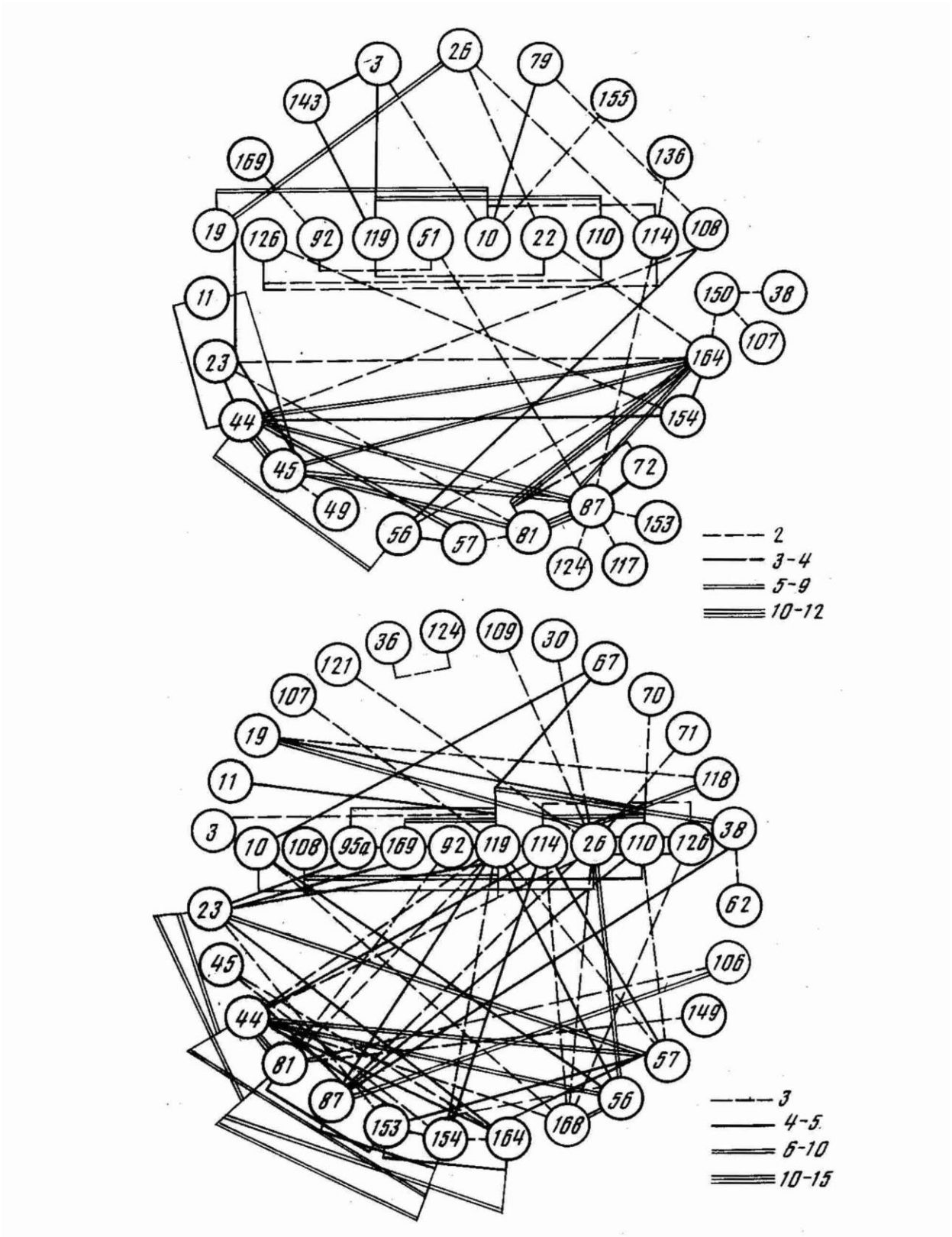

Рис. 11. Графы связей катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 147, рис. 82)

1 – граф, составленный в результате корреляции металлических вещей; 2 – граф, составленный по корреляции глазчатых бус с металлическими вещами.

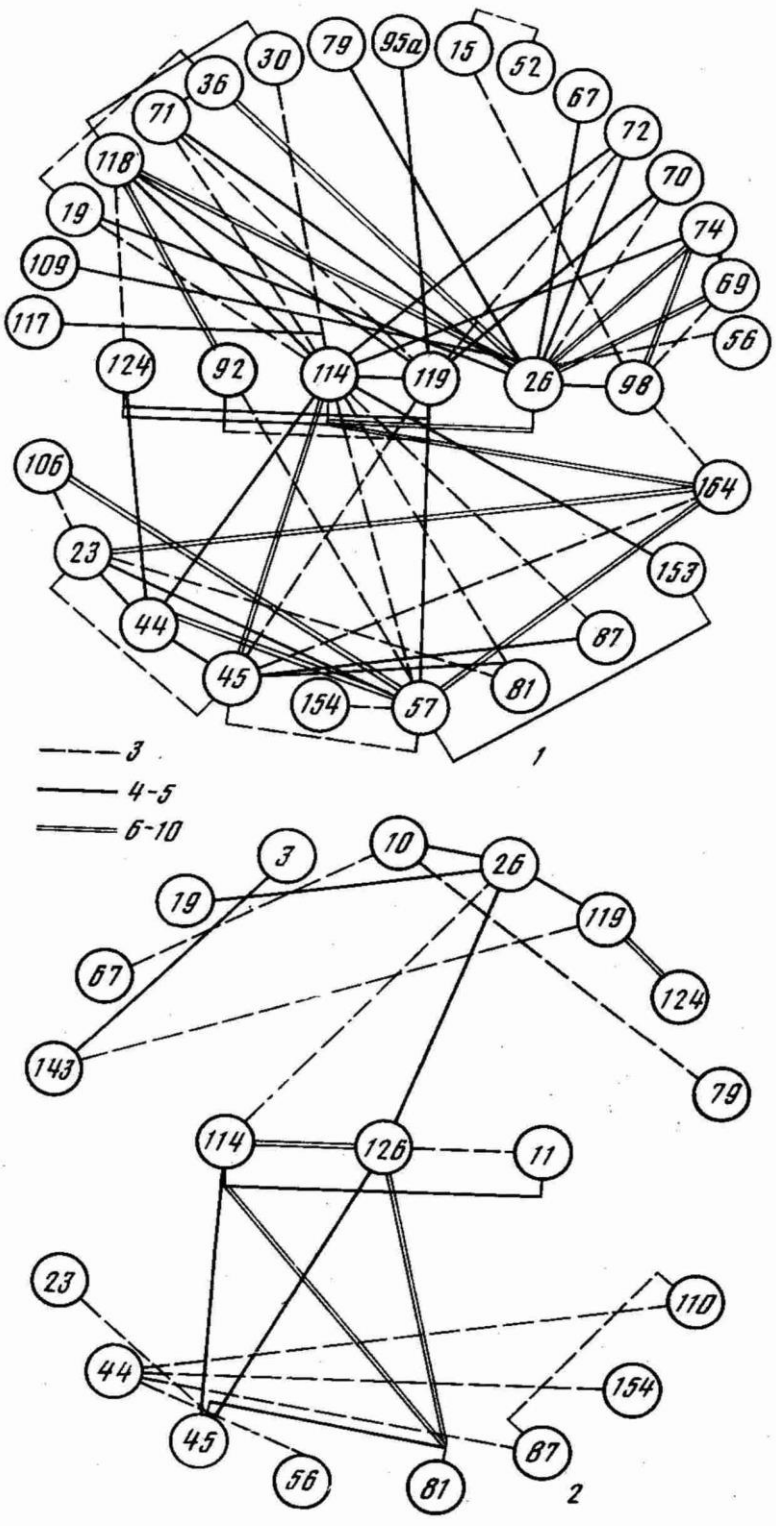

Рис. 12. Графы связей катакомб Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 154, рис. 83)

1 – граф, составленный по корреляции полосатых бус с металлическими вещами; 2 – граф, составленный по корреляции мозаичных бус с металлическими вещами.

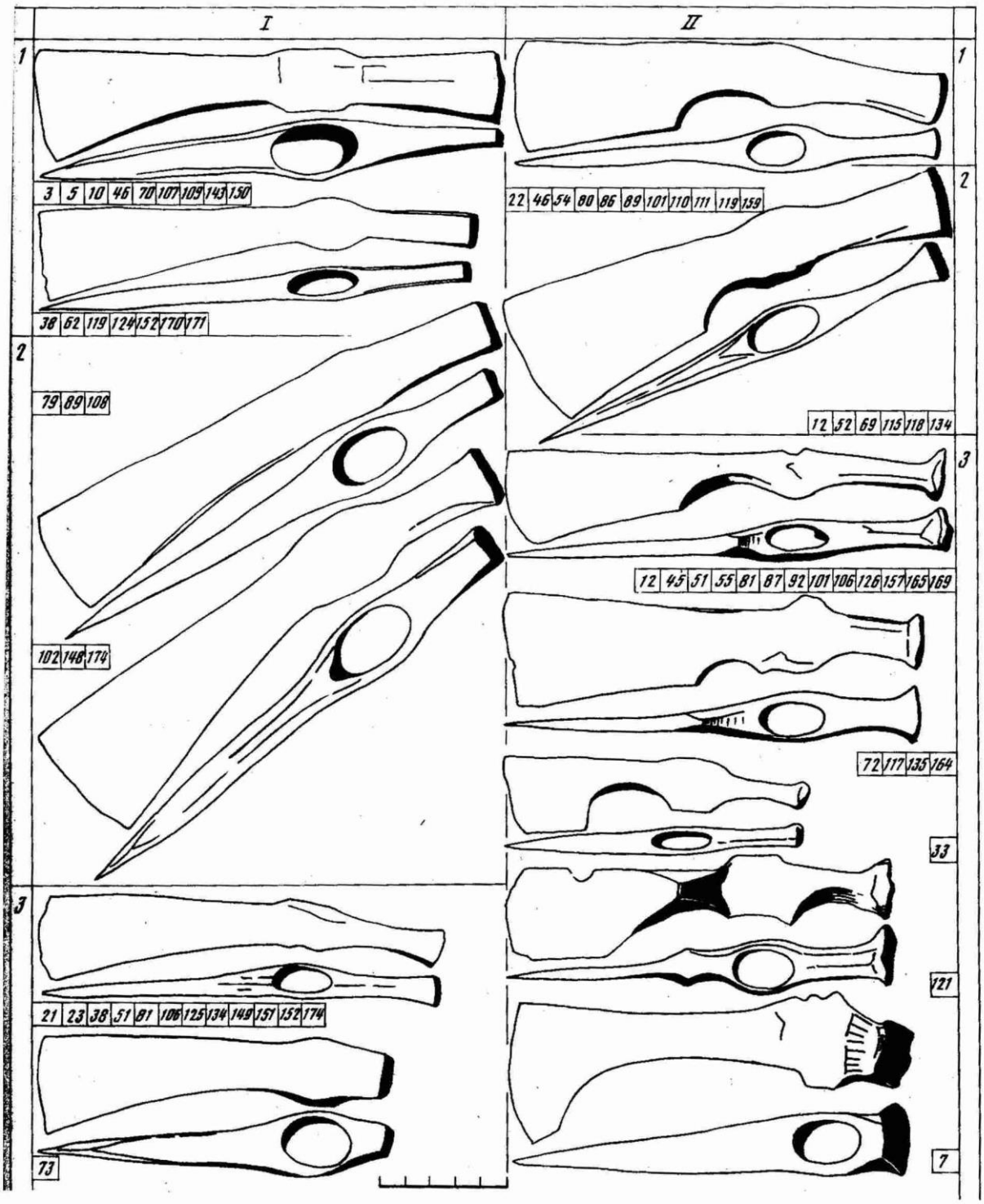

Рис.13. Типология топоров Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 75, рис. 35)
Виды обозначены римскими цифрами, типы – арабскими.

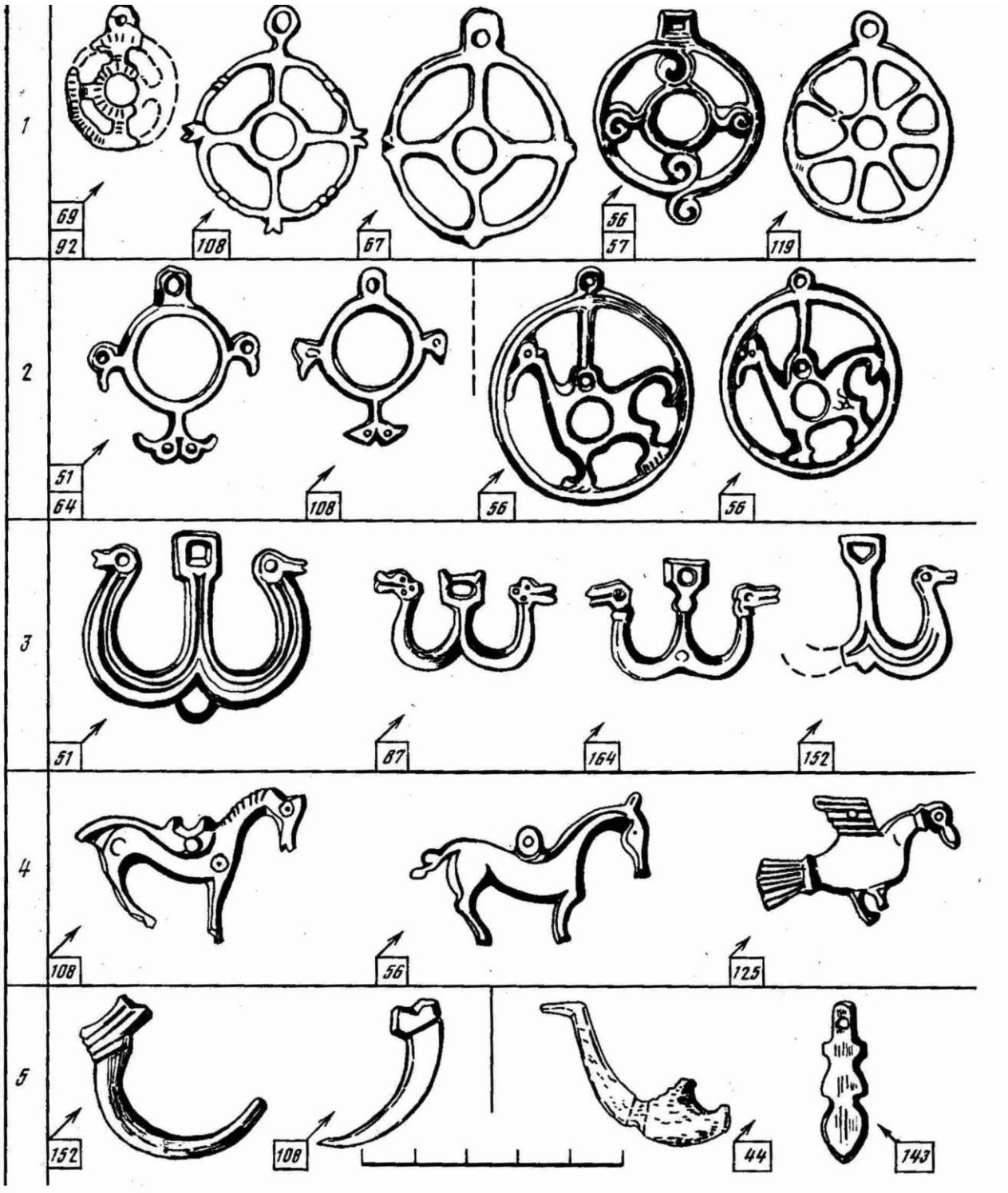

Рис. 14. Типология бронзовых амулетов Дмитриевского могильника (типы 1-5) (Плетнева, 1989, С. 97, рис. 48)

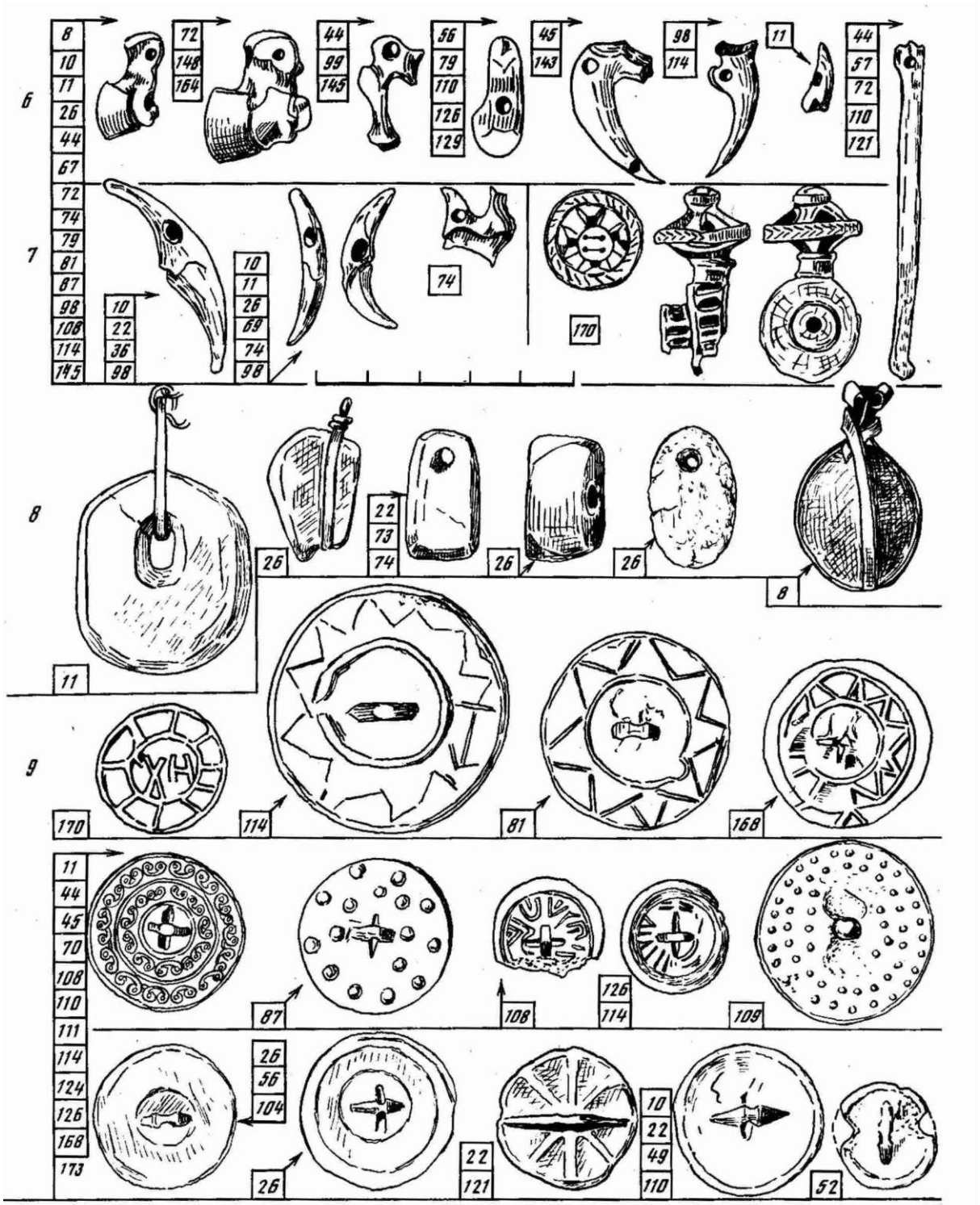

Рис. 15. Амулеты из костей животных (типы 6,7), камня (тип 8), зеркала-амулеты (тип 9) из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 98, рис. 49)

Рис. 16. Предметы туалета из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 105, рис. 55)

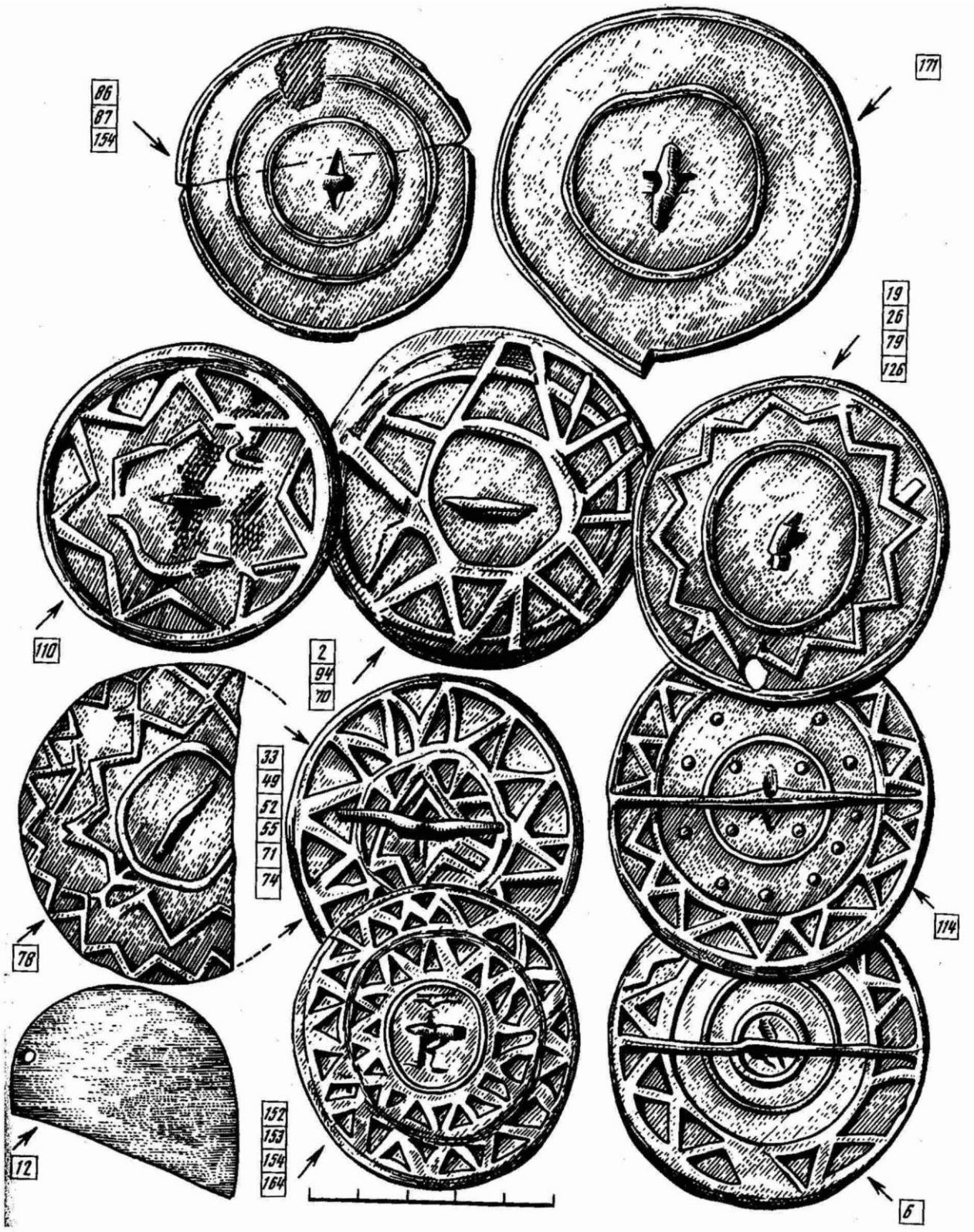

Рис. 17. Бронзовые зеркала (вид I, тип 1-2) из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 101, рис. 51)

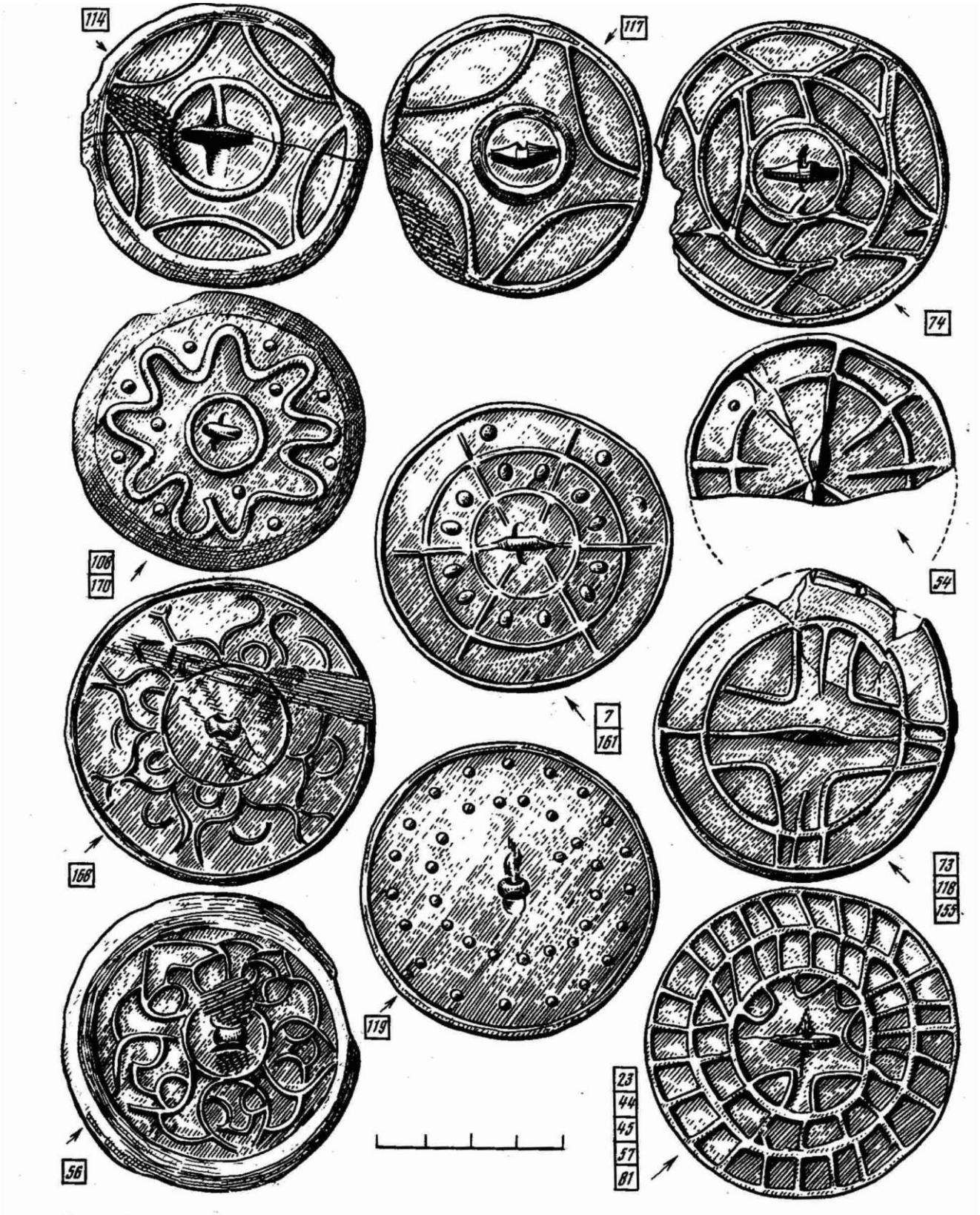

Рис. 18. Бронзовые зеркала (вид I, тип 3-7) из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 102, рис. 52).

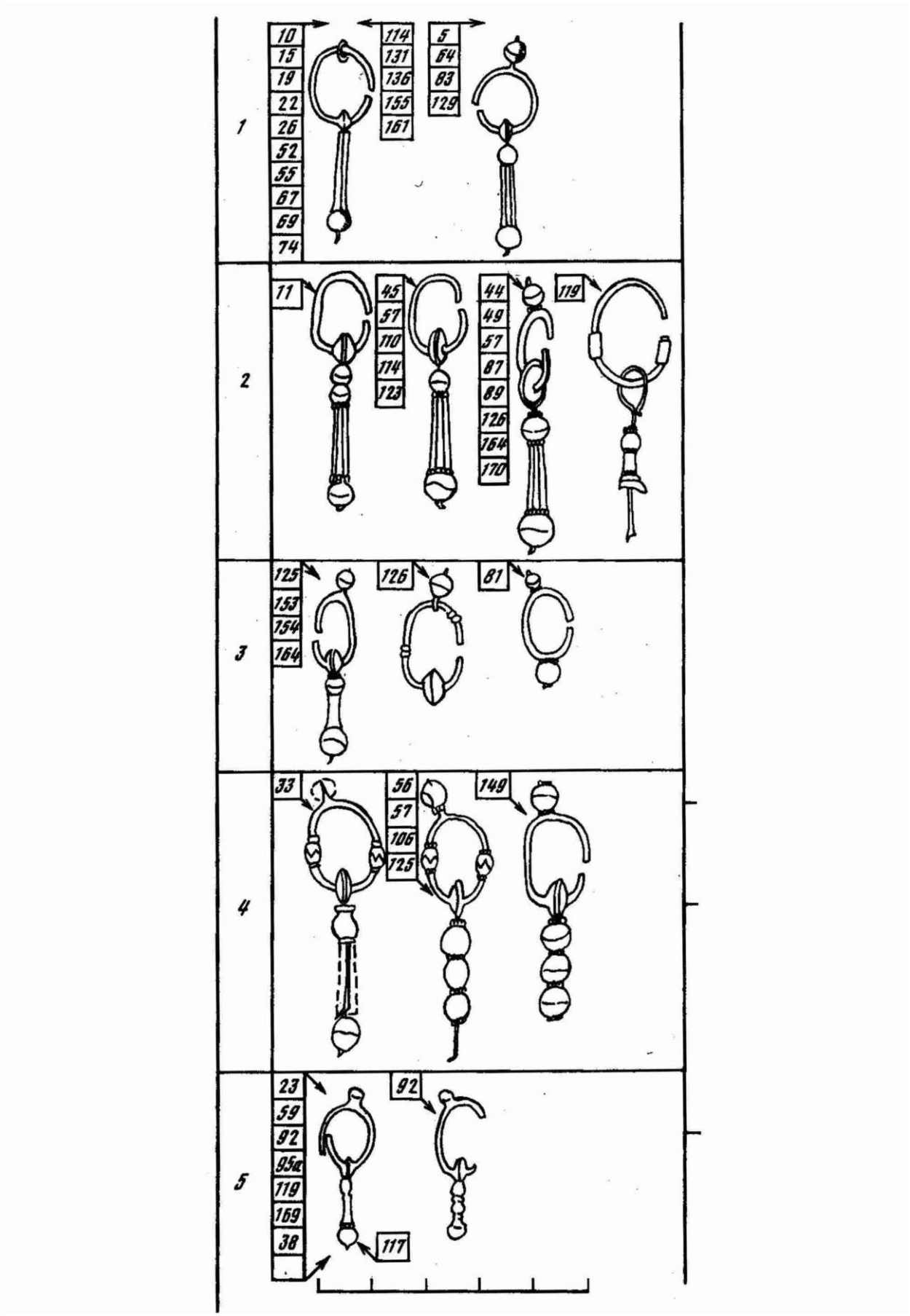

Рис. 19. Серьги из погребений Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 109, рис. 57).

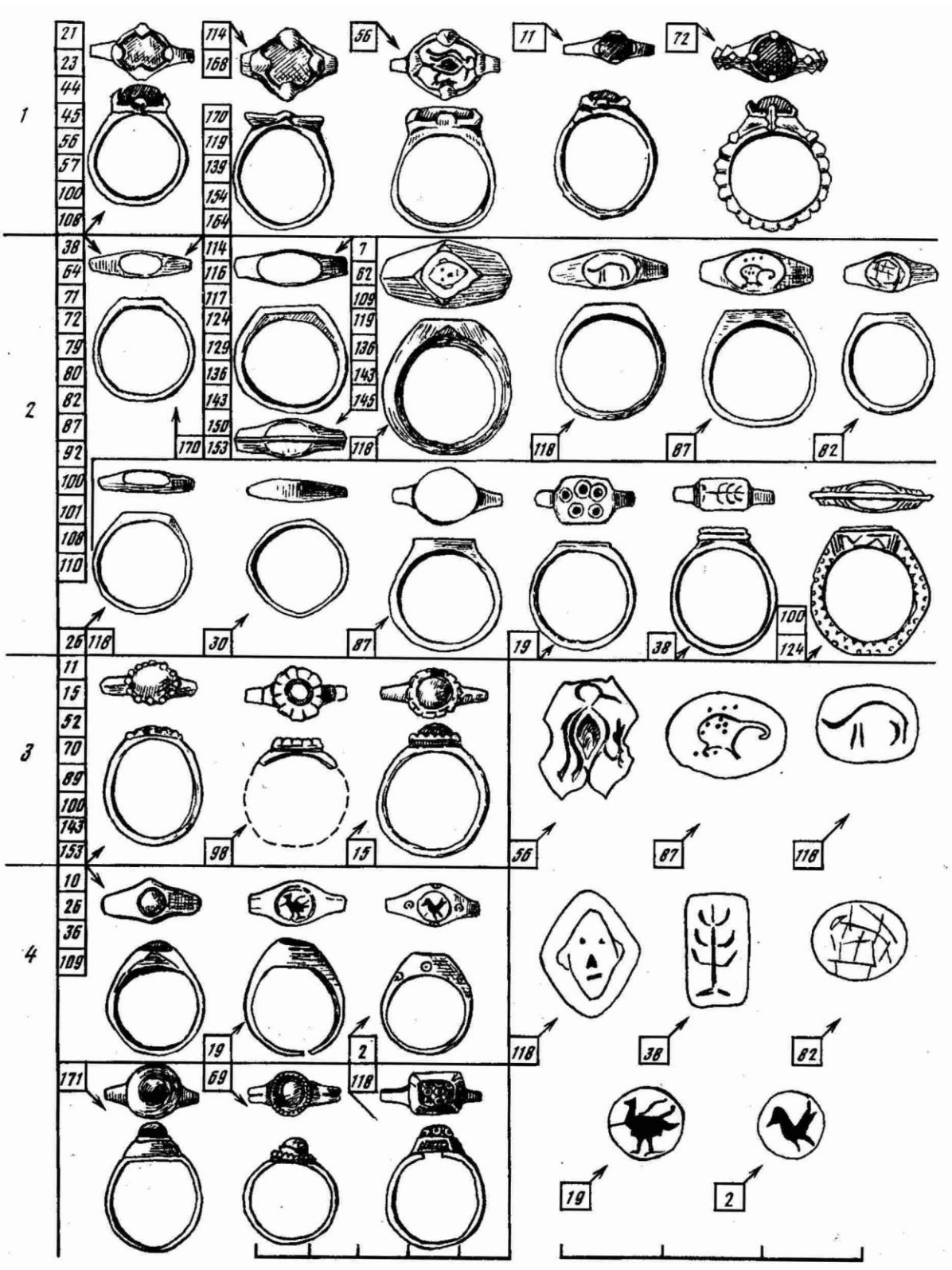

Рис. 20. Типология перстней Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, С. 116, рис. 61)

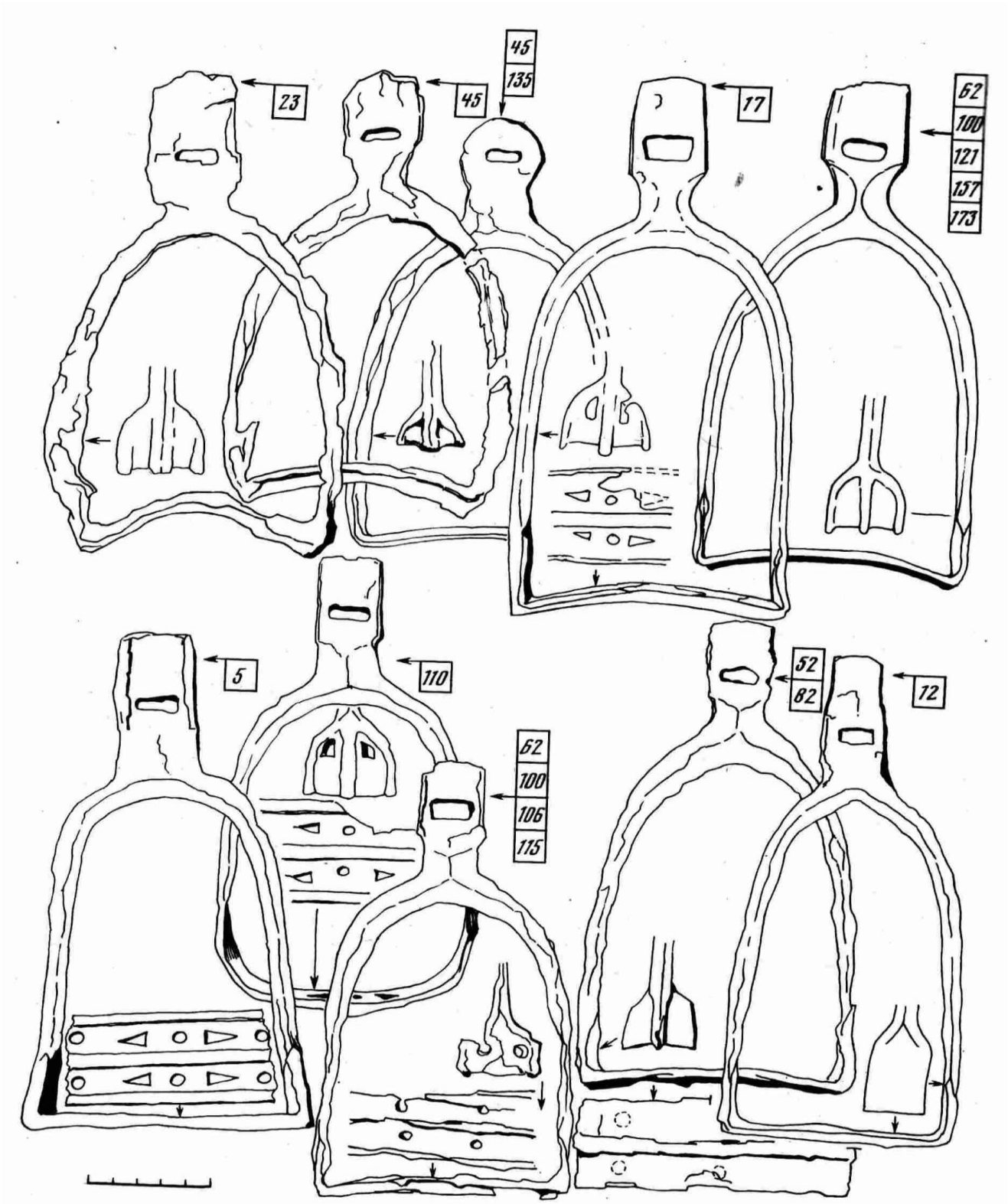

Рис. 21. Типология железных стремян (Плетнева, 1989, С. 90, рис. 44)

Группа	Оружие			Пояс	Сбруя	Конь	Прочие вещи	Сосуды
	топоры	стрелы	сабля					
1	—	—	—	—	—	—	—	+
2	—	—	—	—	—	—	+	+
3	—	—	—	+	—	—	+	+
4	+	—	—	—	—	—	+	+
5	+	—	—	+	—	—	+	+
6	+	+	—	+	—	—	+	+
7	+	+	—	+	+	—	+	+
8	+	+	—	+	+	+	+	+
9	+	+	+	+	+	—	+	+
10	+	+	+	+	+	+	+	+

Рис. 22. Распределение инвентаря в мужских погребениях (Плетнева, 1967, С. 168)
Таблица составлена по материалам Дмитриевского, Салтовского и Подгоровского могильников.

№ катакомб	Признаки																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	сабли	топоры	другое оружие	воинские пояса	сбруя	украшения сбруи	золотые серьги	серебряные серьги	другие украшения	зеркала	один амулет	несколько амулетов	угольная подсыпка	захоронение раба	захоронение коня	захоронения других животных	длинный дромос	большая камера	забитая глиной камера	Итого
126	+	+	+	+	+		+		+	+	+		+		+		+	+	+	14
45		+	+	п *	+			+	+	+		+	+		+			+	+	12
52	+	+	+		+	+			+	+			+				+	+	+	12
23		+	+	п	+				+	+			+				+	+		9
51		+	+	+					+			+	+				+	+	+	9
169		+	+	+					+				+				+	+	+	8
81		+		+			+		+	+		+					+		+	8
55		+	+	+					+	+			+				+	+		8
125		+					+			+		+	+				+	+	+	8
165		+	+	+									+	+			+	+	+	
7		+		+					+	+			+				+	+		7
148		+	+	+								+					+	+	+	7
151		+			+										+	+	+	+	+	7
46		+					+	+	+				+						+	6
57									+	+		+					+	+	+	6
86		+		+					+	+			+						+	6
92		+		+					+		+						+	+		6
3		+	+	+					+				+					+		6
115		+		+	+				+				+					+		6
155				+			+		+	+			+						+	6
94		+			+				+								+	+		5
89		+					+		+	+			+							5
73		+						+	+	+						+				5
79		+		+					+	+		+								5
38		+							+			+	+				+			5
69									+			+	+				+		+	5
119		+		+					+	+	+									5
72		+	+	+					+								+			5
118		+		+					+	+			+							5
171		+							+	+							+	+		5
157		+		+													+	+	+	5
11				+				+	+	+		+								5
21		+	+	+					+											4
83				+					+	+										4
54		+	+	+						+								+		4
80		+		+																4
71				+					+	+								+	+	4
143		+		+					+		+							+		4
98				п					+			+	+							4
101		+		+					+				+							4
107		+							+			+	+							4
111	Н	+		+																4
121				+		+					+			+				+		4
33		+								+			+							4
67		+							+										+	3
140		+		+					+											3
142				+																3
174		+	+												+				+	3
90									+										+	2
131							+		+											2
159		+																		2
22				+															+	2
88				+															+	2
102		+																		1
																				1

«п» — означает «пряжка» 3 „Н" - ножки от сабли.

Рис. 23. Признаки экономического статуса захоронений мужчин (Плетнева, 1989, С. 274-275, табл. 69).

№ катакомб	Признаки																		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
	сабли	топоры	другое оружие	воинский пояс	сбруя	украшения сбруи	золотые серьги	серебряные серьги	другие украшения	зеркала	один амулет	несколько амулетов	уголь	конь в дромосе	др. животные в дромосе	длинный дромос	большая камера	забитая глиной камера	итого
110		+	+		+			+	+	+		+	+	+	+	+	+		12
173		+			+	+			+	+			+	+	+	+	+	+	11
164		+	+	+				+	+	+		+				+	+	+	10
106		+	+	+	+	+			+	+			+				+		9
5	+	+	+	+	+		+									+	+		8
26								+	+	+		+	+			+		+	7
44								+	+	+		+		+		+		+	7
10		+		+			+		+	+		+							6
36									+	+	+					+	+	+	6
87		+	+	+					+	+		+							6
117		+							+	+						+	+		5
124		+		+					+							+		+	5
152		+								+		+				+	+		5
49									+	+		+						+	4
99											+					+	+	+	4
145									+			+				+		+	4
2									+	+							+		3
19									+	+		+							3
56								+	+			+							3
64									+		+					+			3
114									+	+		+							3
129									+		+					+			3
15								+	+										2
30									+								+		2
95б																+	+		2
130																+	+		2
162				+														+	2
59									+										1
60												+							1
122									+										1
123									+										1

Рис. 24. Признаки экономического статуса захоронений женщин (Плетнева, 1989, С. 276, табл. 70).

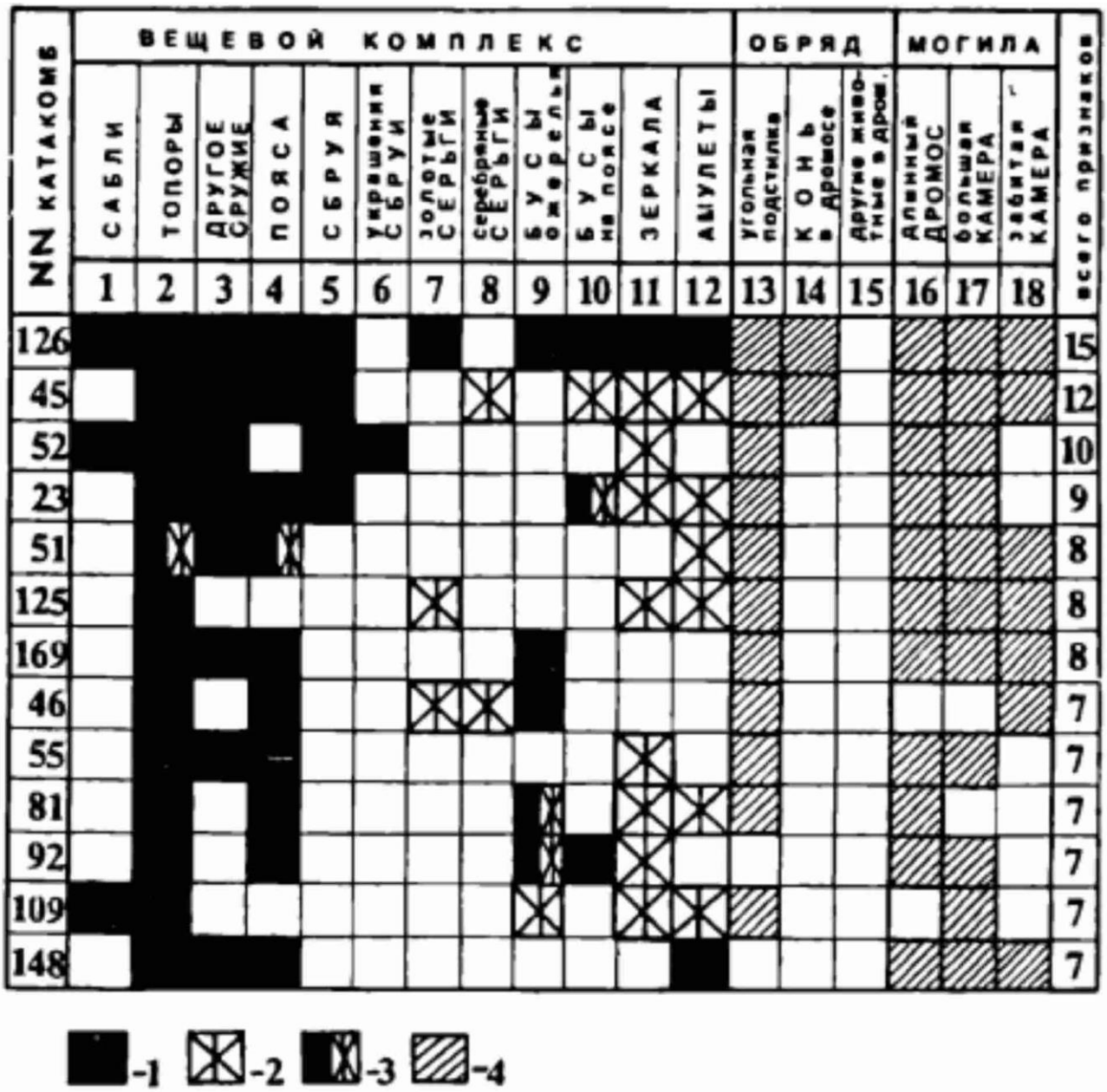

Рис. 25. Корреляционная таблица для выявления социально-экономических категорий по погребальной обрядности (корреляция погребений первой категории с признаками) (Плетнева, 1993, С. 162, рис. 1)

1 – наличие признака при мужском погребении; 2 – наличие признака при женском погребении; 3 – наличие признака при мужском и женском погребениях; 4 – наличие признака в катакомбе.

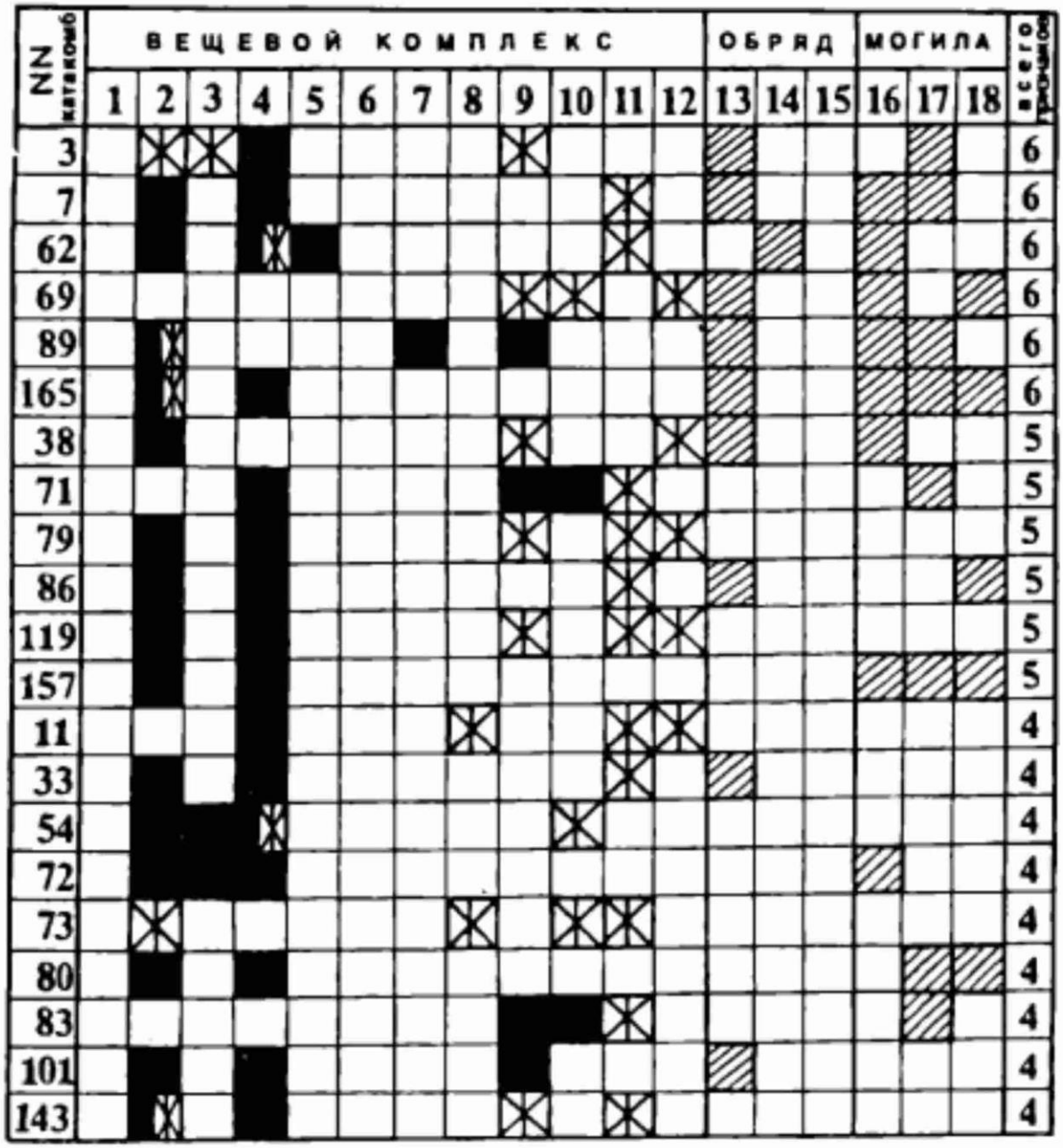

Рис. 26. Корреляционная таблица для выявления социально-экономических категорий по погребальной обрядности (корреляция погребений второй категории с признаками) (Плетнева, 1993, С. 163, рис. 2)
Условные обозначения те же, что на рис. 25.

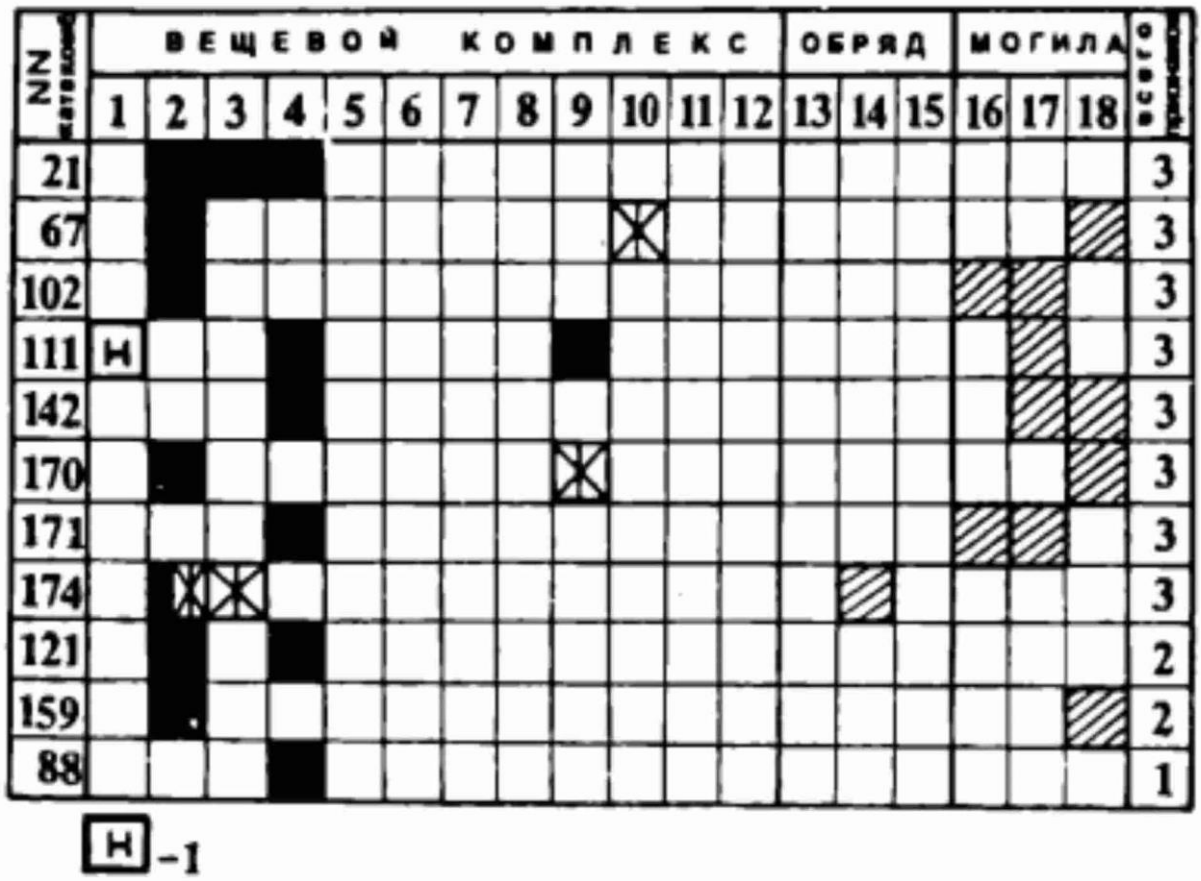

Рис. 27. Корреляционная таблица для выявления социально-экономических категорий по погребальной обрядности (корреляция погребений третьей категории с признаками) (Плетнева, 1993, С. 165, рис. 4)

I – ножны сабли. Все остальные условные обозначения те же, что на рис. 25.

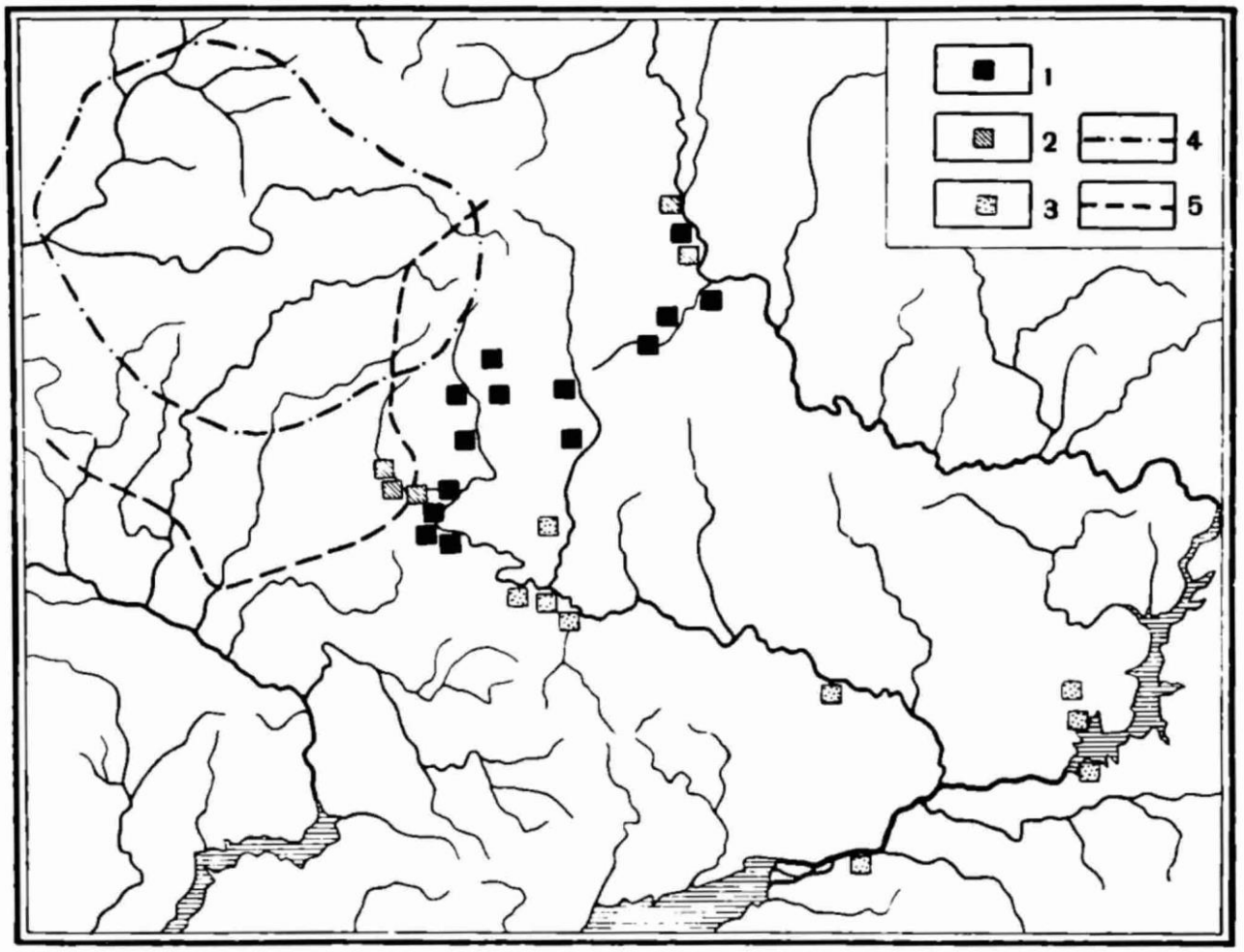

Рис. 28. Карта салтово-маяцких и славянских городищ в бассейне Дона (Плетнева, 1962, С. 86, рис.3).

1 – салтово-маяцкие городища 2-го типа; 2 – славянские городища; 3 – салтово-маяцкие городища 1-го типа; 4 – границы северянской земли (по Б.А. Рыбакову); 5 – границы распространения памятников роменско-боршевского типа (по И.И. Ляпушкину).

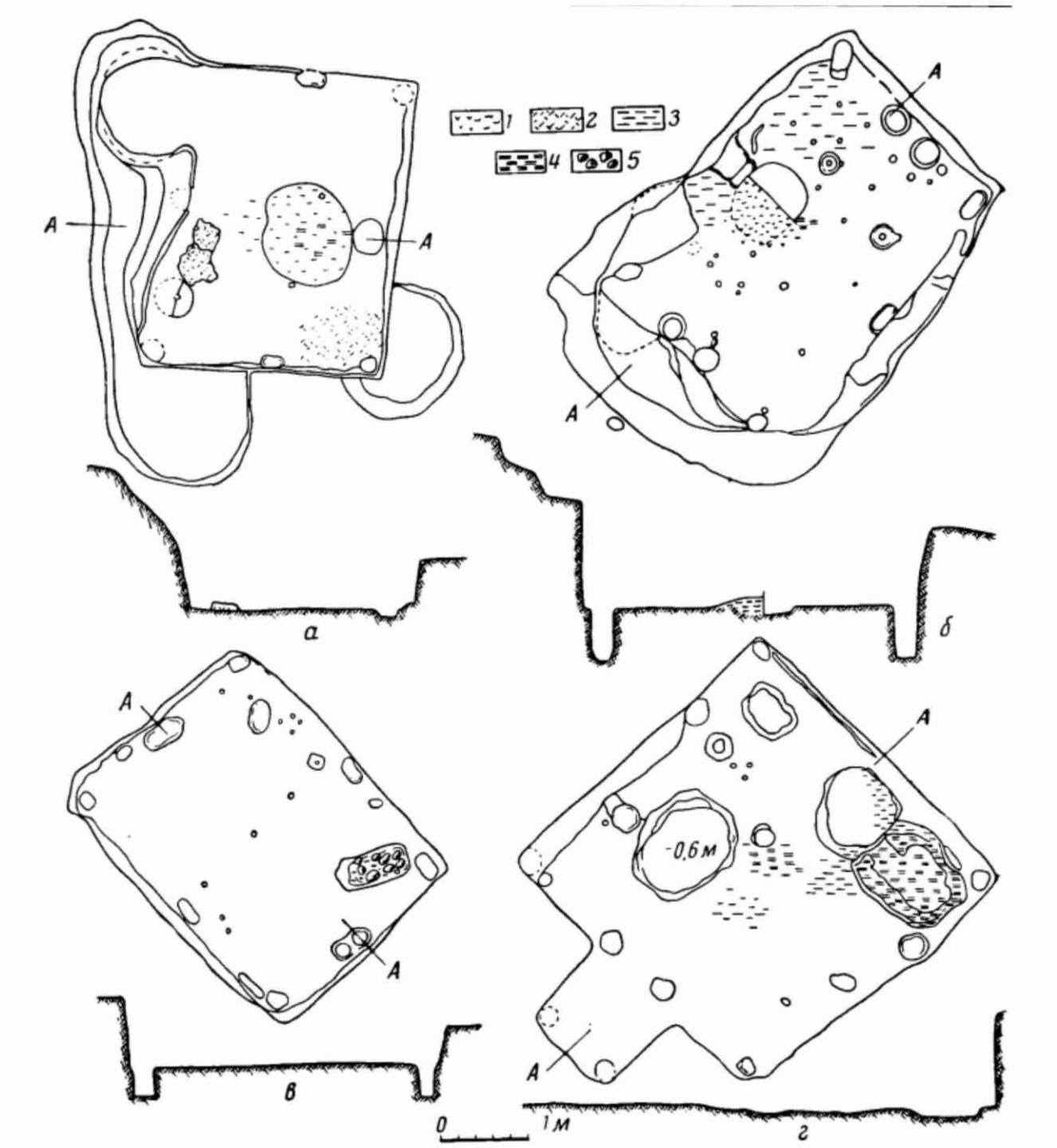

Рис. 29. Жилища-полуземлянки салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1962, С.88, рис.5)
а – с очагом в центре; б – с очагом у стенки; в – очаг с камнями в углу; г – жилище с печью. 1 – зола и угли; 2 – глина, замешанная с шамотом; 3 – глина; 4 – обожженная глина; 5 – камни.

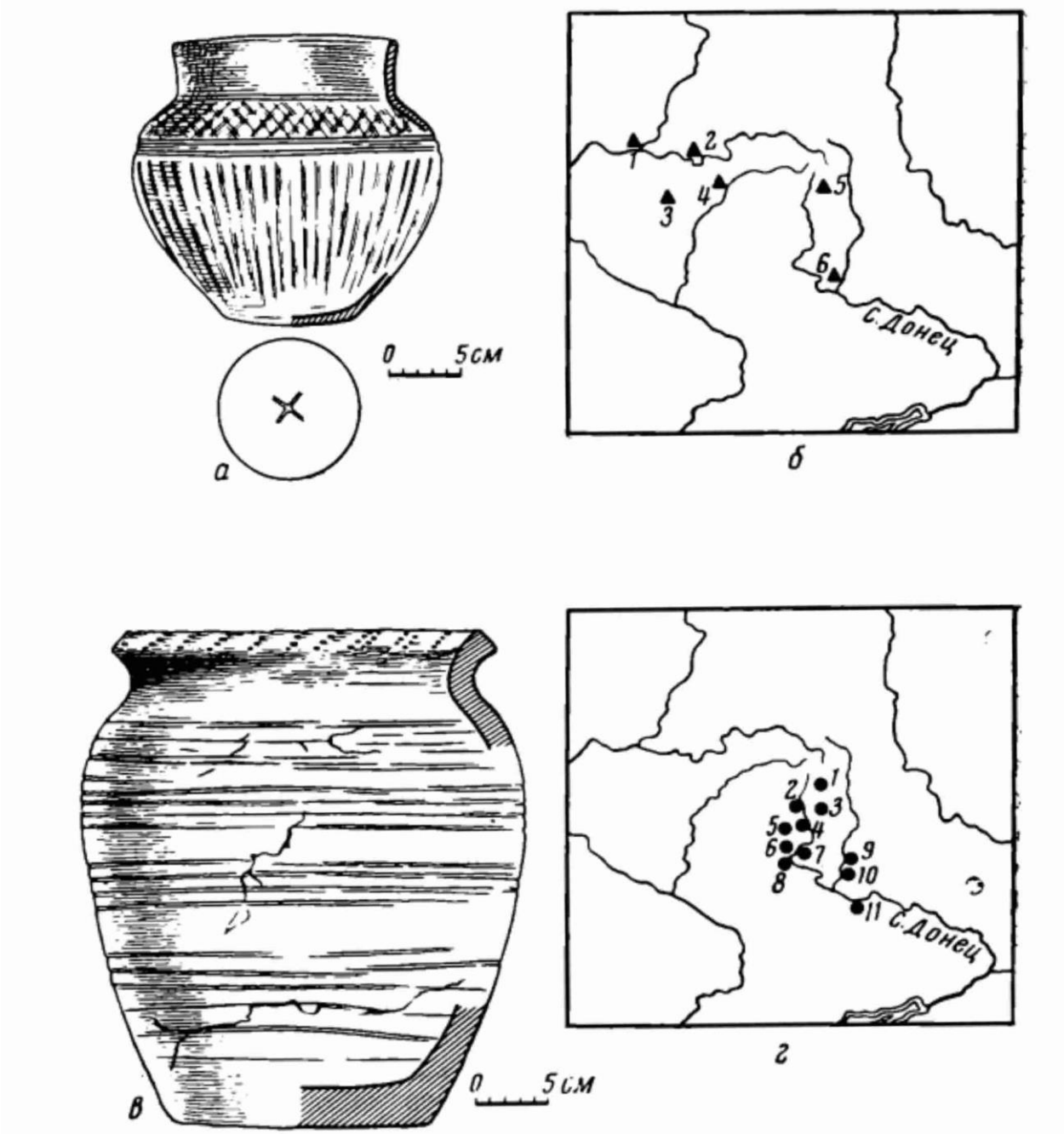

Рис. 30. Распространение салтово-маяцкой и славянской керамики в верховьях Северского Донца (Плетнева, 1962, С. 92, рис.7)
а – лощеный горшок волынцевского типа; б – карта распространения лощеных горшков (1-4 – памятники волынцевской культуры; 5 – Дмитриевский могильник; 6 – селище Жовтево); в – лепной правленый горшок с шамотом в тесте; г – карта распространения салтово-маяцких горшков с шамотом в тесте (1 – с. Дмитровское; 2 – с. Архангельское; 3 – г. Волчанск; 4 – с. Салтово; 5 – д. Пятницкое; 6,7 – с. Мохнач; 8 –д. Сухая Гомольша; 9 – д. Шведовка; 10 – д. Пятихатка; 11 – с. Маяки).